

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

1

2024

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	КУЧКО Е. Е. – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: avesol@yandex.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

- Абдина А. К.** ИТ-университет в Астане, Астана, Казахстан.
- Алимбекова Г. Т.** Центр изучения общественного мнения, Алма-Ата, Казахстан.
- Безнюк Д. К.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Гигин В. Ф.** Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Горшков М. К.** Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
- Король А. Д.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Лапина С. В.** Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Мамедов А. К.** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Мысливец Н. Л.** Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Нарбут Н. П.** Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
- Оюунханд Ш.** Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия.
- Симхович В. А.** Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
- Скворцов Н. Г.** Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
- Титаренко Л. Г.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Тощенко Ж. Т.** Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
- Филинская Л. В.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Хуэйжун Ч.** Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **DANILOV A. N.**, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: a.danilov@tut.by
- Deputy editor-in-chief** **KUCHKO E. E.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: avesol@yandex.ru
- Executive secretary** **SHCHYOLKOVA T. V.**, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: tanar2002@tut.by
-
- Abdina A. K.* Astana IT-University, Astana, Kazakhstan.
Alimbekova G. T. Center for Study of Public Opinion, Almaty, Kazakhstan.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Gorshkov M. K. Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Hihin V. F. National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
Huizhong Z. Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China.
Filinskaya L. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karol A. D. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V. Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Mamedov A. K. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Myslivets N. L. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Narbut N. P. RUDN University, Moscow, Russia.
Oyunhand Sh. National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia.
Simkhovich V. A. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Skvortsov N. G. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

**Давид Генрихович
РОТМАН**

**David Genrikhovich
ROTMAN**

В конце января пришла печальная весть о кончине лидера белорусской социологии, создателя и бессменного руководителя Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, доктора социологических наук, профессора Давида Генриховича Ротмана. Он рано выбрал свое научное направление (методология социологического исследования) и проявил себя как талантливый организатор.

Д. Г. Ротман родился 12 ноября 1944 г. в Богородске (Нижегородская область, Россия). В 1945 г. он вместе с родителями переехал в Минск. В 1963–1966 гг. Давид Генрихович служил в танковом дивизионе в Печах. Именно в армии он, как один из лучших солдат, был принят в ряды КПСС. Кроме того, Д. Г. Ротман слыл хорошим спортсменом (имел 1-й спортивный разряд по волейболу).

В 1967 г. будущий ученый поступил на философское отделение исторического факультета БГУ. Пять лет студенческой жизни, насыщенные учебной и общественной работой, пролетели мгновенно. Коммуникабельный, трудолюбивый, обязательный, Давид Ротман стал одним из комсомольских лидеров

университета, был избран секретарем комитета комсомола исторического факультета, являлся членом университетского комитета ВЛКСМ, дважды выезжал командиром сводного университетского стройотряда на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку (строительство Волжского автомобильного завода в Тольятти), был в составе сводного университетского стройотряда в Германской Демократической Республике.

Давид Генрихович был хорошим учеником и брался за любое дело. Патриарх белорусской социологии профессор Г. П. Давидюк первым заметил таланты Д. Г. Ротмана и в 1974 г. пригласил его на работу в сектор прикладной социологии при кафедре философии гуманитарных факультетов БГУ. Верность социологии Давид Генрихович пронес через всю жизнь. Вся его исследовательская деятельность была теснейшим образом связана с БГУ. Так, в 1974–1991 гг. он работал младшим, затем старшим, ведущим научным сотрудником, заведующим отделом социологических служб БГУ, в 1991–1997 гг. – профессором кафедры социологии философско-экономического факультета. С 1997 г. Д. Г. Ротман – бессменный

директор ЦСПИ БГУ. В 2003–2005 гг. Давид Генрихович заведовал кафедрой социологии, одновременно осуществляя руководство центром.

Д. Г. Ротман являлся одним из руководителей Всесоюзной социологической программы «Общественное мнение» Государственного комитета СССР по народному образованию. В рамках именно этой программы он апробировал концепцию оперативных социологических исследований как самостоятельного направления в социологии. Так, Давид Генрихович разработал методологические подходы к организации и проведению электоральных социологических исследований, оригинальные методики социологических замеров хода избирательных кампаний, методику измерения уровня социальной напряженности в обществе, технологию сложных рейтинговых замеров в политическом поле. Д. Г. Ротман создал первую негосударственную социологическую службу.

В 2012 г. Давиду Генриховичу было присвоено звание «Заслуженный работник БГУ». Он внес большой вклад в возрождение организации «Социологическое общество», а также в создание профессионального научного журнала. Кроме того, Д. Г. Ротман первым в БГУ защитил докторскую диссертацию по социологическим наукам. С его именем неразрыв-

но связано понятие «оперативные социологические исследования», а созданный им ЦСПИ БГУ широко известен как в Беларуси, так и за ее пределами. На счету центра много успешно выполненных международных научных проектов.

Даже при самой высокой нагрузке Давид Генрихович всегда находил время, чтобы встретиться с друзьями, проконсультировать практикующих социологов. Он очень любил общаться со студентами, никогда не отказывал в помощи аспирантам и докторантам. Долгое время Д. Г. Ротман возглавлял совет по защите диссертаций по социологическим наукам при БГУ. Все его время поглощала работа. Он очень любил свой родной университет, но в то же время был предан семье, всегда был готов прийти на помощь друзьям.

Как много ему было дано: учить и учиться, продолжая традиции своих наставников, держать удар и вопреки всему оставаться на стороне истины, дорожить высоким званием ученого и искренне болеть за все, что происходит в нашей большой социологической семье. Светлая память о Давиде Генриховиче Ротмане навсегда сохранится в сердцах его коллег, друзей и учеников.

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

НЕОКОНЧЕННОЕ ИНТЕРВЬЮ AN UNFINISHED INTERVIEW

Мое знакомство с социологом и политологом Давидом Генриховичем Ротманом состоялось еще в годы перестройки. Нас свел общий интерес к методологии и технологии проведения опросов общественного мнения. Д. Г. Ротман – ученик и последователь одного из основателей белорусской социологии Г. П. Давидюка. Именно благодаря своему наставнику будущий ученый усвоил истину, состоящую в том, что социология – это инструмент для изучения проблем общества и разработки эффективной социальной политики.

В 1980-х – начале 1990-х гг. я неоднократно бывал в Беларуси. У меня сложились добрые отношения с белорусскими социологами. По просьбе Г. П. Давидюка я согласился быть оппонентом на защите докторской диссертации Д. Г. Ротмана «Методологические проблемы оперативных социологических исследований» (1991). Уже тогда я обратил внимание на то, что опросы общественного мнения являлись для Давида Генриховича не просто областью социологических исследований: он стремился сделать их частью государственной политики и действовать не только как аналитик, но и как консультант. Именно в этом направлении он мог проявить свою гражданскую позицию, научный интерес и личностные качества. После защиты Д. Г. Ротманом докторской диссертации наши дружеские отношения сохранились. Недавно я обнаружил в своем электронном архиве начало биографического интервью с ним от 3 марта 2008 г. Хотелось бы привести воспоминания Давида Генриховича.

«До Великой Отечественной войны моя мама, Лиза Михелевна Ротман (в девичестве Туник), вместе с родителями и сестрой жила в Минске. Когда началась война, семья была вынуждена эвакуироваться. Несколько дней добирались пешком до Смоленска, откуда на поезде отправились в Горький (сегодня Нижний Новгород), где жил брат моей бабушки. Позже из Горького мамина семья переехала в Богородск. Именно в этом городе мама вышла замуж за моего отца, Генриха Шмулевича Ротмана. До войны он жил в Польше, под Варшавой, учился в университете. Когда началась война, его призвали на службу. Польская армия отступала на восток и перешла границу СССР в районе Львова. Всех отправили в лагерь для перемещенных лиц. Затем была сформирована польская дивизия, в которой оказался и мой отец. Дивизию отправили на фронт, и в одном из боев папа был контужен. После ранения он восстанавливался в госпитале, откуда и попал в Богородск.

В 1943 г. родился я, но в Богородске прожил совсем мало. После освобождения Минска моя семья

переехала туда. Отец устроился мастером на Минскую обувную фабрику имени Кагановича. Позже на фабрику пошла работать и мама. Общее среднее образование я получил в столичной школе № 20. Учился посредственно, так как активно занимался спортом – играл в волейбол. Состоял в юношеской сборной Беларуси. Постоянные соревнования не позволяли достаточно времени уделять учебе. Поэтому я и не смог сразу после школы поступить в вуз (подавал документы в Белорусский государственный политехнический институт) и устроился на обувную фабрику, где работали мои родители. Через год меня ждала еще одна неудачная попытка поступления в вуз, но на этот раз на факультет журналистики Белорусского государственного университета. В 1963–1966 гг. я служил в танковой дивизии. Был курсантом, затем командиром отделения, заместителем командира взвода, избирался секретарем комсомольского бюро роты, вступил в ряды КПСС. После демобилизации из армии вернулся на прежнюю работу. В 1967 г. поступил на дневное отделение философии исторического факультета БГУ. Был секретарем комитета комсомола исторического факультета, в составе студенческих стройотрядов участвовал в возведении Волжского автомобильного завода в Тольятти (был командиром отряда), ездил на стройку в Германскую Демократическую Республику. Учился я очень неплохо. Особенно мне нравились курсы, которые читал профессор Георгий Петрович Давидюк. Когда я сдал ему первый экзамен по истории социологии, сразу принял решение – буду социологом. О том, что такое практическая социология, я узнал, когда участвовал в исследованиях, которые проводились Проблемной научно-исследовательской лабораторией социологических исследований БГУ.

После окончания университета в 1972 г. я устроился социологом в Центр научной организации труда Министерства легкой промышленности БССР. Осенью 1974 г. Г. П. Давидюк пригласил меня в созданный им сектор прикладной социологии при кафедре философии гуманитарных факультетов БГУ. С тех пор я и работаю в социологических службах ведущего университета страны».

Не помню, почему мы не продолжили нашу беседу, но, на мой взгляд, уже этот бесхитростный рассказ Д. Г. Ротмана о начале своей жизни и выборе профессии демонстрирует его глубокий интерес к проблемам развития белорусского общества и искреннее стремление активно участвовать в социальной практике.

Этот талантливый человек внес неоценимый вклад в развитие отечественной науки. Он являлся членом совета БГУ, председателем совета по защите диссертаций по социологическим наукам и по

политологии при БГУ, членом конкурсной комиссии Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь, членом экспертного совета по гуманитарным наукам Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, заместителем председателя правления общественного объединения «Социологическое общество», заместителем главного редактора журнала «Социология», членом Всемирной политологической ассоциации, заместителем председателя 17-го Исследовательского комитета Всемирной политологической ассоциации и т. д.

О широком научном кругозоре Д. Г. Ротмана свидетельствует то, что он был координатором более 100 исследовательских проектов в рамках крупных

международных программ. Среди них следует назвать такие проекты, как «Общественное мнение», «Новый демократический барометр», «Европейские ценности». Кроме того, Д. Г. Ротман руководил 10 проектами по линии INTAS, 2 проектами по линии FP7, рядом исследований по линии ООН, ЮНИСЕФ, Всемирного банка и Международной финансовой корпорации.

Давид Ротман был интересным и харизматичным человеком, пользовался уважением окружающих. Он внес большой вклад в развитие социологии и политологии. Память о нем надолго сохранится в сердцах его друзей, коллег, студентов и аспирантов.

Б. З. Докторов¹

¹*Борис Зусманович Докторов* – доктор философских наук, профессор, почетный доктор Института социологии РАН; независимый аналитик и консультант (США).

Boris Z. Doctorov, doctor of science (philosophy), full professor, honorary doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; independent analyst and consultant (USA).

E-mail: bdoktorov@inbox.ru

УДК 327.5

ПРИОРИТЕТЫ ГЕОПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА ОДНОПОЛЯРНОГО МИРА

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Москва, Россия

Аннотация. Анализируются приоритеты геополитики и геостратегии, обусловленные глобальными социально-экономическими изменениями. Выделяются два ключевых долгосрочных тренда мировой политики: согласно первому тренду интересы всего мира должны совпадать с интересами США, согласно второму тренду должно быть построено справедливое общество, в котором власть принадлежит народу. Противостояние указанных трендов лежит в основе мировой конфликтности и оказывает существенное влияние на формирование нового миропорядка. Отмечается, что сегодня от панатлантистов не приходится ожидать серьезных изменений в отношении к России и ее союзникам. Многоцентричность, контуры которой приобретают все большую четкость, может быть достигнута только путем долгой и упорной международной борьбы. Главное, чтобы возникающие в ходе нее конфликты не переросли в мировое ядерное столкновение. Важнейшей геополитической задачей и приоритетом мировой политики является принуждение США к сотрудничеству по основополагающим проблемам развития современного мира. Главной среди этих проблем выступает спасение природной среды, что может быть обеспечено только путем международного сотрудничества, ведущую роль в котором должны играть США, Китай и Россия.

Ключевые слова: приоритеты геополитики; однополярный мир; многополярный мир.

Образец цитирования:

Антонович ИИ. Приоритеты геополитики в контексте кризиса однополярного мира. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;1:8–13. EDN: VXBGID

For citation:

Antonovich II. Priorities of geopolitics in the context of the crisis of the unipolar world. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;1:8–13. Russian. EDN: VXBGID

Автор:

Иван Иванович Антонович – академик Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор.

Author:

Ivan I. Antonovich, academician of the Russian Academy of Social Sciences, doctor of science (philosophy), full professor.
iantonovich@mail.ru

PRIORITIES OF GEOPOLITICS IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF THE UNIPOLAR WORLD

I. I. ANTONOVICH^a

^a*Independent researcher, Moscow, Russia*

Abstract. The priorities of geopolitics and geostrategy caused by global socio-economic changes are analysed. There are two fundamental long-term trends in world politics: according to the first trend, the interests of the whole world should coincide with the interests of the United States of America, according to the second trend, a just society should be built in which power belongs to the people. The confrontation of these trends underlies the global conflict and has a significant impact on the formation of a new world order. It is noted that today, pan-Atlantists cannot be expected to make serious changes in their attitude towards Russia and its allies. Multicentricity, the contours of which are becoming increasingly clear, can only be achieved through a long and persistent international struggle. The main thing is that the conflicts arising in the course of this struggle do not escalate into a global nuclear clash. The most important geopolitical task and priority of world politics is to force the United States of America to cooperate on the fundamental problems of the development of the modern world. The main one among these problems is the salvation of the natural environment, which can be ensured only through international cooperation, in which the United States of America, China and Russia should play a leading role.

Keywords: priorities of geopolitics; unipolar world; multipolar world.

Геополитические приоритеты координируются ходом исторических событий и часто противоречат друг другу. При этом в мировой политике действуют долгосрочные тренды, которые существенным образом влияют и на сами приоритеты, и на геополитическое соперничество, и на формирование нового глобального миропорядка.

На наш взгляд, уже более века на арене мировой политики действуют два ключевых тренда. Основой для первого тренда послужили следующие обстоятельства: США были единственной страной, которая вышла из Первой мировой войны с огромным профицитом бюджета, все ведущие страны – участники военных действий имели задолженности американским банкам. Именно тогда В. Вильсон, на тот момент президент США, впервые комплексно определил активную геополитическую стратегию страны на предстоящие десятилетия. Он существенно откорректировал геополитический тезис своего предшественника, президента У. Тафта, который полагал, что в будущем доллар должен заменить меч. Так, В. Вильсон сказал, что в современных условиях предстоит сделать мир безопасным для демократии, а чтобы было ясно, о какой модели демократии идет речь, он однозначно указал на совпадение интересов всего мира с интересами США. В. Вильсон представил знаменитый проект мироустройства, состоящий из 14 пунктов. Англия и Франция, мнившие себя победителями в Первой мировой войне, вынуждены были согласиться с ним. Великая Октябрьская революция принесла другой тренд, который предполагал строительство справедливого общества, где власть принадлежит рабочим и крестьянам. В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий считали возможным реализовать этот проект в ходе мировой революции. Противостояние указанных трендов лежит в основе мировой конфликтности. Меняются эпохи, к власти приходят

новые люди, корректируются политические тенденции, но ход истории по-прежнему задают два ключевых тренда.

Новый порядок после Первой мировой войны складывался противоречиво и трудно. Малые государства Европы создавали проблемы, поскольку не стеснялись захватывать соседние территории. Немцы были вынуждены подписать Версальский мирный договор. США решительно отвергли мирный проект В. Вильсона как обязательный для себя. Данное обстоятельство во многом определило важную черту американской geopolitics: то, что США предлагают миру, не является приемлемым для них самих. Америка всегда ставит себя над миром.

Серьезный экономический кризис 1920-х гг., спонтанно развившийся в США и надолго охвативший все западное полушарие, затормозил геополитические устремления Америки, однако не остановил их. Президент Ф. Рузвельт, избранный подавляющим большинством населения, в начале 1940-х гг. сумел преодолеть наиболее негативные последствия кризиса. Он предвидел опасность новой мировой войны, а когда она разразилась, первым предложил взаимодействие с Советским Союзом.

Уникальное сотрудничество двух мировых держав, СССР и США, стало решающим фактором победы над фашизмом. Американское участие в достижении успеха было неизмеримо меньшим, чем участие Советского государства, сумевшего уничтожить на своей территории основные силы вермахта. Однако многое указывает на то, что в ходе Тегеранской конференции и Ялтинской конференции между Ф. Рузвельтом и И. В. Сталиным было достигнуто взаимопонимание по поводу будущего миропорядка. Два лидера в ходе Второй мировой войны смогли найти общий язык и добились компромиссов, которые надолго определили ход мировой истории. По идее Ф. Рузвельта, управлять миром

должны были четыре ведущих государства: СССР, США, Великобритания и Китай.

Ф. Рузвельт смог понять, что во все исторические периоды основная угроза независимости и суверенитету России исходила от Запада. По итогам Второй мировой войны была достигнута договоренность, согласно которой все страны Восточной Европы должны находиться под контролем СССР и представлять собой своеобразный санитарный кордон, обеспечивающий безопасность советской державы.

И. В. Сталин, как известно, в качестве ответного компромисса согласился вступить в войну против Японии (что, однако, противоречило договору между Японией и СССР о ненападении). Это была уникальная геополитическая сделка двух мировых лидеров, реально оценивавших соотношение сил и не желающих возрождения фашизма или появления геополитических формирований, которые могли бы поставить под угрозу миропорядок.

Неожиданная смерть Ф. Рузвельта, которая, как иногда намекают американские средства массовой информации, была не случайной, сорвала эти договоренности. Сейчас можно только предполагать, каким бы стал миропорядок после Второй мировой войны, если бы Ф. Рузвельт был жив. Заменивший его на посту президента Г. Трумэн посмотрел на события под другим углом. Для него было очевидным неравновесное положение двух государств – победителей в войне. Если СССР предстояло сосредоточить максимум усилий на послевоенном восстановлении страны, то стратегической задачей США стало сохранение военной мощи и мирового присутствия, которое досталось им почти даром по итогам Второй мировой войны.

Уместно вспомнить, что Ф. Рузвельт был первым президентом США, который начал реализовывать стратегию так называемой упреждающей обороны. В ее основе лежало понимание особого географического положения американского континента, которому ни с востока, ни с запада не угрожала открытая сухопутная агрессия. В силу этого Ф. Рузвельт решил осуществлять геополитические задачи США путем выдвижения ударных сил далеко за пределы государства. Так появилась мировая сетевая структура американских баз, количество которых приближается к тысяче. Расположение этих баз указывает на то, что большая их часть была направлена против СССР, а сегодня сделала своей целью и Китай.

После Второй мировой войны перемирие быстро трансформировалось в биполярное противостояние. Несмотря на частые политические обострения, до распада СССР в 1991 г. все же удавалось сохранять миропорядок, договоренность о котором была достигнута в Ялте и Потсдаме. Важно отметить, что и Ялтинская конференция, и Потсдамская конференция, на которых решалась судьба послевоенного мира, проходили при безусловном доминировании

СССР. Представители США и Великобритании, а также их союзники были гостями И. В. Сталина на конференциях. В условиях колоссальных противоречий основной акцент на борьбе за мир и содействии распаду колониальных империй делал Советский Союз. На протяжении биполярного противостояния именно СССР, а не США (Англия отошла на запасные позиции), выступал инициатором мирных геополитических решений. В этом контексте уместно обратить внимание на инициативы Советского государства по объединению Германии ценой превращения ее в нейтральное государство. Этому яростно сопротивлялись США и Великобритания, ставшие к данному времени союзниками новой Германии по НАТО и стремящиеся к утверждению западноцентризма в геополитике.

Примечательно, что И. В. Сталин в своих последних интервью, опубликованных в газете «Правда» в апреле и декабре 1952 г., однозначно указывал на возможность мирного сосуществования коммунизма и капитализма при условии обоюдного желания СССР и США сотрудничать и готовности выполнять взятые на себя обязательства. Значимыми были и его рассуждения о том, что новой мировой войны можно избежать, а также обращение к США с призывом к мирному сосуществованию.

Взвешенная политика СССР, подкрепленная его военной и экономической мощью, являлась важнейшим фактором сохранения мира на протяжении всего XX в. Распад СССР в августе 1991 г. серьезно повлиял на мировое политическое равновесие.

На смену геостратегической стабильности, обусловленной договоренностями ведущих государств, СССР и США, пришла стратегическая нестабильность. Выдающийся мыслитель А. С. Панарин охарактеризовал ее следующим образом: «Продвижение НАТО на восток, вплоть до прямого вторжения в постсоветское пространство... это, разумеется, новый взлом статус-кво. Объявление Украины, Закавказья, Средней Азии зоной американских национальных интересов – это, несомненно, продолжение стратегического наступления после того, как холодная война окончена» [1, с. 10].

Значительная доля ответственности за эту нестабильность лежит на политическом руководстве СССР в поздний период перестройки и Российской Федерации в 1990-х гг. Эта бесславная для отечественной истории эпоха сопровождалась немыслимыми с точки зрения логической и стратегической целесообразности уступками и ошибками политических лидеров.

В ответ на слова представителей отечественного политического истеблишмента о том, что когда-то Запад обещал М. С. Горбачёву не расширять НАТО на восток, экс-госсекретарь Дж. Буша – старшего Дж. Бейкер заявил, что он единственный, кто высказал Э. А. Шеварнадзе, являвшемуся на тот момент министром

иностранных дел СССР, мысль о таком варианте развития событий. Однако, когда Дж. Бейкер сообщил об этом разговоре своему президенту, тот отреагировал короткой и жесткой фразой: «Мы не позволим им вырвать победу из челюсти поражения». Мощная, ставшая достоянием общественности фраза определила политическую стратегию Дж. Буша – старшего. Даже свое президентство он начал с так называемой стратегической паузы, в ходе которой внимательно изучил итоги переговорного процесса между М. С. Горбачёвым и Р. Рейганом. Тогда Дж. Буш – старший и пришел к железному выводу о том, что СССР не следует оказывать никакой материальной и иной помощи. В качестве аргумента он высказал мысль о том, что нельзя помогать ликвидировать материальные трудности стране, ракеты которой нацелены на основные жизненные центры Америки. Разумеется, такая позиция скрывалась от М. С. Горбачёва, который соглашался на немислимые стратегические уступки.

Сегодня на Западе раскритикованы и опубликованы стенограммы многих советско-американских переговоров той поры. Поражает, с какой легкостью западные политики, тщательно планируя каждый свой шаг, добивались от М. С. Горбачёва, а затем и от Б. Н. Ельцина стратегических уступок, ставящих Россию в зависимое положение. Особенно показательным в данном контексте выступает согласие М. С. Горбачёва на вхождение ГДР в состав ФРГ (ценой одного бутерброда, как потом хвастался канцлер Г. Коль). А ведь тогда было совершено уникальное предательство по отношению к тысячам государственных и политических деятелей не только Германии, но и Советского Союза. Они стали объектом глумлений мстительных и злобных сил. Тогда и выяснилось, что министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер сказал министру иностранных дел СССР Э. А. Шеварнадзе о том, что если будет согласие на присоединение ГДР к ФРГ, то НАТО не продвинется ни на один дюйм (и этот разговор не имел продолжения). В опубликованных Г.-Д. Геншером книгах и его архиве об этих заявлениях нет ни слова. В недавнем интервью телекомпании «CNN» Б. Клинтон заявил, что с учетом благоприятных отношений с Б. Н. Ельциным он добился согласия на расширение НАТО, заверив российского лидера в том, что это не будет нацелено против интересов России. Данную «мантру» апологеты панатлантической экспансии повторяли на протяжении многих лет.

История зафиксировала неблагоприятный поступок и российского президента Б. Н. Ельцина. В своих мемуарах государственный и политический деятель

А. В. Козырев рассказывает о визите лидера России в Польшу. Якобы после веселого застолья с польским президентом Л. Валенсой Б. Н. Ельцин рано утром разбудил министра иностранных дел А. В. Козырева и велел ему изъять из предстоящего коммюнике фразу о том, что Россия противостоит расширению НАТО. Разумеется, данный эпизод политик приводит в значительной степени в качестве самооправдания. Проверить эту информацию сегодня почти невозможно. Но фактов, которые свидетельствуют об активном сопротивлении двух российских лидеров, М. С. Горбачёва и Б. Н. Ельцина, и экспансии НАТО, в международных архивах пока не обнаружено.

Конец политическому давлению на Россию был положен после того, как в 2000 г. президентом Российской Федерации был избран В. В. Путин. В своей знаменитой речи, произнесенной в 2003 г. в Мюнхене, он прямо обвинил западное сообщество в агрессивных намерениях против России. Это был революционный перелом в политике. Наблюдатели по обе стороны нового противостояния напряглись, ожидая развития событий. И эти события последовали. Агрессивные планы М. Н. Саакашвили против Абхазии в 2008 г., безусловно, были известны Западу заранее и явились своего рода проверкой способности России отражать прямые вызовы безопасности. При всей неожиданности для Вооруженных сил Российской Федерации через несколько дней после начала агрессии они стояли в 7 км от Тбилиси. Тогда многим западным политикам стало ясно, что если СССР проиграл холодную войну, то США ее не выиграли. Россия заявила о выходе на мировую арену в качестве суверенного государства, способного защищать свои стратегические и геополитические интересы.

В ответ как по команде десятки специалистов в области развязывания прокси-войн обвинили Россию в агрессивности. В тот период известный аналитик Д. Тренин опубликовал многозначную статью, в которой указал на то, что отношения России с Западом никак не становятся лучше¹.

Некоторые крупные аналитические центры (в том числе американская корпорация «RAND», работающая на Пентагон) опубликовали ряд программ, задачами которых были названы экономическое ослабление России, усиление присутствия вооруженных сил США в Европе, повышение частоты и масштабов учений НАТО в Европе, производство ракет средней дальности и т. д. Эти задачи можно объяснить целью изматывания России. Данной целью должны руководствоваться не только США, но и их союзники в восточном направлении².

¹Trenin D. Russia's relations with the West are not about to get any better // The Security Times : electron. newsp. 2020. February. URL: <https://www.the-security-times.com/russias-relations-with-the-west-are-not-about-to-get-any-better/> (date of access: 31.10.2023).

²2019 RAND annual report // RAND : site. URL: https://www.rand.org/pubs/corporate_pubs/CP1-2019.html (date of access: 31.05.2023).

В конце первой декады текущего века стала господствовать точка зрения, суть которой особенно четко изложена немецким обозревателем Т. Зоммером: сегодня старый миропорядок разрушен, наступает состояние хаоса, поэтому важно вовремя разглядеть контуры нового мира³. Стратеги Белого дома понимали это и, преследуя цель ослабить Россию, особое внимание стали уделять Украине. Несмотря на то что очевидно прозападные президенты Украины Л. М. Кравчук и В. А. Ющенко не смогли переизбраться на второй срок, они успели сформировать в украинском обществе мощное русофобское националистическое крыло, готовое к радикальным действиям против России. Государственный переворот в Украине в 2014 г. не оставил в этом никаких сомнений. Специальная военная операция, начатая Россией, являлась логичным ответом на создание новой геополитической угрозы со стороны Украины. Она вызвала ожидаемую русофобскую истерию. Запад объединил вокруг себя более 50 государств, которые нацелены на сохранение однополярности, проявившейся достаточно очевидно после распада СССР. Именно тогда США отказались от сохранения международной правовой системы отношений, заменив их концепцией порядка, основанного на правилах.

В противостоянии России на территории Украины Запад мобилизовал все свои стратегические резервы, привлек союзников по русофобии, которыми охотно стали Польша, Литва, Латвия и Эстония. Что касается последних, то русофобия оказалась их единственным способом доказать свою нужность Западу, и в этом деле они особенно преуспевают.

Общеизвестно, что весь мобилизационный, военно-технический и логистический арсенал Запада, развернутый на полях Украины, служит задаче ослабить Россию. В ведущих западных изданиях автору не удалось найти ни одного случая, когда бы западные политические деятели желали победы Украине. Их интересует в первую очередь нанесение ущерба России.

Поставленных целей Западу достичь не удалось. Его новой проблемой стала военно-политическая авантюра на Ближнем Востоке. Тотальное уничтожение Израилем арабского населения даже для США показалось чрезмерным по своей жестокости. Несмотря на заявления Израиля о легитимной обороне, весь мир вынужден признать геноцид мирного населения в секторе Газа. Это означает, что, чем бы ни закончилась данная военная кампания, неизбежны новые противостояния на Ближнем Востоке, которые в свое время позволили Израилю безнаказанно нарушить решение ООН о создании израильского и палестинского государств на

территории бывшей Иудеи. Уже сейчас ясно, что впервые после Второй мировой войны единение арабских государств в противостоянии не только с Израилем, но и с США означает новый расклад сил на Ближнем Востоке, чреватый кровопролитными конфликтами.

Сегодня США вступают в президентскую избирательную кампанию. Журнал «Тайм» недавно опубликовал список возможных кандидатов в президенты от республиканской и демократической партий (более 20 человек), а также независимых кандидатов, не объявивших о своей партийной принадлежности (более 10 человек). Это означает, что скоро США будут полностью поглощены внутренней борьбой, которая надолго отвлечет их от мировых проблем.

Однако и сейчас, и, надо полагать, в будущем ни один из кандидатов в президенты не скажет, что США отказываются от однополярного мира. Зато все претенденты будут давать многословные обещания о том, что необходимы дополнительные шаги по укреплению обороноспособности Израиля в его противостоянии с арабскими государствами. Эти обстоятельства вызывают новое, пока еще не четко сформировавшееся противоречие в мире панатлантизма.

Протесты против действий Израиля охватили все страны Европейского союза, что свидетельствует о том, что сегодня мусульманские меньшинства организуются в единую силу, способную противостоять панатлантическому мировому господству. Миру предстоит новый этап борьбы: панатлантисты любой ценой попытаются сохранить однополярность, которая в последние три десятилетия казалась им гарантированной, другие же государства будут бороться за многополярный мир.

Серьезных изменений в отношении к России и ее союзникам со стороны панатлантистов ожидать не следует. В самом начале специальной военной операции по денацификации Украины одна из ведущих журналисток влиятельного американского журнала «Атлантик» Э. Эпплбаум – супруга бывшего министра иностранных дел Польши Р. Сикорского, который в свое время хвастался тем, что участвовал в войне в Афганистане против СССР и даже стрелял по советским солдатам из пулемета, – опубликовала статью под характерным названием «Империя должна умереть»⁴. В работе приводится мысль о том, что России нужно стать самостоятельной европейской страной, отказаться от имперских амбиций и т. д. Сейчас, когда противостояние нацистам в Украине стремится к завершению и очевидно, что логическим результатом должен быть выход на западные границы Украины и ее полная денацификация, Э. Эпплбаум представила общественному вниманию новую статью под названием «Запад должен победить Россию». Это сви-

³Sommer Th. Who will run the world: a new global order is in the offing // The Security Times : electron. newsp. 2020. February. URL: <https://www.the-security-times.com/will-run-world-new-global-order-offing/> (date of access: 31.10.2023).

⁴Здесь и далее перевод наш. – И. А.

детельствует о том, что цель ослабить Россию является долгосрочной и не зависит от исхода специальной военной операции. Э. Эпплбаум опасается, что украинцы слишком устали от этой войны, их необходимо подбодрить, оказать им очередную материальную помощь, так как в противном случае не удастся ослабить Россию. Между тем реализация стратегии панатлантических сил в Украине становится все более проблематичной. Американский президент Дж. Байден стоит перед неразрешимой дилеммой: если он не окажет существенной военной и экономической помощи Израилю, то гарантированно потеряет избирателей на выборах в 2024 г.; если он не продолжит поставку оружия Украине, то нацистское сопротивление в этом регионе выдохнется.

В ходе ближайших месяцев соотношение мировых сил во многом определится, но ясно, что по окончании избирательной кампании США, военных действий в Украине и на Ближнем Востоке мир будет совсем иным. Уже сегодня представители панатлантического сообщества пытаются разглядеть контур новых геополитических структур.

Американский аналитик Ф. Закария, известный как автор книги «Будущее свободы», отмечает, что мир будущего будет постамериканским. При этом Ф. Закария надеется, что англосаксонский альянс, утвердивший себя в строительстве однополюсного мира после распада СССР, сохранит значительное влияние. При этом аналитик вынужден признать, что если сегодня американская экономическая система находится на пике своего могущества, то ее политическая система – как раз на пике своей слабости [2, p. 199]. На наш взгляд, это странное представление о мощи страны, имеющей государственный долг в 33 трлн долл. США (равен годовому бюджету нескольких ближайших стран – союзников по Атлан-

тическому сговору). Зато налицо факт политической слабости Америки. Будущее мировой геополитики достаточно предсказуемо. США не собираются уходить с мировой арены и отказываться от моноцентризма как главного содержания своей геополитической стратегии. Противостояние США и ведущих государств мира, России и Китая, в значительной степени укладывается в американскую геостратегическую тактику.

Многоцентрие, контуры которого приобретают все более четкую реальность, может быть достигнуто только в ходе долгой и упорной международной борьбы. Главное, чтобы возникающие в ходе нее конфликты не переросли в мировое ядерное столкновение.

На наш взгляд, важнейшей геополитической целью является принуждение США к сотрудничеству по основополагающим проблемам развития современного мира. Нужно полнее изучить опыт взаимодействия государств против гитлеровской коалиции во Вторую мировую войну. Главной задачей сегодня является спасение природной среды, что может быть обеспечено силами всего международного сообщества, ведущую роль в котором должны играть США, Китай и Россия. Именно об этом на одном из форумов, посвященном защите окружающей среды, недавно говорил Дж. Керри, специальный представитель США по окружающей среде, бывший государственный секретарь США, бывший участник войны во Вьетнаме, а потом ее противник. Перечисление этих титулов обосновано необходимостью показать, что Америка мультикультурна и многослойна. В американском обществе есть силы, которые резко противостоят официальной внешней политике США, но эти силы не имеют права голоса. Установление контакта с ними позволит продолжить борьбу за многополюсный мир на новой основе.

Библиографические ссылки

1. Панарин АС. *Стратегическая нестабильность XXI века*. Москва: Алгоритм; 2003. 560 с.
2. Zakaria F. *The post-American world*. New York: W. W. Norton & Co.; 2009. 292 p.

References

1. Panarin AS. *Strategicheskaya nestabil'nost' XXI veka* [Strategic instability 21st century]. Moscow: Algoritm; 2003. 560 p. Russian.
2. Zakaria F. *The post-American world*. New York: W. W. Norton & Co.; 2009. 292 p.

Статья поступила в редколлегию 22.12.2023.
Received by editorial board 22.12.2023.

УДК 314.1:316.2

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. Г. ЗЛОТНИКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации,
пр. Октября, 50, 246029, г. Гомель, Беларусь

Аннотация. Исследуются демографические процессы в Республике Беларусь, влияющие на формирование современного и перспективного репродуктивного потенциала государства. Анализируются объективные и субъективные факторы депопуляции в стране, а также их взаимозависимость. Отмечаются негативные тенденции демографического развития Республики Беларусь и пути их преодоления. Описываются проблемы реализации государственной демографической политики.

Ключевые слова: тенденции демографических процессов; депопуляция; объективные и субъективные факторы депопуляции; репродуктивные установки; миграционные процессы; репродуктивный потенциал; демографические перспективы Республики Беларусь; государственная демографическая политика.

OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. G. ZLOTNIKOV^a

^aBelarusian Trade and Economic University of Consumer Cooperation,
50 Kastychnika Avenue, 246029 Gomel, Belarus

Abstract. The demographic processes in the Republic of Belarus that influence the formation of the modern and promising reproductive potential of the state are studied. The objective and subjective factors of depopulation in the country, as well as their interdependence, are analysed. Negative trends in the demographic development of the Republic of Belarus and ways to overcome them are noted. The problems of the implementation of the state demographic policy are described.

Keywords: trends of demographic processes; depopulation; objective and subjective factors of depopulation; reproductive attitudes; migration processes; reproductive potential; demographic prospects of the Republic of Belarus; state demographic policy.

Введение

Настоящая статья является продолжением социолого-демографических публикаций автора [1–4]. Указанные работы посвящены социальным про-

блемам Республики Беларусь в 2015–2020 гг., когда страна столкнулась с серьезнейшим витком депопуляции.

Образец цитирования:

Злотников АГ. Объективные и субъективные факторы демографического развития Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;1:14–20.
EDN: VXGLYD

For citation:

Zlotnikov AG. Objective and subjective factors of demographic development of the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;1:14–20. Russian.
EDN: VXGLYD

Автор:

Анатолій Геннадьевич Злотников – кандидат экономических наук, доцент; профессор кафедры права и экономических теорий факультета экономики и управления.

Author:

Anatolii G. Zlotnikov, PhD (economics), docent; professor at the department of law and economic theory, faculty of economics and management.

zlot@tut.by
<https://orcid.org/0000-0002-8182-4970>

Наблюдающиеся сегодня в Беларуси депопуляционные процессы заставляют задуматься о демографических перспективах государства. Обеспокоенность этой проблемой выразил в 2019 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь. Вопрос демографии белорусский лидер назвал вопросом будущего нашей национальной идентичности. Он отметил, что если такая негативная тенденция сохранится, то «завтра жить в Беларуси некому будет»¹.

В последнем, от 31 марта 2023 г., послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь А. Г. Лукашенко констатировал, что «...вопросы демографической безопасности – тема не только экономических мер. Есть факторы, которые нивелируют все усилия государства по созданию благоприятных условий для роста населения»². В данном обращении белорусский лидер акцентировал внимание на субъективных факторах демографического развития и их связи с объективными условиями в стране. Выяснение наиболее значимых социальных, экономических и миграционных проблем государственной демографической политики позволит выявить тенденции в развитии демографических процессов, формирующих современный и перспективный репродуктивный потенциал.

Объективные факторы депопуляции

Диалектика социальных процессов требует анализа факторов их развития. Демографические процессы отражают состояние социальной, экономической, политической, духовной и повседневно-бытовой сфер жизни общества. Следовательно, на эти процессы влияют факторы, формирующие социальную среду человека, что проявляется во взаимодействии объективных условий его жизнедеятельности и преломлении этих условий через сознание и демографическое поведение.

Объективным фактором демографических процессов выступает демографическая структура, обладающая возможностями для сохранения и развития репродуктивного потенциала. Данный ресурс имеет количественные характеристики, основными из которых являются половозрастная структура населения, величина репродуктивного потенциала, а также воспроизводственная активность белорусов.

Материалы переписей населения Республики Беларусь за более чем 30-летний период свидетельствуют о негативных демографических тенденциях. Основным фактором обеспечения демографической

В последний раз проблемы демографической безопасности Беларуси и связанные с этим риски в широком формате обсуждались на конференции «Миграция и демографическое развитие Республики Беларусь и сопредельных стран», состоявшейся в ноябре 2016 г. в Минске. В новом пятилетии была попытка обратиться к демографическим проблемам в декабре 2022 г., когда на сайте электронного научного журнала «Демоскоп Weekly» сообщалось о проведении Международной научно-практической конференции «Социально-демографическое развитие Республики Беларусь» в Научно-исследовательском институте труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. Но в последний момент повесткой мероприятия было объявлено социальное развитие в современных условиях. Это позволило продемонстрировать успехи указанного министерства, которые, несомненно, имеются, не выходя за рамки ведомственных интересов и уйти от обсуждения катастрофических демографических проблем. Теме демографического развития страны достаточное внимание было уделено Институтом социологии НАН Беларуси и Институтом экономики НАН Беларуси, которые инициировали проведение в апреле 2023 г. круглого стола «Демографическая безопасность Республики Беларусь в условиях новых угроз и рисков».

стабильности белорусского государства является рождаемость, показатели которой постоянно и значительно снижаются. В 2015 г. был зафиксирован наивысший в текущем столетии уровень рождаемости (119 028 младенцев). После этого началось снижение данного показателя: в 2016 г. родились 117 779 детей, в 2017 г. – 102 558 детей, в 2018 г. – 94 042 ребенка, в 2019 г. – 87 602 ребенка³. Официальной демографической статистики за 2020–2023 гг. нет. По нашим расчетам, численность родившихся в 2020 г. составила от 83 888 до 83 756 человек, а в 2021, 2022 и 2023 гг. данный показатель не поднимался выше 80 тыс. человек.

Объективным фактором демографических процессов выступает репродуктивный потенциал населения (количество рожденных детей женского пола). В настоящее время этот показатель является самым низким за всю демографическую историю Беларуси (табл. 1). В 1997–2005 гг. рождалось менее 46 тыс. младенцев женского пола ежегодно. Меры, принятые в рамках Закона Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-З «О демографической безопасности

¹Послание Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь. 19 апреля 2019 г. // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P019p0001> (дата обращения: 25.12.2023).

²Послание Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь. 31 марта 2023 г. // Там же. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P023p0001> (дата обращения: 25.12.2023).

³Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. 429 с.

Республики Беларусь»⁴ (далее – Закон), позволили несколько повысить эти цифры. В 2016 г. показатель репродуктивного потенциала населения составил более 57 тыс. человек. Но затем он стал снижаться: в 2017 г. – более чем на 7 тыс. человек, в 2018 г. – более чем на 4 тыс. человек, а в 2019 г. – более чем на 3 тыс. чело-

век. Таким образом, всего за 5 лет репродуктивный потенциал сократился почти на 20 тыс. потенциальных матерей. По расчетам автора, в 2020 г. количество рожденных детей женского пола составило приблизительно 40 770 человек, в 2021 г. – 37 248 человек, а в 2022 г. – 36 068 человек.

Таблица 1

**Динамика численности
младенцев женского пола в 1950–2021 гг., чел.**

Table 1

**Dynamics of the population
of female infants in 1950–2021, persons**

Год	Количество	Год	Количество	Год	Количество	Год	Количество
1950	95 931	1986	83 452	1998	44 605	2010	52 336
1955	94 508	1987	79 183	1999	45 030	2011	53 034
1960	97 049	1988	78 884	2000	45 512	2012	56 193
1965	74 732	1989	74 589	2001	44 278	2013	57 219
1970	71 342	1990	68 875	2002	43 091	2014	57 258
1975	71 380	1991	63 593	2003	42 885	2015	57 651
1980	75 286	1992	62 315	2004	43 275	2016	57 132
1981	76 939	1993	56 827	2005	44 107	2017	49 844
1982	77 981	1994	53 629	2006	46 872	2018	45 802
1983	84 448	1995	48 736	2007	50 220	2019	42 730
1984	82 075	1996	46 410	2008	52 278	2020	40 770
1985	80 363	1997	43 599	2009	52 940	2021	37 248

Примечание. Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь. Показатели за 2020–2021 гг. рассчитаны автором.

Таким образом, по объективным и субъективным причинам сегодня в Беларуси наблюдается тенденция к снижению численности населения, причем в нынешнем десятилетии процесс депопуляции ускорился. Если в период с 2009 по 2019 г. снижение численности населения составляло 90,4 тыс. человек, то, например, только за 2021 г. этот показатель вырос до 94,1 тыс. человек. После 2019 г. численность населения снизилась почти на 213 тыс. человек⁵. Если в 2010–2018 гг. ежегодная убыль населения составляла 9036 человек, то после 2019 г. этот показатель вырос почти в 5,9 раза и составил 53 207 человек. За всю историю суверенного развития Республики Беларусь таких темпов снижения численности населения еще не наблюдалось.

Одним из объективных факторов депопуляционных процессов в Беларуси выступает миграция. Об этом свидетельствуют данные о естественном и механическом движении населения. Так, доля миграции в снижении численности белорусов постоянно растет: в 1999 г. этот показатель составлял 23,7 %, в 2009 г. – 41,9 % и в 2019 г. – 59,9 %. Значительно увеличиваются масштабы трудовой белорусской

миграции. Существенным фактором депопуляции являются миграционные последствия, в частности рост отрицательного миграционного сальдо наиболее активного репродуктивного потенциала страны.

К сожалению, в последние годы в государственных программах демографической безопасности Республики Беларусь проблеме миграции внимание не уделено. Миграционное законодательство сводится в основном к вопросам прибытия граждан других стран в нашу республику. Нынешнюю миграционную политику нельзя назвать позитивной и соответствующей интересам демографической безопасности страны. Об этом свидетельствуют, во-первых, постоянное снижение численности населения страны, во-вторых, рост миграционного оттока населения в наиболее активном репродуктивном возрасте за пределы государства, в-третьих, увеличение масштабов международной трудовой и образовательной миграции белорусских граждан.

Демографические факторы (прежде всего миграция и смертность) обусловили снижение репродуктивного потенциала белорусского населения (табл. 2). Материалы переписи населения 2019 г.

⁴О демографической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2002 г. № 80-З // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

⁵Численность населения на 1 января 2023 г. и среднегодовая численность населения за 2022 г. по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, поселков городского типа : стат. бюл. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2023. 30 с.

показали, что численность женского населения в активном репродуктивном возрасте (15–49 лет) существенно снизилась. Так, в 2019 г. их количество составило 84,5 % по отношению к показателю 1999 г. и 94,3 % по отношению к показателю 2009 г. При этом показатель репродуктивного потенциала, который в последующие десятилетия должен обеспечить рождаемость (белоруски в возрасте 15–19 лет), по сравнению с показателем 20-летней давности составил 57,4 %, а по сравнению с показателем 10-летней

давности – 74,7 %. Особенно значительным является уменьшение величины репродуктивного потенциала возрастной группы 20–24 лет, на которую приходится больше всего первых рождений. Соответственно, величина репродуктивного потенциала составила 62,7 % по отношению к показателю 20-летней давности и 57,4 % по отношению к показателю 10-летней давности. Уменьшилась и величина репродуктивного потенциала возрастной группы 25–29 лет, для которой характерна высокая рождаемость.

Таблица 2

Динамика численности женского населения по возрастным группам в 1999, 2009 и 2019 гг., чел.

Table 2

Dynamics of the female population by age groups in 1999, 2009 and 2019, persons

Возрастная группа, лет	Год		
	1999	2009	2019
0–4	231 240	239 947	255 488
5–9	319 651	214 662	273 160
10–14	404 908	226 112	246 882
15–19	385 356	308 757	221 344
20–24	350 170	378 895	219 413
25–29	344 587	368 456	310 546
30–34	354 901	341 428	392 937
35–39	423 370	340 125	381 356
40–44	415 529	342 488	345 140
45–49	353 960	404 468	337 685
15–49	2 627 873	2 354 617	2 219 421

Примечание. Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, полученным в ходе переписей населения Республики Беларусь 1999, 2009 и 2019 гг.

В перспективе некоторый рост рождаемости обеспечат женщины возрастной группы 30–34 лет. В 2019 г. величина данного репродуктивного потенциала по сравнению с показателем 20-летней давности составила 110,7 %, а по сравнению с показателем 10-летней давности – 115,1 %. Но сегодня женщинам данной возрастной группы свойственно резкое снижение интенсивности деторождений. Рост рождаемости стал возможным благодаря реализации мер Закона и инициативе белорусского лидера по созданию первой демографической программы. В последующем внимание к разработке таких

программ упало. Об этом сегодня свидетельствует уменьшение величины репродуктивного потенциала младших возрастных групп (по сравнению с показателем 1999 г. сегодня численность девочек 5–9 и 10–14 лет составляет 85,5 и 61,0 % соответственно). С учетом объективных факторов демографического развития такая тенденция является негативной. Именно поэтому в послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь в 2023 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко акцентировал внимание на субъективных факторах демографического развития государства.

Субъективные факторы депопуляции и способы ее преодоления

Специалисты Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь объясняют депопуляционные процессы в стране уменьшением величины репродуктивного потенциала: падение рождаемости в конце прошлого столетия обусловило снижение численности женщин в активном репродуктивном возрасте в 2010–20 гг. Статистические данные сви-

детельствуют о резком снижении рождаемости во второй половине 2016 г. и в 2017 г. Эта негативная демографическая тенденция справедливо вызывает обеспокоенность белорусского лидера.

К субъективным факторам формирования демографического потенциала относятся ценностные ориентации населения, прежде всего семейные

установки граждан в наиболее активном репродуктивном возрасте. В современных условиях отношение молодежи к институту семьи является определяющим фактором реализации репродуктивных установок. Немаловажное значение принадлежит социально-экономическому, политическому, национальному и региональному контексту, в котором осуществляется государственная демографическая политика, ведь во многом именно структуры власти способны влиять на формирование репродуктивных установок населения.

В нашей стране основы демографической политики отражены в Законе, а также в соответствующих государственных программах. В ст. 5 Закона отмечается, что для предупреждения и нейтрализации демографических угроз должны быть обеспечены следующие условия:

- поэтапное совершенствование государственных минимальных социальных стандартов в области оплаты труда, пенсионного обеспечения, образования, здравоохранения, культуры, социальной поддержки, жилищно-коммунального и социального обслуживания;
- улучшение социально-экономической ситуации;
- оптимизация внешних и внутренних миграционных потоков населения;
- противодействие нелегальной миграции;
- содействие добровольному возвращению белорусов на этническую родину;
- привлечение специалистов в сельскую местность;
- установление высоких духовно-нравственных стандартов граждан в области семейных отношений, повышения престижа семьи;
- обеспечение репродуктивных прав граждан и содействие формированию высоких репродуктивных потребностей населения.

Безусловно, факторами демографического роста являются повышение рождаемости и преодоление отрицательного сальдо миграции. Однако в государственных программах «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 и 2021–2025 гг.⁶ не закреплены меры в указанных направлениях. К сожалению, эти программы, в отличие от предыдущих подобных проектов, носят исключительно ведомственный характер. Они разработаны Министерством здравоохранения Республики Беларусь и предполагают проведение мероприятий лишь медицинского характера.

Важно, что положения последних двух программ демографической безопасности лишь частично соот-

ветствуют требованиям, предъявляемым к разработке подобных программ (что указано в Законе). При этом если в программе на 2016–2020 гг. хотя бы формально затронуты реальные и потенциальные демографические угрозы, основные направления государственной политики в области охраны и обеспечения репродуктивных прав граждан, формирования их репродуктивных потребностей, а также в области миграционной политики, то в программе на 2021–2025 гг. эти вопросы вообще не поднимаются.

Тема миграционных процессов затрагивается в программе Министерства внутренних дел Республики Беларусь «Обеспечение правопорядка» на 2021–2025 гг.⁷, которая также носит исключительно ведомственный характер. Она направлена на повышение социальной защищенности, создание надлежащих условий для прохождения службы сотрудниками, гражданским персоналом органов внутренних дел и военнослужащими внутренних войск. Вопрос о взаимосвязи эффективной миграционной политики и демографической безопасности государства в программе не освещается.

Субъективным фактором демографических процессов в Республике Беларусь выступает недостаточное информационное обеспечение специалистов в этой области. К сожалению, в последние годы статистическая информация о естественном и механическом движении населения стала недоступной для ученых. Такое положение дел в белорусской статистике не является новым и свидетельствует о крайне неблагоприятной демографической ситуации в стране. Специалисты лишены возможности участвовать в разработке программ по преодолению депопуляционных процессов.

Анализ объективных и субъективных факторов депопуляции приводит к закономерному вопросу: как повысить репродуктивный потенциал белорусского населения? Значимую роль в решении этой проблемы играет реализация социальных мероприятий в рамках государственной демографической политики.

Женщины в возрасте 20–34 лет, обеспечивающие, как правило, наибольший вклад в рождаемость, демонстрируют значительное снижение деторождения (табл. 3). Напомним, что возрастные коэффициенты рождаемости за 2016–2019 гг. резко снизились. Почему именно с 2016 г. начался новый виток депопуляции в Беларуси? И какие выводы нужно сделать? Ответить на эти вопросы необходимо для понимания природы резкого падения рождаемости.

⁶О государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 14 марта 2016 г. № 200 // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023 ; О государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 19 янв. 2021 г. № 28 // Там же.

⁷Об утверждении государственной программы «Обеспечение правопорядка» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 14 дек. 2021 г. № 719 // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

Показатель рождения первого ребенка среди женщин возрастной группы 20–24 лет снизился на 21,0 % (с 89,4 до 68,4 %), в возрастной группе 25–29 лет, которой свойственны наиболее высокие показатели

рождаемости, снижение составило 26,4 % (с 115,4 до 89,0 %), а в возрастной группе 30–34 лет, являющейся источником вторых и последующих деторождений, – 13,9 % (с 82,5 до 68,6 %).

Таблица 3

Число рожденных детей на 1 тыс. женщин соответствующей возрастной группы в 2010–2019 гг., чел.

Table 3

The number of births per 1 thsd women of the corresponding age group in 2010–2019, persons

Возрастная группа, лет	Год									
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
15–19	20,7	20,9	22,4	22,1	20,5	18,1	16,1	13,4	11,7	10,8
20–24	89,8	88,9	93,7	91,7	91,8	89,4	88,0	78,2	73,8	68,4
25–29	101,6	103,4	110,8	112,7	113,8	115,4	116,1	100,7	99,0	89,0
30–34	62,1	64,8	69,0	75,0	78,0	82,5	84,4	76,3	71,6	68,6
35–39	23,2	23,8	27,0	30,1	32,8	35,7	37,7	34,9	34,4	33,9
40–44	3,7	4,0	4,4	5,0	5,6	6,1	6,5	6,8	6,7	6,7
45–49	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,2
15–49	44,0	45,1	48,7	50,4	51,3	52,1	52,1	45,9	42,8	40,0

Примечание. Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Наряду с объективным фактором падения рождаемости (снижение численности женщин в активном репродуктивном возрасте) субъективным фактором данной тенденции выступают репродуктивные установки населения. Так, в 2017 г. численность родившихся снизилась на 12,9 % по сравнению с предыдущим годом, в 2018 г. данный показатель упал еще на 8,3 %, а в 2019 г. – еще на 7,4 %. Снижение численности репродуктивного потенциала в 2017, 2018 и 2019 гг. составило по 1,3 %. Это означает, что в 2017 г. показатель уменьшения количества родившихся превысил показатель уменьшения количества женщин активного репродуктивного возраста в 9,9 раза, в 2018 г. – в 6,2 раза, а в 2019 г. – в 5,9 раза. Можно сделать вывод о том, что после 2016 г. падение рождаемости в Республике Беларусь обусловлено в большей степени не объективными, а субъективными факторами.

Данные переписи населения 2019 г. показали, что среди женщин в возрасте 18–49 лет тех, кто не планирует иметь детей, в 1,87 раза больше, чем тех, кто планирует обзавестись потомством. На вопрос: «Планируете ли Вы рождение детей?» – утвердительно ответили 58,3 % женщин в возрасте 18–19 лет, 61,9 % женщин в возрасте 20–24 лет, 53,5 % женщин в возрасте 25–29 лет, 39,2 % женщин в возрасте 30–34 лет, 25,8 % женщин в возрасте 35–39 лет, 7,4 % женщин в возрасте 40–44 лет, 2,3 % женщин в возрасте 45–49 лет. Отрицательно на указанный вопрос ответили 12,5 % женщин в возрасте 18–19 лет, 16,6 % женщин в возрасте 20–24 лет, 32,4 % женщин в возрасте 25–29 лет, 50,5 % женщин в возрас-

те 30–34 лет, 66,4 % женщин в возрасте 35–39 лет, 84,2 % женщин в возрасте 40–44 лет, 90,8 % женщин в возрасте 45–49 лет. Часть белорусок затруднились ответить на вопрос о том, планируют ли они иметь детей.

Материалы переписи населения 2019 г. выявили большую долю женщин, которые не имеют детей и уже вышли из репродуктивного возраста. Так, почти 10 % белорусок старших возрастных групп не внесли своего вклада в рождаемость. Такая демографическая тенденция прямо влияет на социальные процессы внутри государства и вызывает кризисные явления в функционировании и развитии отдельных секторов экономики.

Одной из причин нежелания заводить детей выступает западная пропаганда чайлдфри, которая, по словам белорусского лидера, на самом деле является попыткой обезлюдить и ослабить общество. Многие представители молодого поколения часто откладывают рождение детей, чтобы как можно дольше пожить для себя. Кроме того, сегодня молодые люди часто стоят перед выбором – карьера либо семья. Следует отметить, что нередко рождение третьего ребенка и последующих детей характерно для семей с низким социальным статусом.

На наш взгляд, чрезвычайно важно то, как носители репродуктивного потенциала воспринимают государственную демографическую политику. В данном контексте следует обратить внимание на связь значительного падения рождаемости и снижения численности репродуктивного потенциала. С 1 января 2016 г. изменилось пенсионное законодательство:

при назначении пенсии стал учитываться страховой, а не трудовой стаж, который не включал период нахождения женщин в декретном отпуске, а также на больничном. И уже в последнем квартале 2016 г. было зафиксировано резкое снижение рождаемости, испортившее положительную тенденцию в предшествующих кварталах года. А в 2017 г. наблюдалось еще более значительное (почти на 13 %) падение рождаемости. В результате показатель снижения количества родившихся в 2017 г. в 9,94 раза превысил показатель снижения количества женщин активного репродуктивного возраста. Власти приняли данную закономерность к сведению, и с конца 2020 г. при назначении пенсии женщинам стал учитываться и период их нахождения в отпуске по уходу за ребенком.

В связи с этим возникает вопрос: если изменения в пенсионном законодательстве вызвали падение

рождаемости, нельзя ли с помощью других правовых новшеств стимулировать демографический рост? Можно, например, установить женщинам размер пенсии в зависимости от численности рожденных детей, ведь эти дети, достигнув совершеннолетия, будут заняты в экономике страны.

В свою очередь, возвращение белорусов на родину могло бы снизить отрицательное сальдо белорусской миграции, а также сократить ее масштабы на зарубежных рынках труда. Сравнение данных российской переписи населения за 2010 и 2021 гг. показало, что за 10 лет численность проживающих в России белорусов увеличилась почти на 300 тыс. человек (на 56,8 %). Это самый высокий прирост титульных этносов независимых постсоветских государств в населении Российской Федерации, потенциально формирующий рост эмиграции.

Заключение

Материалы переписей населения последних лет свидетельствуют о негативных демографических тенденциях в Республике Беларусь. Процесс депопуляции обусловлен рядом объективных и субъективных факторов. В перспективе численность населения страны будет постепенно снижаться, что вызвано падением рождаемости и ростом смертности. Эти процессы являются результатом снижения репродуктивного потенциала и старения населения. Наряду с указанными объективными факторами депопуляции немаловажное значение имеет и субъективный фактор – снижение репро-

дуктивных установок белорусов. Репродуктивное поведение населения формирует динамику демографического развития.

По мнению А. Г. Лукашенко, преодоление депопуляции возможно путем формирования культуры семьи, который должен стать стилем жизни белорусов. Это будет способствовать обеспечению демографической стабильности и сохранению государства. Важное значение имеет грамотная социально-демографическая политика. Она должна быть более гибкой, системной и ориентированной на недопущение роста депопуляции.

Библиографические ссылки

1. Злотников АГ. Экстранальность и интрональность современной белорусской демографической политики. *Социология*. 2014;2:70–84.
2. Злотников АГ. Сальдо миграции Беларуси: положительное или отрицательное? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;1:91–97.
3. Злотников АГ. Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;3:59–68.
4. Злотников АГ. Истоки нового витка депопуляции в Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;2:36–48. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-2-36-48.

References

1. Zlotnikov AG. Externality and intronality of modern Belarusian demographic policy. *Sotsiologiya*. 2014;2:70–84. Russian.
2. Zlotnikov AG. Balance of migration in Belarus: positive or negative? *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;1:91–97. Russian.
3. Zlotnikov AG. Expertise of the modern reproductive situation in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;3:59–68. Russian.
4. Zlotnikov AG. The origins of a new round of depopulation in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;2:36–48. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-2-36-48.

Статья поступила в редколлегию 29.01.2024.
Received by editorial board 29.01.2024.

УДК 316.334.3

МНОГООБРАЗИЕ ТИПОВ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ПОДХОДЫ К ИХ ИЗУЧЕНИЮ

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются новейшие типы экономических систем, в частности виртуальная, зеленая, интеллектуальная, информационная, когнитивная, нарративная, наукоемкая, ноосферная, поведенческая, сетевая, системная, умная, цифровая экономика, а также экономика гламура, экономика знаний, экономика интернета, экономика постзнаний и др. Анализируются взаимосвязи указанных типов экономических систем. Определяются возможности политэкономии и экономической социологии для изучения сложного феномена новой экономики. Обосновываются следующие выводы: сегодня в Беларуси активно развивается новая экономика (прежде всего интеллектуальная, информационная, сетевая, умная и цифровая экономика, а также экономика знаний); наиболее перспективным для Беларуси является развитие интеллектуальной экономики; интеллектуализация отраслей производства и социальных сфер жизни белорусского общества должна сопровождаться мерами по индустриализации и реиндустриализации промышленности и сельского хозяйства, а также по ускоренному развитию культуры, науки и образования.

Ключевые слова: новая экономика и ее типы; интеллектуализация производства и общества; интеллектуальное государство; политэкономия; экономическая социология.

DIVERSITY OF TYPES OF NEW ECONOMY AND APPROACHES TO THEIR STUDY

V. K. SHCHERBIN^a

^aCenter for System Analysis and Strategic Research of the National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademichnaya Street, Minsk 220072, Belarus

Abstract. The article discusses the latest types of economic systems: virtual, green, intellectual, information, cognitive, narrative, knowledge-intensive, noospheric, behavioural, network, systemic, smart, digital, glamour, knowledge, Internet, post-knowledge economies, etc. The relationships of these types of economic systems with each other are analysed. The possibilities of political economy and economic sociology for studying the complex phenomenon of the new economy are determined. The following conclusions are substantiated: today a new economy is actively developing in Belarus (primarily intellectual, information, network, smart, digital, knowledge economies); the most promising type of new economy for the further development of Belarus is the intellectual economy; the processes of scientific learning and intellectualisation of various branches of production and social spheres of life of Belarusian society that underlie the intellectual economy should be complemented by the measures for industrialisation and reindustrialisation of its industry and agriculture, and accelerated development of culture, science and education.

Keywords: new economy and its types; intellectualisation of production and society; intellectual state; political economy; economic sociology.

Образец цитирования:

Щербин ВК. Многообразие типов новой экономики и подходы к их изучению. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;1:21–31.
EDN: WXOMXT

For citation:

Shcherbin VK. Diversity of types of new economy and approaches to their study. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;1:21–31. Russian.
EDN: WXOMXT

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); leading researcher.
shcherbin5353@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6217-1265>

Многообразие типов новой экономики

По мнению китайского профессора Лу Юнсяна, «в истории человечества можно выделить эру аграрной экономики, которая продолжалась несколько тысячелетий, эру индустриальной экономики, начавшуюся около 300 лет назад, информационную эпоху, в которую мир вступил в 80-е годы XX в., и эру наукоемкой экономики, начало которой относится к 90-м годам XX столетия и связано с активизацией развития науки и техники» [1, с. 338]. В работах исследователей XXI в. наукоемкую экономику чаще всего называют новой экономикой [2–4]. При этом в качестве ее составляющих отдельные экономисты выделяют целые группы экономических систем, которые имеют свою специфику.

Белорусские экономисты М. М. Ковалёв и Г. Г. Головенчик под новой экономикой понимают явления и процессы, характерные для современной экономики, или, как говорят китайцы, для новой реальности. Речь идет прежде всего о цифровой, инновационной, сетевой, устойчивой и глобальной экономике [4, с. 16].

Теория новой экономики начала формироваться в конце XX – начале XXI в. Российский экономист Б. Б. Леонтьев отмечает, что новая экономика имеет информационно-телекоммуникационную базу, т. е. является информационной экономикой. Информация, как экономический ресурс, приобретает все более важное значение. Сегодня «активно формируется интернет-экономика – рыночное сообщество, основанное на интернете: появились интернет-торговля, интернет-реклама, интернет-инвестирование и т. д.» [3, с. 185].

Академик НАН Беларуси В. Г. Гусаков под новой экономикой подразумевает в первую очередь интеллектуальную экономику. По его мнению, «наукоемкость, как база интеллектуализации экономики, выступает причиной и следствием формирования высоких технологических укладов» [5, с. 5]. В. Г. Гусаков убежден в том, что «общенациональной идеей может и должна стать идея построения интеллектуальной экономики и высокоразвитого высокодуховного общества» [6, с. 21]. Экономике знаний следует трансформировать в экономику интеллектуальных систем и технологий, электронных коммуникаций и социальных сетей.

В свою очередь, академик РАН С. Ю. Глазьев новой экономикой называет экономику знаний, содержание которой кардинально отличается от содержания экономики материальных благ [7, с. 54].

Для главного экономиста Организации экономического сотрудничества и развития И. Виско и российского экономиста А. В. Шурубовича новой является цифровая экономика. И. Виско отмечает, что «...новая экономика тесно связана с воздействиями технологического прогресса на экономический рост. Во всех этих процессах ключевую роль играют новейшие

информационные и коммуникационные технологии» [8, с. 15]. Термин «новая экономика» обозначает изменения в сферах коммуникации, финансов и торговли, а также нововведения в управлении предприятиями и организации жизни человека. В свою очередь, А. В. Шурубович пишет следующее: «Цифровая экономика в глобальном масштабе развивается в последнее время стремительными темпами. По расчетам экспертов, к 2035 г. ВВП цифровой экономики мира достигнет 156 трлн долл., в ней будет задействовано 20 % всех работников планеты (в настоящее время 1 %)» [9, с. 37].

Российский экономист А. Потемкин указывает на такой тип новой экономики, как виртуальная экономика. Он описывает уникальную ситуацию, сложившуюся в США: многие высокотехнологичные компании из года в год работают с убытком, а курсы их акций растут гораздо быстрее, чем у большинства предприятий США. Это один из главных и наиболее ярких феноменов виртуальной экономики. Курсы акций все чаще зависят не от производственно-финансовых показателей их эмитентов, а от психологического состояния потенциальных инвесторов [10, с. 15].

Для американского экономиста Л. Ларуша и академика НАН Беларуси П. Г. Никитенко новой является экономика ноосферы [11], или ноосферная экономика [12].

Нобелевский лауреат по экономике Р. Дж. Шиллер, обращаясь к теме новой экономики, выделяет нарративную экономику [13]. Во время ее развития сформировались два подхода к анализу нарративов: количественный, «в рамках которого определяется вирусность нарративов и их влияние прежде всего на макроэкономические процессы», и качественный, «где нарративы анализируются для выявления идей или упрощенных протомodelей, с помощью которых акторы объясняют экономические явления» [14, с. 119].

Член-корреспондент РАН Г. Б. Клейнер к разряду новых относит системную экономику и экономику постзнаний. При этом, по его мнению, «концепция системной экономики развивается за счет включения в картину мира, рассматриваемую в рамках данного направления... ключевых компонентов экономики: экономических процессов и процессов управления, экономических и природных благ, а также отношений, определяющих взаимодействие между этими компонентами системной картины мира» [15, с. 72]. По словам Г. Б. Клейнера, экономика постзнаний (следующая за экономикой знаний стадия общественного производства) будет основана не только на передаче вновь созданных знаний от производителя (донора) к потребителю (реципиенту), но и на влиянии интеллекта производителя на интеллект потребителя [16, с. 36].

Для польского экономиста Г. В. Колодко и российского экономиста Т. А. Селищевой новой является интернет-экономика. Так, Г. В. Колодко указывает на то, что интернет выступает фундаментом новой экономики. Важное значение сегодня приобретает биржа новой экономики NASDAQ [17, с. 17–18, 20–21]. Т. А. Селищева заостряет внимание на структуре интернет-экономики, которая включает в себя инвестиции и инновации в интернет-индустрии, интернет-инфраструктуру, программное обеспечение интернета, электронный трейдинг и рекламу, офшорное программирование, дистанционное образование и т. д. [18, с. 37].

Российский экономист В. Н. Бугорский новой считает сетевую экономику, осуществляемую с помощью электронных сетей. Основой сетевой экономики выступают сетевые организации¹.

По мнению израильско-американского экономиста и психолога Д. Ариели, новой является поведенческая экономика, которая «представляет собой новую научную дисциплину, связывающую воедино вопросы экономики и психологии» [19, с. 14].

Представитель российской экономической социологии Д. В. Иванов к числу новых относит экономику гламура: «В 1980–1990-х гг. бренды, компьютеры, кредитные карты определили облик новой экономики. Но пока интеллектуалы продолжали выяснять, какую роль в ее развитии играют информация, высокие технологии, рискованные инвестиции, экономика стала сверхновой. В этой ультрасовременной экономике интуитивно, но гораздо увереннее интеллектуалов, ориентируются блондинки, метросексуалы и все те, кто в своем бизнесе переходит от логики виртуализации к логике гламура. <...> В сверхновой экономике решающим фактором стоимости становится гламуроёмкость. Гламуроёмкость товаров или услуг определяется их принадлежностью к “большой пятерке” – роскоши, экзотике, эротике, розовому, блондинистому» [20, с. 51, 54].

Молдавский ученый, составитель энциклопедии по экологии И. И. Дедю рассматривает такой тип новой экономики, как зеленая экономика. В данном контексте он упоминает безотходную (малоотходную) технологию², биоэкономию – «отрасль знания на стыке экологии и экономики, изучающую взаимоотношения человека и природы в процессе использования природных ресурсов»³, малоотходное производство, под которым понимается «оптимальное промышленное производство, образующее незначительное количество отходов»⁴, а также устойчивое развитие, определяющееся как «способность нынешнего поколения человеческого общества социально-экономически развиваться так, чтобы не

усугублять удовлетворение потребности для такого же (а может быть, лучшего) развития будущих поколений»⁵.

В ряде зарубежных и отечественных работ [21–23] описывается такой тип новой экономики, как когнитивная экономика (когномика). В широком смысле когнитивная экономика сближается с интеллектуальной экономикой, цифровой экономикой и экономикой знаний, в узком смысле – с нейроэкономикой, поведенческой экономикой, экономической психологией и экспериментальной экономикой [23].

В одной из статей В. Ф. Максимовой выделяются такие особенности умной экономики, как «интеллектуализация, институционализация, социализация и экологизация во всех сферах общества» [24, с. 67], «повышение эффективности экономических ресурсов на базе инноваций и инновационности», «возведение интеллектуальных ресурсов в ранг главного фактора производства» [24, с. 69]. По мнению ученого, умная экономика и интеллектуальная экономика являются близкими направлениями.

В перечень экономических систем, получивших в современной научной литературе статус новой экономики, можно отнести также аффективную экономику, баумолевскую экономику (экономику нематериальных активов), гоп-экономику, гуманомику (гуманистическую экономику, или «экономику с человеческим лицом»), креативную экономику, наноэкономикку (экономику нанопроектов), нейроэкономикку, неэкономикку, ноэкономикку, нравственную (моральную) экономику, социогуманитарную экономикку, циркулярную экономику, экономику образцов, экономику престижа, экономику услуг и др.

Обобщив подходы разных исследователей к интерпретации феномена новой экономики, можно представить следующие выводы.

Система экономических показателей, принятая во времена индустриальной эпохи и «ориентированная на качественное измерение физических объемов продукции, материальных, трудовых и финансовых затрат, не способна отразить... все действующие факторы экономической динамики... и особенности новой экономики, которой присущи такие явления, как динамизм, многочисленные инновации, мгновенная способность адаптироваться к изменяющейся внешней среде» [25, с. 120].

Новая экономика требует умения не только логично мыслить и легко оперировать абстракциями, но и быть свободным в мире образов и символов. Данная экономическая система обусловит повышение статуса «образованных и культурных людей, которые будут постоянно воспроизводить и приумножать культурные ценности»⁶.

¹Бугорский В. Н. Сетевая экономика : учеб. пособие. М. : Финансы и статистика, 2007. С. 245.

²Дедю И. И. Энциклопедия по экологии. Кишинёв : Stiinta, 2019. С. 51.

³Там же. С. 74.

⁴Там же. С. 243.

⁵Там же. С. 467.

⁶Философия и методология науки : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. В. И. Купцова. М. : Аспект пресс, 1996. С. 75.

Новая экономика тесно связана с формальными знаниями и техническими навыками. Кроме того, она не обходится без массовой культуры и рынка образов [26, с. 68].

В интерпретации термина «новая экономика» есть определенная сложность. Виртуальная экономика (ее чаще всего называют новой) на самом деле вообще не имеет отношения к реальной экономике, а именно к физическому производству товаров и услуг. По мнению некоторых экспертов, «...уже в 1995 г. объем ежедневных сделок на мировых финансовых рынках превысил совокупный объем резервов всех центральных банков планеты. И например, завышенная биржевая капитализация высокотехнологичных компаний... есть следствие ожиданий акционеров, а не хозяйственной деятельности этих компаний и их обеспеченности материальными активами» [27, с. 216–217].

Специалисты трактуют новую экономику по-разному. В широком смысле она рассматривается как производство товаров и услуг с использованием информационных технологий, в узком смысле – как производство товаров и услуг с помощью интернет-технологий для интернет-сети и ее производных. Применительно, например, к России новой экономикой могут выступать просто новые отрасли или созданные с нуля частные предприятия. В более широком контексте новая экономика рассматривается как «...новый облик экономики, складывающийся

под влиянием интенсивных процессов создания и распространения знаний и их проникновения во все сферы жизни общества. Речь идет об усилении влияния научной и инновационной деятельности, образования и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на экономику, государство и общество и обретении ими качественно новых характеристик и механизмов функционирования» [28, с. 7].

Сегодня новая экономика представляет собой высшую ступень экономического развития человечества. На смену обществу классического капитализма приходит постиндустриальное общество. Важнейший вывод западной социологии послевоенного периода заключается в том, что «...Европа состоит не из двух коренным образом отличных миров, советского и западного, а представляет собой единую реальность – индустриальную цивилизацию. Буквально за несколько лет парадигма постиндустриализма была подхвачена представителями самых разных идеологических направлений» [29, с. 122].

На наш взгляд, для изучения и систематизации существующих типов новой экономики целесообразно использовать теоретико-методологические возможности экономической социологии. Следует провести экономико-социологический анализ описаний типов новой экономики, реализуемых сегодня в Беларуси, а затем выявить наиболее перспективный для страны тип новой экономики, исходя из его политэкономических преимуществ.

Политэкономический и экономико-социологический подходы к изучению и систематизации типов новой экономики

Необходимость привлечения представителей политической экономии и экономической социологии к решению типологических задач экономической науки обусловлена рядом обстоятельств. В первую очередь это неудовлетворенность итогами экономических реформ, проведенных на постсоветском пространстве. Как справедливо заметил по этому поводу российский экономист Б. Плышевский, «рассматривая причины неэффективности российских рыночных реформ, на первое место следует... поставить недостатки их научного обоснования – неполноту теории и использование ее не в интересах развития страны, а для обогащения пришедшей к власти буржуазии» [30, с. 61].

В нынешних условиях даже государственный сектор функционирует подобно частнокапиталистическому, поскольку нацелен на получение максимальной прибыли за счет налогоплательщиков. Он имеет архаичную отраслевую структуру, его производительный капитал характеризуется дезинтеграцией и низким техническим строением. Работники выступают носителями не общегосударственных, а частных интересов. Народно-хозяйственная эффективность подменена скоростью частного обогащения [31, с. 13–14].

По мнению академика РАН Д. С. Львова, не получение максимальной прибыли, а социальные интересы трудовых масс должны быть базой всех экономических программ: «Жизненные интересы всех массовых социальных слоев должны лежать в основе продуманной программы “открытия” российской экономики внешнему миру в сочетании с надежной системой защиты отечественных производителей» [32, с. 729]. Отсутствие у экономической науки данных об интересах общества снижает эффективность обосновываемых ею решений и позволяет сделать вывод о том, что экономика не является самостоятельной дисциплиной. Наиболее значимые результаты достигаются экономической «...только в постановке и решении общих проблем исторического развития, включая проблемы политические, социологические, идеологические. Возвращение политэкономии знаменует признание этого факта» [33, с. 135].

Еще в дореволюционный период Н. И. Кареев был убежден в том, что социология имеет политэкономический характер: «Главным предметом социальных наук является, конечно, общество как организованное целое, иногда даже прямо называемое общественным организмом. Мы увидим, что

именно общество, взятое в смысле известного рода организации, охватывающей все главные стороны социальной жизни, сделала своим предметом общая социальная наука, за которой утвердилось название “социология”. Эта наука, основателем которой был Огюст Конт, не устраняет ни возможности, ни необходимости существования частных общественных наук, которые изучают отдельные стороны в жизни организованного общества... Такими отдельными категориями общественных явлений, изучаемыми в более специальных, чем социология, науках, нужно признать те, которые мы обобщаем под названиями государства, права и народного хозяйства, откуда и три главные подразделения обществоведения на государствоведение, правоведение и экономическую науку. Каждый из этих трех отделов может и далее быть подразделенным на еще более специальные дисциплины» [34, с. 3].

На политэкономические корни социологии указывают и современные американские социологи, которые считают, что политическую экономию XIX в. породили история и моральная философия, а американская социология начала XX в. возникла внутри политэкономической науки [35].

Учитывая растущее значение информационных технологий в экономической сфере, специалисты постоянно пытаются совместить разработки политэкономов и информационных технологов и сформировать международную политэкономическую ИКТ-индустрию [36]. Хотя еще в начале 1970-х гг. член-корреспондент Академии наук БССР Н. И. Ведута убедительно разграничил политэкономические и информационные процессы: «Политическая экономика рассматривает производственные отношения в их взаимодействии с производительными силами общества, но отнюдь не информационные процессы, характеризующие и обслуживающие это взаимодействие. Информационные процессы изучает экономическая кибернетика. Политэкономия раскрывает главным образом неуправляемые общественные явления, определяющие поведение всей системы общественного производства, кибернетика – системы управления. Первая ограничивается описанием закономерностей крупными штрихами. Вторая требует самого детального рассмотрения вопроса» [37, с. 41].

Тем не менее экономическая теория активно развивается и проникает в смежные области знания. Многие научные направления «возникли на стыке экономики и социологии, экономики и политологии, экономики и права» [32, с. 726]. К числу новых научных направлений на границе экономики и социологии

можно отнести, например, социэкономическую [38], общий социальный анализ [39], экономическую социологию [40] и др. По мнению автора учебника по экономической социологии Г. Н. Соколовой, в центре внимания данного научного направления находятся социальные механизмы. Разные методологические подходы позволяют регулировать экономические процессы⁷. Г. Н. Соколова подчеркивает, что генезис экономической социологии связан с традициями США и Западной Европы, где «не принято проводить жестких междисциплинарных границ, поэтому социологию экономической жизни понимают как широкое поле социальных проблем экономической деятельности, актуализируя по необходимости ту или иную проблему и создавая для ее разрешения ту или иную теорию (или концепцию) среднего уровня»⁸.

Главной задачей своего учебника Г. Н. Соколова называет вполне политэкономическую цель – «изложить экономическую социологию как теорию, которая, оперируя совокупностью категорий, “работающих” в рамках основных социально-экономических законов, помогает разобраться в причинах согласованности и несогласованности действий миллионов людей»⁹.

Автор раздела «К читателю» в рассматриваемом учебнике А. Н. Данилов дает следующую оценку экономико-социологическому анализу Г. Н. Соколовой: «Автор не навязывает читателю свое видение существующих проблем, а предлагает самому оценить сходство и различие возможных подходов к их решению. Анализируя диаметрально противоположные точки зрения крупнейших представителей западной социальной мысли, автору удается высветить многогранность и глубину общественной проблематики и обосновать необходимость различных концептуальных решений. Именно такой подход в наибольшей мере способствует развитию самостоятельности и аналитичности мышления»¹⁰.

Детализируя описание проведенного экономико-социологического анализа, Г. Н. Соколова отмечает следующие его особенности: «По характеру механизма объяснения делятся на объяснение через собственный закон (теорию, гипотезу) и через модельное объяснение. Наиболее сильный прием анализа по объяснительному плану – теоретическая типологизация на основе законов (закономерностей, идеальных моделей) по теоретически обоснованным критериям. Так, закон разделения труда, объясняя историческую эволюцию разделения труда на его различные виды (в контексте формационного подхода), объясняет тем самым

⁷ Соколова Г. Н. Экономическая социология : учебник. 2-е изд. Минск : Беларус. навука, 2000. С. 11.

⁸ Там же. С. 8.

⁹ Там же. С. 5.

¹⁰ Данилов А. Н. К читателю // Экономическая социология : учебник. 2-е изд. / Г. Н. Соколова. Минск : Беларус. навука, 2000. С. 3.

деление общества на социальные группы, занятые этими видами труда, и отношения между группами в зависимости от их социального статуса и престижа труда»¹¹.

Отмеченные достоинства политэкономического, а также экономико-социологического анализа обуславливают их использование в выборе наиболее перспективного типа новой экономики.

Политэкономический и экономико-социологический анализ описаний типов новой экономики

Изучение научной и справочной литературы по новой экономике показало, что на постсоветском пространстве идет активный поиск наиболее перспективного ее типа, который сможет обеспечить быстрый экономический рост государства. В пользу такого вывода свидетельствует непрерывная смена стратегических целей: если во второй половине 1980-х гг. в качестве таковых рассматривались создание инновационной экономики и построение на ее основе инновационного государства, то в 1990-х гг. началась активная разработка концепции информационной экономики, а также формирование связанного с ней информационного общества. Затем на повестку дня встал вопрос о создании экономики знаний и общества знаний. Далее пришла очередь цифровой экономики, на основе которой планировалась реализация национальных научных мегапроектов, таких как «Электронная Беларусь», «Электронная Россия», «Цифровая Армения», «Цифровой Казахстан», «Цифровой Кыргызстан» и др. Наконец, в начале XXI в. был поставлен вопрос о формировании в Беларуси интеллектуальной экономики [6], а также интеллектуального государства и общества интеллекта [41; 42].

Государственный бюджет страны имеет свои пределы, поэтому построение определенной иерархии целей и выявление наиболее перспективного типа новой экономики выступают актуальными задачами. В то же время смена стратегических целей не предполагает отказа от решения ранее поставленных задач.

На наш взгляд, проведение политэкономического и экономико-социологического анализа описаний типов новой экономики и выделение существующих между ними отличий позволят определить наиболее перспективный для Беларуси тип новой экономики. Результаты проведенного нами исследования показывают, что сегодня на эту роль претендует интеллектуальная экономика. Ключевыми доминантами данного типа экономической системы выступают, во-первых, наличие разных типов интеллекта (несколько десятков) как главного экономического ресурса и, во-вторых, достаточно жесткая зависимость интеллектуальной экономики от той системы социально-экономических отношений, которая сложилась исторически и является основой формирования и использования указанного ресурса. Ины-

ми словами, интеллектуальная экономика не заменяет закрепившуюся в стране систему отраслевых экономик, а дополняет ее. Именно это имел в виду академик В. Г. Гусаков, когда говорил о «создании интеллектуальной экономики на основе традиционных отраслей и видов деятельности, которые будут обеспечивать жизненные потребности человека, а также средства производства для их получения (промышленность, АПК, энергетика, строительство)» [43, с. 42].

В качестве источника новых рабочих мест рассматривает сферу интеллектуального труда и Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. По его мнению, самая большая проблема «...состоит в том, что сегодня на нашей далеко не маленькой территории проживает всего 10 млн человек. Ни о какой безопасности не может быть и речи, если некому будет защищать эту землю»¹². Белорусский лидер убежден в том, что наша земля может прокормить 30 млн человек. В данном контексте уместно привести справочную информацию: «Показатель обеспеченности пахотными землями на душу населения в разных странах существенно отличается: от 2,45 га в Австралии и 0,90 га в России до 0,10 га в Германии и 0,037 га в Японии. <...> В Беларуси... на душу населения приходится 0,88 га сельскохозяйственных земель и 0,61 га пашни» [44, с. 23]. Вопрос заключается в том, куда трудоустроить еще 20 млн человек. Если создавать новые рабочие места в промышленной сфере, то усугубится и теперь не совсем простая экологическая ситуация в стране, если же создавать их в сельскохозяйственной сфере, то истощится плодородие почв. Следовательно, источником новых рабочих мест может выступать сфера интеллектуального труда.

В Израиле знания являются основой существования общества, у 20 % работоспособного населения есть высшее образование. В этой стране издается наибольшее в мире количество научных трудов на душу населения (109 работ на 10 тыс. человек), здесь наибольшее в мире число компьютеров и мобильных телефонов на душу населения. В Израиле на 1 тыс. человек приходится больше инженеров (135 инженеров на 10 тыс. человек), чем в любом другом государстве (в США, например, 85 инженеров на 10 тыс. человек). На проведение гражданских научных исследований страна тратит 4,2 % валового

¹¹ Соколова Г. Н. Экономическая социология. С. 93.

¹² Александр Лукашенко хочет увеличить население Белоруссии в три раза // Медпортал. URL: <https://medportal.ru/mednovosti/aleksandr-lukashenko-hochet-uvlichit-naselenie-belorussii-v-tri-raza/> (дата обращения: 06.11.2023).

национального продукта. В 2000 г. в Израиле было около 4 тыс. интернет-компаний [45, с. 26–27].

Свой выбор в пользу сферы интеллектуального труда сделали и так называемые авангардные страны мира (Китай, Индия Бразилия и Россия) [46]. Руководители этих государств, видимо, прислушались к словам нобелевского лауреата по экономике Т. У. Шульца о том, что «...будущее человечества не предопределено ни пространством, ни энергией, ни площадью пахотных земель. Оно будет определяться интеллектуальным развитием человечества» [47, с. 89].

Имеющаяся у Китая «площадь пахотной земли на душу населения составляет по мировым стандартам лишь одну треть от потребности, ресурсы пресной воды – одну четверть, а лесные угодья и растительный покров – всего одну шестнадцатую» [1, с. 340]. Это не позволяет Китаю самостоятельно решить проблему продовольственной безопасности (следует помнить, что население страны составляет почти 1,5 млрд человек). В такой ситуации Китай просто вынужден был стать «фабрикой мира», чтобы за счет доходов от выпуска высокотехнологичных промышленных товаров и оказания информационных услуг другим странам покупать продовольствие для своего населения. В 2006 г. Китай, вслед за США и Японией, вошел в тройку лидеров мировой экономики по абсолютным масштабам затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Число научных работников в Китае за 1995–2010 гг. увеличилось вдвое и достигло 1,2 млн человек (в США оно составило 1,3 млн человек) [46, с. 9].

Крупнейший научно-технический потенциал сегодня имеет Индия. Она входит в пятерку ведущих стран по ракетным и ядерным технологиям, но главным прорывом государства выступает создание первоклассной индустрии программного обеспечения. Индия является ключевым экспортером компьютерных и информационных услуг и одним из мировых центров подготовки высококвалифицированных кадров в этой области. Сегодня Индию называют мировым офисом: в сфере услуг создается более половины добавленной стоимости, в ней занята четверть трудоспособного населения страны. Развитая отрасль информатики «экспортирует четыре пятых от объема производимых товаров и услуг» [46, с. 13–14].

Высокотехнологичное интеллектуальное производство развивает и Бразилия. По промышленным показателям она занимает 1-е место в Латинской Америке. По производству автомобилей Бразилия входит в десятку крупнейших стран-производителей. Государство является одним из ведущих экспортеров среднемагистральных авиалайнеров в мире и остается бесспорным лидером региона в развитии новой экономики, основанной на достижениях информационных технологий и интернета [46, с. 25–26].

Отличные шансы стать лидирующей интеллектуальной экономикой Евразии имеет и Россия: «...в исторической перспективе России в силу ее уникальных природных богатств предопределено судьбой сохранить свои позиции энергетической и сырьевой супердержавы. Это ее огромное стратегическое преимущество, дополненное ускоренным инновационным прорывом и опирающееся на гигантский интеллектуальный потенциал нации, придаст России новое качественное измерение и возвысит в XXI веке и на последующие времена ее роль как одного из ведущих государств мира» [46, с. 32].

Таким образом, «обладающие обширными территориями, многочисленным населением и значительным экономическим потенциалом Китай, Индия, Бразилия и Россия оказывают к тому же огромное цивилизационно-культурное влияние на соседние страны и регионы» [46, с. 8], что в немалой степени обусловлено интеллектуальными доминантами экономик этих стран.

Сопредельные с интеллектуальной экономикой типы экономических систем имеют совсем иные доминанты. Так, информационная, сетевая, умная и цифровая экономики наиболее жестко привязаны к ИКТ. К сожалению, в последнее время выявлен ряд негативных аспектов данной связи. С одной стороны, по свидетельству российских экономистов, «...объем внутренних затрат на развитие цифровой экономики в 2017 г. составил 3324,1 млрд руб., или 3,6 % ВВП. Это примерно соответствует величине, запланированной в программе “Цифровая экономика Российской Федерации” на 2022 г., и опережает расходы на здравоохранение, науку и дорожное хозяйство» [48, с. 74]. С другой стороны, цифровой сегмент характеризуется достаточно скромным местом в экономике. На его долю в ВВП промышленно развитых стран приходится в среднем 6 %. В странах Организации экономического сотрудничества и развития в сфере ИКТ занято 3–5 % рабочей силы. Что касается роста мирового ВВП, то вклад цифрового сегмента в него пока не превышает 0,25 %. Наблюдается парадоксальная ситуация: цифровые технологии активно распространяются, при этом темпы роста производительности труда падают. Внедрение ИКТ «...нивелировалось растущими масштабами переноса промышленного производства с севера на юг. Такой процесс обусловил падение капиталовооруженности и производительности труда в развитых капиталистических странах за счет переключения на использование трудозатратных технологий в регионах с низкой оплатой труда. <...> Именно так работал один из каналов выкачивания прибавочной стоимости странами капиталистического центра со своей периферии» [49, с. 10–13].

Отрицательное влияние ИКТ на социальные процессы отмечают не только политэкономы, но и ученые из других областей знания: «Цифровизация

приводит к деинтеллектуализации общества в целом. Никогда человечество не имело таких возможностей для обогащения духовного мира индивидов. Но никогда общий интеллектуальный уровень людей не падал так низко, как в настоящее время» [50, с. 51].

Кроме того, для полноценного развития цифровой экономики в России остро не хватает квалифицированных специалистов: «По данным Фонда развития интернет-инициатив, к 2027 году российская экономика будет испытывать нехватку около 2,0 млн IT-специалистов. При этом к 2017 году в России насчитывалось около 1,9 млн IT-специалистов (2,4 % трудоспособного населения, в то время как в США, Германии и Великобритании – 4,3 %). Ежегодно в России выпускается порядка 60 тыс. IT-специалистов, и для устранения нехватки кадров необходимо увеличить ежегодный выпуск приблизительно на 40 тыс. человек. В целом до 2025 года России понадобится от 5,8 до 9,2 млн специалистов» [51, с. 27].

Наконец, допущены серьезные ошибки при разработке программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Программа исходит из утверждения о том, что следует сосредоточиться на услугах, не заботясь о производстве. При этом упускается из виду, что основу экономики стран глобальных лидеров составляют прежде всего фундаментальная наука и высокотехнологичное интеллектуальное производство [52, с. 8].

Главным ресурсом экономики знаний являются расширенное производство и продажа научных

и прочих знаний (в виде отчетов о научно-исследовательских работах, научных книг и статей, произведений литературы и искусства, компьютерных программ, образовательных услуг и т. д.). О степени развитости этого типа новой экономики на постсоветском пространстве можно судить на примере подготовки квалифицированных специалистов. Доля лиц, имеющих высшее образование, в населении трудоспособного возраста постоянно растет. В США этот показатель достиг уже более 25,0 %, в России он также относительно высокий – 17,5 % (в два раза выше, чем во Франции), что обеспечивает стране благоприятные стартовые позиции для развития новой экономики [2, с. 43].

Проведенный политэкономический и экономико-социологический анализ реализуемых в Беларуси типов новой экономики дает основания для следующих выводов:

- сегодня в Беларуси активно развиваются такие типы новой экономики, как интеллектуальная, инновационная, сетевая, умная и цифровая экономика, а также экономика знаний и др.;
- наиболее перспективным для Беларуси является развитие интеллектуальной экономики, вклад которой в ВВП республики будет постоянно возрастать;
- интеллектуализация производства и социальных сфер жизни белорусского общества должна сопровождаться мерами по индустриализации и реиндустриализации промышленности и сельского хозяйства, а также по ускоренному развитию культуры, науки и образования.

Библиографические ссылки

1. Лу Юнсян. Эра наукоемкой экономики. *Вестник Российской академии наук*. 2000;70(4):338–343.
2. Кольчугина МБ. Новой экономике – новое образование. *Мировая экономика и международные отношения*. 2003;12:42–53. DOI: 10.20542/0131-2227-2003-12-42-53.
3. Леонтьев ББ. Теория системной экономики. *Партнерство цивилизаций*. 2016;1–2:183–206.
4. Ковалёв ММ, Головенчик ГГ. *Цифровая экономика – шанс для Беларуси*. Минск: Издательский центр БГУ; 2018. 327 с.
5. Гусаков ВГ. Наука интеллектуализации экономики. *Наука и инновации*. 2017;9:4–11.
6. Гусаков ВГ. Научные основы реализации национальных интересов, укрепления суверенитета и независимости государства. *Проблемы управления*. 2017;3:16–23.
7. Глазьев СЮ. Как построить новую экономику. *Эксперт*. 2012;7:54–57.
8. Виско И. New economy – фантом или явь? *Deutschland*. 2000;6:12–15.
9. Шурубович АВ. Цифровизация экономики по-белорусски: как удалось опередить «старшего брата». *Мир перемен*. 2019;2:36–50.
10. Потемкин А. *Виртуальная экономика*. Москва: ПоПоГ; 2004. 445 с.
11. LaRouche H. *The economics of the noosphere*. Washington: EIR News Service; 2001. 348 p.
12. Никитенко ПГ. *Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития*. Минск: Белорусская наука; 2006. 481 с.
13. Shiller RJ. Narrative economics. *American Economic Review*. 2017;107(4):967–1004. DOI: 10.1257/aer.107.4.967.
14. Вольчик ВВ, Цыганков СС, Маскаев АИ. Формальные институты российской инновационной системы в свете нарративной экономики. *ЭКО*. 2022;10:110–128. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-10-110-12.
15. Клейнер ГБ. Системная экономика и системно-ориентированное моделирование. *Экономика и математические методы*. 2013;49(4):71–93.
16. Клейнер ГБ. Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнаний. *Экономическое возрождение России*. 2020;1:35–42.
17. Колодко ГВ. Новая экономика и старые проблемы: перспективы быстрого роста в странах постсоциалистической трансформации. *Белорусский экономический журнал*. 2001;3:17–29.
18. Селищева ТА. *Структура российской экономики: на пути к информационному обществу*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; 2006. 184 с.

19. Ариели Д. *Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом*. Москва: Манн, Иванов и Фербер; 2012. 296 с.
20. Иванов ДВ. Глэм-капитализм. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение; 2008. 173 с.
21. Topol R, Walliser B, editors. *Cognitive economics: new trends*. Oxford: Emerald Group Publishing Limited; 2007. 263 p.
22. Карпенко МП. *Когномика*. Москва: Современный гуманитарный университет; 2009. 225 с.
23. Абдикеев НМ, Аверкин АН, Ефремова НА. Когнитивная экономика в эпоху инноваций. *Вестник Российской экономической академии имени Г. В. Плеханова*. 2010;1:3–20.
24. Максимова ВФ. Smart (интеллектуальная) экономика: цели, задачи и перспективы. *Открытое образование*. 2011;3:63–71.
25. Шульгина ИВ. Оценка влияния науки на экономический рост: новые подходы. В: Аллахвердян АГ, Семенова НН, Юревич АВ, редакторы. *Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки*. Москва: Логос; 2005. с. 107–121.
26. Тишков Ю. Информация как ресурс экономики знаний. *Директор*. 2008;3:67–69.
27. Бендиков МА, Джемаяев ЕВ. Системный взгляд на современную российскую науку. *Науковедение*. 2001;4:214–219.
28. Думная НН, Сергеева АЕ. Драйверы модернизации российской национальной инновационной системы (часть 1). *Мир новой экономики*. 2014;1:6–10.
29. Гукасьян ГМ. *Экономическая теория: проблемы новой экономики*. Санкт-Петербург: Питер; 2003. 192 с.
30. Плышевский Б. Политэкономика и «экономикс» на современном рубеже реформ. *Экономист*. 2015;8:60–74.
31. Губанов С. Главы госкомпаний: с чем связать их вознаграждение? (Опыт политэкономического анализа). *Экономист*. 2016;4:3–14.
32. Львов ДС. Экономическая наука и развитие России. *Вестник Российской академии наук*. 1999;69(8):722–742.
33. Волконский ВА. Проблемы обновления политэкономии. *Альтернативы*. 2012;4:134–156.
34. Кареев НИ. Что такое общественные науки? В: Кареев НИ, Чупров АИ, Водовозов ВВ. *Введение в изучение социальных наук. Социология, политическая экономия, правоведение*. Москва: Либроком; 2012. с. 1–5.
35. Young Ch. The emergence of sociology from political economy in the United States: 1890 to 1940. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2009;45(2):91–116. DOI: 10.1002/jhbs.20362.
36. Григорьевский ВВ, Дегтерев ДА, Пискунов ДА, Прохоренко ИЛ. Международная политэкономика ИКТ-индустрии. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023;67(3):5–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-3-5-19.
37. Ведута НИ. *Экономическая кибернетика. Очерки по вопросам теории*. Минск: Наука и техника; 1971. 318 с.
38. Шабанова МА. Социоэкономика и социально-экономическая политика. *Экономическая наука современной России*. 2007;3:34–48.
39. Щербин ВК. Общий социальный анализ знаниевых и стоимостных цепочек. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;3:20–41. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-20-41.
40. Радаев ВВ, Добрякова МС, редакторы. *Экономическая социология: автопортреты*. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ; 2007. 487 с.
41. Гусаков ВГ. Золотой фонд страны. *Наука и инновации*. 2023;9:5–17.
42. Щербин ВК. Интеллектуальное государство как конечная цель научного мегапроекта и как выставочный концепт. В: Муха ДВ, редактор. *Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы. Том 1*. Минск: Право и экономика; 2023. с. 144–149.
43. Гусаков ВГ. О достижениях и стратегии развития науки и технологий. В: Семашко ВИ, редактор. *II съезд ученых Республики Беларусь; 12–13 декабря 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Беларуская навука; 2018. с. 37–43.
44. Данилов АН, Безнюк ДК, Богдевич ИМ, Водопьянов ПА, Вологовский ИД, Зеленков АИ и др. Современный социум: новые вызовы и риски. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;4:12–33. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-4-12-33.
45. Перман С. *Корпорация шпионов: бизнес-инновации от израильских мастеров шпионажа*. Днепропетровск: Баланс бизнес букс; 2006. 224 с.
46. Акаев АА, Ануфриев ИЕ, Акаева БА. *Авангардные страны мира в XXI веке в условиях конвергентного развития. Долгосрочное прогнозирование экономического роста*. Москва: Либроком; 2013. 144 с.
47. Шульц ТУ. Экономика бедности. Лекция памяти Альфреда Нобеля, 8 декабря 1979 г. В: Вантух КА, редактор. *Премия шведского банка памяти Альфреда Нобеля в области экономических наук. Том 2, 1978–1983*. Москва: Физико-математическая литература; 2006. с. 84–106.
48. Гохберг ЛМ, редактор. *Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2019. 82 с.
49. Рязанов В. От аналоговой к цифровой экономике: технологический детерминизм и экономическое развитие. *Экономист*. 2019;6:3–24.
50. Гобозов ИА. Цифровизация общества и деинтеллектуализация человека. *Философия и общество*. 2021;3:35–54.
51. Эскиндаров МА, Масленников ВВ, Масленников ОВ. Цифровая экономика: риски и шансы для Российской Федерации. В: Ладышев ВВ, составитель. *Основные тренды развития цифровой экономики в финансовой сфере. Правовые аспекты регулирования и практического применения*. Москва: Государственная дума; 2019. с. 23–35.
52. Иванов ВВ, Малинецкий ГГ. Цифровая экономика: от теории к практике. *Инновации*. 2017;12:3–12.

References

1. Lu Yongxiang. The era of science-intensive economics. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2000;70(4):338–343. Russian.
2. Kolchugina MB. New education for new economics. *World Economy and International Relations*. 2003;12:42–53. Russian. DOI: 10.20542/0131-2227-2003-12-42-53.
3. Leont'ev ВВ. [Theory of system economics]. *Partnerstvo tsivilizatsii*. 2016;1–2:183–206. Russian.

4. Kovalev MM, Golovenchik GG. *Tsifrovaya ekonomika – shans dlya Belarusi* [Digital economy – a chance for Belarus]. Minsk: Izdatel'skii tsentr BGU; 2018. 327 p. Russian.
5. Gusakov VG. [The science of intellectualisation of the economy]. *Nauka i innovatsii*. 2017;9:4–11. Russian.
6. Gusakov VG. [Scientific foundations for the implementation of national interests, strengthening the sovereignty and independence of the state]. *Problemy upravleniya*. 2017;3:16–23. Russian.
7. Glaz'ev SYu. [How to build a new economy]. *Expert*. 2012;7:54–57. Russian.
8. Visko I. [New economy – phantom or reality?]. *Deutschland*. 2000;6:12–15. Russian.
9. Shurubovich AV. [Digitalisation of the economy in Belarusian style: how we managed to get ahead of our «big brother»]. *Mir peremen*. 2019;2:36–50. Russian.
10. Potemkin A. *Virtual'naya ekonomika* [Virtual economy]. Moscow: PoRog; 2004. 445 p. Russian.
11. LaRouche H. *The economics of the noosphere*. Washington: EIR News Service; 2001. 348 p.
12. Nikitenko PG. *Noosfernaya ekonomika i sotsial'naya politika: strategiya innovatsionnogo razvitiya* [Noospheric economics and social policy: strategy for innovative development]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2006. 481 p. Russian.
13. Shiller RJ. Narrative economics. *American Economic Review*. 2017;107(4):967–1004. DOI: 10.1257/aer.107.4.967.
14. Volchik VV, Tsygankov SS, Maskaev AI. Formal institutions of the Russian innovation system in the light of narrative economics. *ECO*. 2022;10:110–128. Russian. DOI: 10.30680/ECO131-7652-2022-10-110-12.
15. Kleiner GB. System economics and system-oriented modeling. *Ekonomika i matematicheskie metody*. 2013;49(4):71–93. Russian.
16. Kleiner GB. Intellectual economy of the new age: post-knowledge economy. *Economic Revival of Russia*. 2020;1:35–42. Russian.
17. Kolodko GV. [New economy and old problems: prospects for rapid growth in countries of post-socialist transformation]. *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal*. 2001;3:17–29. Russian.
18. Selishcheva TA. *Struktura rossiiskoi ekonomiki: na puti k informatsionnomu obshchestvu* [Structure of the Russian economy: on the way to an information society]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics and Finance; 2006. 184 p. Russian.
19. Ariely D. *Povedencheskaya ekonomika. Pochemu lyudi vedut sebya irratsional'no i kak zarabotat' na etom* [Behavioral economics. Why people behave irrationally and how to make money from it]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2012. 296 p. Russian.
20. Ivanov DV. *Glem-kapitalizm* [Glam capitalism]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie; 2008. 173 p. Russian.
21. Topol R, Walliser B, editors. *Cognitive economics: new trends*. Oxford: Emerald Group Publishing Limited; 2007. 263 p.
22. Karpenko MP. *Kognomika* [Cognomics]. Moscow: Modern University for the Humanities; 2009. 225 p. Russian.
23. Abdikeyev NM, Averkin AN, Efremova NA. [Cognitive economics in the era of innovation]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*. 2010;1:3–20. Russian.
24. Maksimova VF. Smart (intellectual) economy: goals, objectives and prospects. *Open Education*. 2011;3:63–71. Russian.
25. Shul'gina IV. [Assessing the influence of science on economic growth: new approaches]. In: Allakhverdyan AG, Semenovna NN, Yurevich AV, editors. *Naukovedenie i novye tendentsii v razvitiu rossiiskoi nauki* [Science and new trends in the development of Russian science]. Moscow: Logos, 2005. p. 107–121. Russian.
26. Tishkov Yu. [Information as a resource of the knowledge economy]. *Director*. 2008;3:67–69. Russian.
27. Bendikov MA, Dzhemai EV. [A systematic view of modern Russian science]. *Naukovedenie*. 2001;4:214–219. Russian.
28. Dumnaya NN, Sergeeva AE. Innovations and tendencies. Modernization drivers of national innovation system of Russia (part 1). *World of New Economy*. 2014;1:6–10. Russian.
29. Gukas'yan GM. *Ekonomicheskaya teoriya: problemy novoi ekonomiki* [Economic theory: problems of the new economy]. Saint Petersburg: Piter; 2003. 192 p. Russian.
30. Plyshevskii B. [Political economy and «economics» at the modern turn of reforms]. *Economist*. 2015;8:60–74. Russian.
31. Gubanov S. [Heads of state-owned companies: what to link their remuneration to? (Experience in political economic analysis)]. *Ekonomist*. 2016;4:3–14. Russian.
32. L'vov DS. [Economic science and development of Russia]. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 1999;69(8):722–742. Russian.
33. Volkonskii VA. [Problems of updating political economy]. *Al'ternativy*. 2012;4:134–156. Russian.
34. Kareev NI. [What are social sciences?]. In: Kareev NI, Chuprov AI, Vodovozov VV. *Vvedenie v izuchenie sotsial'nykh nauk. Sotsiologiya, politicheskaya ekonomiya, pravovedenie* [Introduction to the study of social sciences. Sociology, political economy, jurisprudence]. Moscow: Librokom; 2012. p. 1–5. Russian.
35. Young Ch. The emergence of sociology from political economy in the United States: 1890 to 1940. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2009;45(2):91–116. DOI: 10.1002/jhbs.20362.
36. Grigor'evskii VV, Degtrev DA, Piskunov DA, Prokhorenko IL. International political economy of ICT industry. *World Economy and International Relations*. 2023;67(3):5–19. Russian. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-3-5-19.
37. Veduta NI. *Ekonomicheskaya kibernetika. Ocherki po voprosam teorii* [Economic cybernetics. Essays on theoretical issues]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1971. 318 p. Russian.
38. Shabanova MA. [Socio-economics and socio-economic policy]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*. 2007;3:34–48. Russian.
39. Shcherbin VK. The combined social analysis of knowledge and value chains. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;3:20–41. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-20-41.
40. Radaev VV, Dobryakova MS, editors. *Ekonomicheskaya sotsiologiya: avtoportrety* [Economic sociology: self-portraits]. Moscow: Izdatel'skii dom GU VShE; 2007. 487 p. Russian.
41. Gusakov VG. The country's gold fund. *Science and Innovations*. 2023;9:5–17. Russian.
42. Shcherbin VK. [Intellectual state as the ultimate goal of a scientific megaproject and as an exhibition concept]. In: Mukha DV, editor. *Strategiya razvitiya ekonomiki Belarusi: vyzovy, instrumenty realizatsii i perspektivy. Tom 1* [Strategy for the development of the Belarusian economy: challenges, implementation tools and prospects. Volume 1]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2023. p. 144–149. Russian.

43. Gusakov VG. [On the achievements and strategy for the development of science and technology]. In Semashko VI, editor. *II s'ezd uchenykh Respubliki Belarus'; 12–13 dekabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [2nd congress of scientists of the Republic of Belarus; 2017 December 12–13; Minsk, Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2018. p. 37–43. Russian.
44. Danilov AN, Bezniuk DK, Bogdevich IM, Vodopianov PA, Volotovskiy ID, Zelenkov AI, et al. Modern society: new challenges and risks. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;4:12–33. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-4-12-33.
45. Perman S. *Korporatsiya shpionov: biznes-innovatsii ot izrail'skikh masterov shpionazha* [Spy corporation: business innovations from Israeli espionage masters]. Dnepropetrovsk: Balance Business Books; 2006. 224 p. Russian.
46. Akaev AA, Anufriev IE, Akaeva BA. *Avangardnye strany mira v XXI veke v usloviyakh konvergentnogo razvitiya. Dolgo-srochnoe prognozirovanie ekonomicheskogo rosta* [Vanguard countries of the world in the 21st century in conditions of convergent development. Long-term forecasting of economic growth]. Moscow: Librokom; 2013. 144 p. Russian.
47. Shultz TW. [Economics of poverty. Lecture in memory of Alfred Nobel, 1979 December 8]. In: Vantukh KA, editor. *Pre-miya shvedskogo banka pamyati Al'freda Nobelya v oblasti ekonomicheskikh nauk. Tom 2, 1978–1983* [The prize of the Swedish Bank in memory of Alfred Nobel in the field of economic sciences. Volume 2, 1978–1983]. Moscow: Fiziko-matematicheskaya literatura; 2006. p. 84–106. Russian.
48. Gokhberg LM, editor. *Chto takoe tsifrovaya ekonomika? Trendy, kompetentsii, izmerenie* [What is the digital economy? Trends, competencies, measurement]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2019. 82 p. Russian.
49. Ryazanov V. [From analogue to digital economy: technological determinism and economic development]. *Economist*. 2019;6:3–24. Russian.
50. Gobozov IA. Digitalization of society and deintellectualization of a person. *Philosophy and Society*. 2021;3:35–54. Russian.
51. Eskindarov MA, Maslennikov VV, Maslennikov OV. [Digital economy: risks and chances for the Russian Federation]. In: Ladyshev VV, compiler. *Osnovnye trendy razvitiya tsifrovoi ekonomiki v finansovoi sfere. Pravovye aspekty regulirovaniya i prakticheskogo primeneniya* [Main trends in the development of the digital economy in the financial sector. Legal aspects of regulation and practical application]. Moscow: Gosudarstvennaya дума; 2019. p. 23–35. Russian.
52. Ivanov VV, Malinetsky GG. Digital economy: from theory to practice. *Innovatsii*. 2017;12:3–12. Russian.

Статья поступила в редколлегию 18.11.2023.
Received by editorial board 18.11.2023.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316(075.8)

ОТВЕТ УНИВЕРСИТЕТОВ НА НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ: СИНТЕЗ ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются вызовы, стоящие перед современным университетским образованием. Подчеркивается важная миссия высшей школы в формировании идеалов будущего. Отмечается, что белорусская система высшего образования, являясь наследницей советских практик обучения, представляет собой самобытный национальный феномен, созданный с учетом государственных потребностей и культурных традиций населения. Экономические и политические институты формируют заказ на подготовку специалистов, задают приоритеты государственной поддержки в сфере экономики, определяют ситуацию на рынке труда. Главной проблемой постсоветских систем высшего образования является прежде всего отказ от собственного опыта подготовки специалистов. Заимствование западных образцов учебных программ без должной экспертизы и адаптации, поспешность и формализм в образовательном процессе привели к упадку системы высшего образования, утрате авторитета преподавателя высшей школы в глазах общественности. Сегодня возникла необходимость в разработке своеобразной дорожной карты будущего образования как элемента национальной культуры. Усовершенствованная модель образования должна эффективно использовать современные технологические среды, продуктивно отвечать на запросы экономики и общества, являть собой синтез традиций и новаций. Повышенное внимание к системе образования обусловлено тем, что именно в университетских сменах формируются жизненные смыслы и ценности молодого поколения, позволяющие ему адаптироваться к вызовам времени.

Ключевые слова: образование; вызовы времени; традиции; новации; цифровизация.

Образец цитирования:

Данилов АН. Ответ университетов на новые вызовы времени: синтез традиций и новаций. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;1:32–36. EDN: WYWAWV

For citation:

Danilov AN. Universities' response to new challenges of the time: synthesis of traditions and innovations. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;1:32–36. Russian. EDN: WYWAWV

Автор:

Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. a.danilov@tut.by

UNIVERSITIES' RESPONSE TO NEW CHALLENGES OF THE TIME: SYNTHESIS OF TRADITIONS AND INNOVATIONS

A. N. DANILOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The challenges facing modern university education are considered. The important mission of higher education in shaping the ideals of the future is emphasised. It is noted that the Belarusian higher education system, being the heir of Soviet educational practices, is an original national phenomenon formed taking into account the state needs and cultural traditions of the population. Economic and political institutions form an order for the training of specialists, set priorities for state support in the field of economics, and determine the situation on the labour market. The main problem of post-Soviet higher education systems is, first of all, the rejection of their own experience in training specialists. The borrowing of Western samples of educational programmes without proper expertise and adaptation, haste and formalism in the educational process led to the decline of the higher education system, the loss of the authority of the higher school teacher in the eyes of the public. Today, there is a need to develop a kind of roadmap for the future of education as an element of national culture. An improved education model should effectively use modern technological environments, productively respond to the demands of the economy and society, and represent a synthesis of traditions and innovations. The increased attention to the education system is due to the fact that it is in university shifts that the life meanings and values of the younger generation are formed, allowing them to adapt to the challenges of the time.

Keywords: education; challenges of time; traditions; innovations; digitalisation.

Политические, социальные и экономические процессы, происходящие в обществе, непосредственно влияют на функционирование системы высшего образования. Через формирование интеллектуальной элиты, трансляцию нравственных ценностей и расширение возможностей человека высшее образование создает идеалы будущего. В свою очередь экономические и политические институты делают заказ на подготовку специалистов, задают приоритеты государственной поддержки в сфере экономики и во многом определяют ситуацию на рынке труда.

Белорусская система высшего образования представляет собой наследницу советских практик обучения, многие из которых были заимствованы у ведущих европейских университетов. Сегодня это самобытный национальный феномен, сформированный с учетом государственных потребностей и культурных традиций белорусов. Очевидно, что высшее образование было и остается драйвером социального развития общества. Авторитет специалиста с высшим образованием никогда не подвергался сомнению. За годы советской власти сложился устойчивый стереотип о том, что «наличие высшего образования – путь к лучшей карьере и лучшему качеству жизни» [1, с. 15].

Время изменило многие представления о системе университетского образования. Главной проблемой постсоветских систем высшего образования выступает прежде всего отказ от традиций и накопленного десятилетиями собственного опыта подготовки специалистов, в ходе которого учитывались потребности национальной экономики. Кроме того, следует сказать и о последствиях поспешного заимствования западных практик обучения без должной экспертизы и адаптации. Некритичный подход, отсутствие

системности, повсеместная монетизация и формализм в системе образования привели к ее упадку. К сожалению, авторитет высшего образования в целом и преподавателя высшей школы в частности в глазах общественности потерян.

В сентябре 2023 г. в стенах Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов прошла Международная научно-практическая конференция «Общественные науки и развитие высшего образования», которая положила начало ряду мероприятий, приуроченных к 300-летию создания РАН. На пленарном заседании участников конференции выступил ректор университета член-корреспондент РАН А. С. Запесоцкий. Основываясь на своем богатом педагогическом и управленческом опыте, он подчеркнул мысль о высокой миссии культуры в реформировании системы образования и выработке национальной идеи и акцентировал внимание на проблемах современного образования. А. С. Запесоцкий указал на то, что «ошибки в управлении образованием нужно анализировать» [2, с. 37]. На наш взгляд, их нужно еще и признавать. Главными ошибками ученый назвал проведение Единого государственного экзамена и переход на международную систему подготовки бакалавра и магистра. По его мнению, «...это крах фундаментального образования, конец лучшего, что было в образовательной системе советских времен. В отличие от советского времени, теперь появилось и, по сути, не скрывается толкование образования как бизнеса. <...> Вузы утратили свое вероятно важное качество – академическую свободу. Это то, на чем всегда, на протяжении всей своей истории стояли университеты. <...> Что за новый идеал образования выдвинут нашей эпохой – квалифицированный потребитель? Вузы превращаются в плохие техникумы. <...> Следует отметить, что практически

все реформы высшего образования в постсоветский период осуществлялись без сколь-нибудь серьезного научного обоснования» [2, с. 36–42].

Как же так получилось, что традиции советского образования были признаны отсталыми и политически ангажированными? Мы, не задумываясь о будущем, перенимали не адаптированные к постсоветской действительности западные образцы учебных программ, наспех переводили зарубежные учебники и считали, что достойная жизнь нашим детям обеспечена. При этом мы так и не ответили на вопрос о том, какие навыки им понадобятся, чтобы быть счастливыми и достойно жить в условиях постоянной нестабильности. Как показывает история, передать опыт молодому поколению можно только при условии четкого видения пути и его ориентации на сложившиеся в обществе ценностные приоритеты.

Точки роста новых правил функционирования системы образования уже обозначаются. Пока этот процесс идет стихийно и ситуационно, но будущее уже вполне конкретно рисует профиль вызовов и угроз, стоящих перед современной системой образования. В связи с этим стоит выделить очевидные выводы:

- глобализация не обеспечила равного и всеобщего доступа к образованию, но разрушила образцы универсального опыта и традиции национальных школ;
- глобальная цифровизация, развитие социальных сетей и телекоммуникационных систем революционизировали систему обучения;
- появились новые формы образования, объединяющие в себе обучение и работу в научном проекте и реализующиеся в виде стартапов;
- жизнь ускорила, что проявляется в постоянной смене технологий, росте экономической неопределенности, обновлении спроса на специалистов в новых областях знания;
- динамика развития рынка труда потребовала от образовательной системы подготовки специалистов нового типа.

Данные обстоятельства указывают на необходимость усовершенствования существующей модели образования. Она должна максимально эффективно использовать современные технологические среды и платформы, оперативно отвечать на запросы экономики и общества и являть собой синтез традиций и новаций. Необходимо вернуть высшей школе статус центра формирования ценностной матрицы будущего, иначе ускоренное цифровое обновление базовых ценностей может создать иллюзию прогресса и направить общество по ложному пути. В этой ситуации повышенное внимание к системе образования является вполне обоснованным, так как именно в рамках высшей школы складываются новые смыслы и ценности, позволяющие молодому

человеку адаптироваться к жизни в современном мире.

К сожалению, разрушение опыта классической системы образования мешает выработать стратегию развития современных практик обучения и управления ими. Именно недооценка властными элитами стратегической роли образования и культуры как основания социума, ее значимости для успешной модернизации общества и экономического роста выступает главным препятствием для развития отечественной культуры в частности, а во многом и общества в целом. С точки зрения М. К. Горшкова и его коллег, культура, как «мера становления человеческого в человеке», превращается в важный инструмент объяснения текущих социальных трансформаций [3, с. 51].

Высокая миссия культуры и образования как важнейших составляющих прогресса обусловлена тем, что они должны выполнить роль духовно-ценностного поля для утверждения новой общегражданской культурной идентичности, взять на себя функции социокультурной и гражданской консолидации общества, укрепления социальной и межнациональной солидарности, стать ценностной платформой для формирования образа будущего и разработки национальной идеи государства [3, с. 121–122].

Сегодня очень важно видеть следующий уровень развития общества, прогнозировать новый виток социальной эволюции. В этой ситуации образование выступает в качестве центра, наполняющего содержанием происходящие перемены. Во многом именно от высшей школы напрямую зависит устойчивое развитие цивилизации. В настоящее время происходит активное осовременивание форм и методов обучения. В рамках системы образования создается глобальный рынок услуг, который может достаточно быстро ввести новые стандарты в эту сферу. Многие компании, деятельность которых связана с использованием высоких технологий, ставят вопрос о формировании собственных образовательных структур.

Главным вызовом для системы образования, являющейся пространством создания смыслов деятельности общества, является мотивация молодых людей. Так, российский министр образования и науки В. Н. Фальков отметил: «Задача университетов – работать с мотивацией студента. Замотивированный студент получает знания, а не просто “отбывает номер”. Он в вузе не ради диплома. Вот такие студенты – молодые ученые, создатели научного и технологического будущего страны – нам сейчас как раз очень нужны» (цит. по [4, с. 5–15]). Эти слова в полной мере касаются и белорусской учащейся молодежи. Неудовлетворенность образованием тормозит духовное развитие человека, порождает в нем комплекс неполноценности, неуверенность в завтрашнем дне и выборе жизненного

пути. Не следует забывать и о том, что образование должно отвечать запросам научно-технического прогресса, развития экономики и общества.

Сегодня очевидна потребность в разработке своеобразной дорожной карты белорусской системы образования. Главное, не сделать новых ошибок. Без принятия новой стратегии обучения общество обречено на постоянное отставание. Построение новой модели образования должно заключаться не в отказе от предшествующих практик, а в их трансформации. Необходимо вдохнуть новую жизнь в традиционные практики преподавания, переосмыслить существующие образовательные подходы. Прорыв к новому должен быть сопряжен с обновлением ценностных ориентиров цивилизационного развития. Ключевое условие построения новой модели образования точно определил П. А. Водопьянов: «...созидание будущего будет зависеть от тех, кто сотворит новый мир на основе коренного перелома в сознании, направленного на сохранение биосферы и утверждение биоантропоцентристской парадигмы мышления» [5, с. 469].

Фундаментом новой системы образования должно стать экологическое мышление, ориентированное на формирование мировоззрения, которое утверждает ценность не только человека, но и всех живых существ. Имеющаяся до сих пор нацеленность на абсолютный приоритет технологических и технических открытий не может быть признана обоснованной, поскольку достижения науки и техники превратили человека в серьезную геологическую силу и привели к кризисным явлениям в биосфере. В связи с этим важно внедрение коэволюционной стратегии развития общества, которая предполагает ограничение масштабов человеческой деятельности и изменение вектора социально-экономического развития. Стратегия коэволюции, ориентированная на будущее, содержит установку на изменение всех сфер деятельности людей, в том числе сферы образования. В качестве ее главного императива должно выступать требование по сохранению биосферы.

Не стоит бояться цифровизации – следует научиться использовать ее потенциал. В. В. Миронов в свое время отмечал: «Именно процесс глобальной компьютеризации и превращения всего человечества в единую информационную систему может выступить мощным фактором творческих потенций личности, освободив человека, работающего в естественно-научной или гуманитарной области, в сфере искусства, в обычной жизни, от рутинного, в некоторых случаях формально-вспомогательного труда, на который во всех этих областях может уходить больше времени, чем на творчество как таковое. <...> В культуре, может быть, впервые появляется действительная возможность великого синтеза не только между гуманитарными и естественными,

но и вообще между всеми видами творческой деятельности» [6, с. 131].

Профессор В. В. Миронов являлся критиком поспешных реформ образования. Он считал, что наукометрические методы необходимы в качестве помощи ученому, но в современных условиях они превратились в разновидность безумия. В. В. Миронов также поднимал вопрос о мотивации педагогического труда, отмечая, что «...разрушение мотивации – это одна из самых больших бед и последствий реформы образования. Сегодня поступление регулирует не содержательная мотивация при выборе профессии, а рейтинговая позиция по результатам ЕГЭ. Это неизбежно повлияет и на качество образования, ибо гораздо больше тратится времени на пролонгирование того, что не было получено в школе. Школа перестроилась. Она стала не системой, дающей или продуцирующей знания, а системой, натаскивающей на ЕГЭ» [6, с. 433]. Особенно чувствительна эта проблема для представителей гуманитарных наук, в центре которых стоит человек [6, с. 394].

Нельзя не замечать бюрократизации высшей школы. Пока еще во многих университетах сохраняется атмосфера неприятия менеджеров в сфере науки: «...если декан или заведующий кафедрой не будет заниматься наукой и преподаванием, его никто не будет ставить всерьез» [6, с. 451]. В. В. Миронов был прав, когда говорил, что инновация и консерватизм в образовании не противостоят друг другу. Консервативность фиксирует важность образования и его связь с историей данной культуры, что определяет выбор той или иной модели. Инновация – элемент общего развития любой сферы, будь то наука или образование, причем «инновации ради инноваций могут нанести скорее вред, чем пользу, так как ведут к разрывам в целостном процессе развития той или иной системы» [6, с. 471].

Обществу предстоит большая работа по построению новой модели образования. На повестку гуманитарного дискурса выдвигаются вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой судьбы современной цивилизации, возможными сценариями будущего человечества. Именно поэтому большое внимание уделяется последствиям очередного поворота в системе образования.

Необходимо превратить университет в центр формирования ценностной матрицы будущего. В противном случае бездумное обновление базовых ценностей будет создавать иллюзию прогресса и искажать реальность. В этой ситуации повышенное внимание к системе образования является вполне оправданным, ведь именно в университетских стенах формируются жизненные смыслы молодого поколения, которые позволят ему адаптироваться к новым вызовам и идентифицировать свою принадлежность к семье, роду и Отечеству.

Библиографические ссылки

1. Кузьминов ЯИ, Юдкевич ММ. *Университеты в России: как это работает*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2021. 616 с.
2. Запесоцкий АС. Реформирование системы высшего образования: проблемы и болевые точки. В: Хабриева ТЯ, редактор; Запесоцкий АС, составитель. *Общественные науки и развитие высшего образования. Международная научно-практическая конференция; 22 сентября 2023 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2023. с. 36–42.
3. Горшков МК, Комиссаров СН, Карпукхин ОИ. *На переломе веков: социодинамика российской культуры*. Москва: ФНИСЦ РАН; 2022. 703 с.
4. Пружинин БИ, Щедрина ТГ, Щедрина ИО. Социальное программирование в студенческой аудитории: мотивация на познание. *Вопросы философии*. 2023;10:5–15. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-10-5-15.
5. Водопьянов ПА. *На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего*. Минск: Беларуская навука; 2023. 469 с.
6. Миронов ВВ. *Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью*. Москва: РГ-пресс; 2020. 488 с.

References

1. Kuz'minov YaI, Yudkevich MM. *Universitety v Rossii: kak eto rabotaet* [Universities in Russia: how it works]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2021. 616 p. Russian.
2. Zapesotskii AS. [Reforming the system of higher education: problems and pain points]. In: Khabrieva TYa, editor; Zapesotskii AS, compiler. *Obshchestvennye nauki i razvitie vysshego obrazovaniya. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya; 22 sentyabrya 2023 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Social sciences and the development of higher education. International scientific and practical conference; 2023 September 22; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2023. p. 36–42. Russian.
3. Gorshkov MK, Komissarov SN, Karpukhin OI. *Na perelome vekov: sotsiodinamika rossiiskoi kul'tury* [On the turn of the century: sociodynamics of Russian culture]. Moscow: FNISTS RAN; 2022. 703 p. Russian.
4. Pruzhinin BI, Shchedrina TG, Shchedrina IO. Social software in the student audience: motivation for learning. *Voprosy filosofii*. 2023;10:5–15. Russian. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-10-5-15.
5. Vodopianov PA. *Na perelome ehpokh: vybor strategii sozidaniya budushchego* [At the turn of the epoch: choosing a strategy for creating the future]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2023. 469 p. Russian.
6. Mironov VV. *Metafizika ne umiraet: izbrannye stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Metaphysics never dies: selected articles, speeches and interviews]. Moscow: RG-press; 2020. 488 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.01.2024.
Received by editorial board 05.01.2024.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ

И. Г. НЕДЕЛЕВСКАЯ^{1), 2)}

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

²⁾Гродненский областной институт развития образования,
ул. Гагарина, 6, 230011, г. Гродно, Беларусь

Аннотация. Представлены результаты сравнительного анализа концептуализации социальной субъектности молодежи в западной, советской и постсоветской социологии. Отмечено, что проблема социальной субъектности известна в социологии в рамках дихотомии структуры и действия, однако значительную часть истории социологи были склонны фокусироваться на детерминистском характере социальных структур в поведении индивида. Исторические события и развитие интегративных теорий в социологии позволили произвести новую оценку взаимозависимости структур и индивидов. В условиях возрастающей динамики социально-экономических и демографических изменений проблема социальной субъектности приобретает особую актуальность для научных сообществ многих стран. В среде молодежи эта проблема осложняется неполноценным социальным и эпистемическим статусом данной социальной группы в системе обыденных и научных представлений. Описано актуальное состояние проблемы социальной субъектности молодежи в западной социологии. Рассмотрены особенности концептуализации этого исследовательского предмета в социологии советского периода, а также произведена попытка установить преемственность современного социологического знания по данной проблеме с корпусом соответствующего социологического знания в западноевропейской и советской традициях.

Ключевые слова: социальная субъектность; дихотомия структуры и действия; социальная субъектность молодежи; социология молодежи; советская социология; конкретные социологические исследования.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований и Российского научного фонда в рамках проекта Г23РНФМ-011 «Молодежь России и Беларуси о себе: экономические и социокультурные вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего для сотрудничества».

Образец цитирования:

Неделевская ИГ. Концептуализация социальной субъектности молодежи в социологических исследованиях советского и постсоветского периодов. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024; 1:37–44 (на англ.).
EDN: ZZAZWI

For citation:

Nedelevskaya IG. Conceptualisation of the social agency of youth in sociological studies of the Soviet and post-Soviet periods. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;1:37–44.
EDN: ZZAZWI

Автор:

Илона Генриховна Неделевская – кандидат социологических наук; доцент кафедры политологии и социологии факультета истории, коммуникации и туризма¹⁾, старший преподаватель кафедры образовательных технологий факультета профессиональной самореализации²⁾.

Author:

Iлона G. Nedelevskaya, PhD (sociology); associate professor at the department of political science and sociology, faculty of history, communication and tourism^a, and senior lecturer at the department of educational technologies, faculty of professional self-realisation^b.
inrainbow21@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8794-0913>

CONCEPTUALISATION OF THE SOCIAL AGENCY OF YOUTH IN SOCIOLOGICAL STUDIES OF THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

I. G. NEDELEVSKAYA^{a, b}

^a*Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Azheshka Street,
Grodna 230023, Belarus*

^b*Grodno Regional Institute for Educational Development, 6 Gagarina Street,
Grodna 230011, Belarus*

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the conceptualisation of youth social agency in Western, Soviet and post-Soviet sociology. The problem of social agency is known in sociology within the framework of the structure-action dichotomy. However, for a significant part of history, sociologists tended to focus on the deterministic nature of social structures in individual behaviour. A new assessment of the interdependence of structures and individuals became possible due to historical events and the development of integrative theories in sociology. This problem is becoming increasingly important for scientific communities in many countries due to the increasing dynamics of socio-economic and demographic change. In relation to youth, it is complicated by the incomplete social and epistemic status of this social group in the system of both everyday and scientific perceptions. The article reviews the current state of the problem of youth social agency in Western sociology, explores the conceptualisation of this research topic during the Soviet period, and attempts to establish continuity between modern sociological knowledge on this problem produced by post-Soviet sociologists and the body of Western and Soviet sociological knowledge.

Keywords: social agency; dichotomy of structure and action; social agency of youth; sociology of youth; Soviet sociology; concrete sociological research.

Acknowledgements. The research was supported by the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research and Russian Science Foundation within the framework of the project G23RNFM-011 «The youth of Russia and Belarus about themselves: the economic and socio-cultural challenges of the present and the construction of future horizons for cooperation».

Introduction

Modern researchers and specialists in various fields are becoming increasingly interested in the problem of human agency as the ability to act with intention and will. Its conceptualisation traced back to the problem of human freedom emerged in the Enlightenment period [1, p. 964], which remains unresolved this day. Later, other social sciences and humanities translated this problem to the level of their disciplinary specificity and scientific language. Today, however, the problem of agency has gone beyond the boundaries of purely scientific interest and has become the subject of studies in various fields of human activity: government and corporate policy [2, p. 2], business and economics [3, p. 222], education [4], science [5] and technology [6]. In the near future, interest in this issue is likely to increase due to the acceleration of social change and possible destructuring trends, which imply transformation of the effects of interaction between individuals and social structures [7, p. 105].

The agency of children and adolescents is a special subject of study. For a long time, both scientific and everyday perceptions have been dominated by the view of individuals in these age groups as passive recipients of culture. Although interest in the subject position of children and adolescents can be found in psychology and pedagogy quite early (for example, in the works and ideas of J.-J. Rousseau, D. Dewey and L. N. Tolstoy), sociology

has spent most of its history studying the determinism of social structures, successfully supporting theoretical positions with the results of empirical research [4, p. 120]. The situation began to change actively in the 1990s, when the sociologists A. Prout and E. James proclaimed a new programme in the study of childhood (new social studies of childhood) and formulated its manifesto. They insisted on dissociating social studies of childhood from the previous stage of social thought, according to which children were seen as «analytical derivatives and reflections of more fundamental social processes and patterns» [8, p. 11].

The problem of agency emerged in Soviet sociology closer to the 1980s and was unique given the peculiarities of communist ideology: individual agency was encouraged within the limits of its orientation towards the collective good (for example, within the framework of socialist competition) and suppressed in the opposite case. Even more unique to Soviet sociology was the problem of youth agency, due to the dominance of paternalistic perceptions supported by communist ideology and policy.

The collapse of the USSR and the fall of political regimes in the Eastern bloc countries, as well as the subsequent transformations of socio-economic structures of their, provided many observations of social agency at both the group and individual levels. Those observations

required explanation by social sciences, which have a long history of developing and producing knowledge under specific conditions. Today, these explanations have significant value, which is determined by global

socio-economic trends and the specificities of social structures of post-communist societies, which have different social structures and approach challenges in particular ways.

Conceptualisation of youth social agency in Western sociology

As noted, other social sciences and humanities have approached the philosophical problem of human will and freedom, taking into account their disciplinary specificities and languages. A. Giddens and Ph. W. Sutton note that in sociology it was translated into the problem of structure and action [9, p. 43]. Polish sociologist P. Sztompka, analysing the sociological conceptualisation of the problem of structure and action, demonstrates that it lies at the intersection of the oppositions of structure and action, and of continuity and transformation [10, p. 51].

In sociology, the movement towards different poles of these oppositions was influenced by scientific and historical factors. The first attempts to define the boundaries and status of sociology as a scientific discipline are associated with the names of the Western European sociologists H. Spencer and Au. Comte, who focused on social phenomena such as social structures, social groups, collectives and aggregates of individuals [10, p. 44]. E. Durkheim's ideas about social facts, which have coercive power over individuals, reinforced this intention [10, p. 44]. In the end, the paradigm of structural functionalism, represented by T. Parsons, defined the canon of sociology for several decades. However, in the 1960s it was criticised and sociologists, after a period of theoretical pluralism, started to integrate the two poles of the problem – structure and action.

According to P. Sztompka, the first theoretical solutions to the integration of action and structure were developed in the late 1960s. In particular, the American sociologist W. Buckley introduced the concept of morphogenesis, defining it as «processes which tend to elaborate or change a system's given form, structure or state» [10, p. 58]. Following him, the Israeli-American sociologist A. Etzioni developed similar ideas into a theory of social leadership theory of societal guidance, which sees human society as a macroscopic and permanent social movement engaged in an intensive and perpetual self-transformation, where creative responsiveness of the people takes the central place [10, p. 58].

In the 1970s, French researchers contributed to the search for a solution structure – action problem. A. Tournaine's works aim to reintroduce the actor to history, demonstrating that individuals are capable of making history. Sociologists of organisations M. Crozier and E. Friedberg emphasise the interdependence of actors and systems and draw attention to the role of collective actions, such as negotiations, bargaining, conflicts, and cooperation, in social change [10, p. 59–60].

At the beginning of the 1980s, the ideas of A. Giddens and P. Bourdieu on the problem of structure and agency were under discussion in the sociological community. The quintessence of their solutions was Giddens' concept of structuration and Bourdieu's concept of habitus. Both of them express a similar idea about relationships between structure and agents (individuals), but differ in their assessment of the agent's freedom to act. A. Giddens believes in the agent's reflexive capacity, which can transform structures, while P. Bourdieu emphasises the deterministic power of social structures, which can reproduce themselves even in a human body.

Theories of A. Giddens and P. Bourdieu met and are meeting many debates, ranging from the empirical verification of their claims to methodological issues. M. Archer engaged in a dispute with A. Giddens and highlighted the need to conceptualise the change of agency in the interaction between structure and action, within the framework of the structure – action problem. P. Sztompka refers to this subject as the morphogenesis of agency, providing the quote from M. Archer's work: «...the self-same sequence by which agency brings about social transformation is simultaneously responsible for the systematic transforming of social agency itself... Agency leads to structural and cultural elaboration, but is itself elaborated in the process» [10, p. 65].

Today, the problem of structure and action remains unsolved in sociological theory, and, according to A. Giddens, is unlikely to ever be resolved to everyone's satisfaction [9, p. 47]. This theoretical problem determines the conceptualisation of youth social agency, which is complicated by interdisciplinary issues of psycho-physiological, cultural and economic capacities in its formation.

Contemporary research in sociology aims to redefine the social agency of youth by emphasising the importance of the relations of division of labour and social control in which this group is embedded, rather than relying solely on age as a distinguishing factor [11, p. 323]. Modern empirical research demonstrates that young people's freedom of choice is limited by social structures. For instance, W. Lehmann argues that young people are influenced by structural, institutional, historical, and cultural contexts that shape their perception of their position in the social structure. This perception then leads to further chains of social actions [9, p. 47].

These theses reflect the general principles of the approach developed in the current stage of conceptualisation of youth agency in Western sociology. Firstly, youth is recognised as a significant subject of action.

Second, the actions of the representatives of this non-homogeneous social group are contextualised by the social structures. Thirdly, social agency's morphogenesis depends on the interaction between structural constraints and opportunities and subjective assessments of successful action possibilities [12]. Fourth,

the conceptualisation of social agency strives to take into account the possibilities of an interdisciplinary approach that allows to create a more comprehensive model of social agency that relates to intra- and interpersonal aspects of human interaction at different (micro-macro) levels [12].

Conceptualisation of youth social agency in Soviet sociology

Although the term «agency» gained popularity in the scientific language of sociology of youth in the 1980s [13, p. 152], the study of this concept began much earlier in Soviet sociology. This process was associated with the so-called «concrete sociological research», which reflected the changes in managing an increasingly complex social system during the post-war period of the 1950s. According to L. G. Titarenko and E. A. Zdravomyslova, «concrete sociological research was drafted to provide for the smart governance based on real data rather than on scholastic speculations» [14, p. 44].

Concrete sociological research was a compromise between the state and the new scientific community. Such sociological studies were conducted in various fields (education and work, urban and rural, family and marriage, etc.) and represented one of the levels in the three-part structure of sociological knowledge according to R. Merton's model, which includes general theory, middle range theories and empirical sociology [15, p. 11]. The latter level was represented by concrete sociological research, which provided the transition to the theoretical levels.

Sociological theory was developing based on historical materialism and the ideology of the Soviet state, which denied stratification and any social structures beside the state ones. According to V. A. Yadov, under L. I. Brezhnev's leadership, sociological theory was developed using structural functionalism, a research paradigm criticised in that time in Western sociology but considered more acceptable in Soviet sociology for social planning, managing organisations and preventing uncontrollable change [15, p. 12]. This tendency in sociological theory, reinforced by the principles of systems analysis in the scientific literature, postponed the possibility of theoretical pluralism in the conceptualisation of social agency, the manifestations of which were demonstrated in the result of concrete sociological research.

The issue of social agency was first recognised in the 1960s in research on social mobility and its relationship to educational and occupational pathways. This topic was initially linked to the study of social stratification in Soviet society, but the focus of research was primarily on differences within social classes rather than between them [15, p. 112]. In the mid-1960s, sociologists conducted studies in various regions of the USSR that revealed discrepancies between the actual structural opportunities and needs of the country's economy and

the interests and aspirations of Soviet youth in their educational and vocational choices [15, p. 268].

During this period, interest in youth research in the USSR was fueled by youth protests in Western countries, which prompted the state to understand and utilise mechanisms of social control. However, despite such a request, the sociology of the Soviet period gradually moved from «a simplistic view of youth as an object of social control and education on the part of state institutions to the affirmation of the concept of youth as a special phase of the life cycle with its own interests and its own (albeit incomplete) social status» [15, p. 131].

This perception started to form during the early 1960s with the first large-scale sociological studies. These studies were related to public opinion (B. A. Grushin), artistic culture (L. N. Kogan), labour (V. A. Yadov, A. G. Zdravomyslov), media consumption (V. E. Shlyapentokh, B. M. Firsov), lifestyle (Yu. V. Arutyunyan), educational and professional choices of Soviet youth and other aspects of it, including comparative studies of life paths of different generations (V. N. Shubkin, S. N. Ikonnikova, M. N. Rutkevich, L. Ya. Rubina, V. T. Lisovskii, A. V. Lisovskii, F. R. Filippov, B. C. Uralnis, M. Kh. Titma).

According to M. K. Gorshkov and F. E. Sheregi, in Soviet sociology the tendency to see young people as an active subject of social relations rather than as a passive object of ideological influence was no longer being suppressed [16, p. 34]. Although there was empirical evidence supporting scientific interest and positive attitudes towards the study of social agency, the conceptualisation of this subject was a slow process due to ideological constraints.

V. A. Yadov and L. N. Kogan proposed the most comprehensive solutions for conceptualising social agency within the framework of personality theory. It is important to note that their theoretical positions were derived from empirical studies of young people. In the late 1970s, V. A. Yadov and his colleagues developed a dispositional theory of personality based on studies of the motives and values of employees from design and construction institutes in Leningrad conducted at the beginning of that period. Apparently, the first ideas that prototyped the dispositional concept of personality developed by V. A. Yadov started to develop during earlier studies of young workers at Leningrad enterprises, the results of which were published in the book «The man and his work» (1967).

The dispositional theory of personality aims to explain how personality is structured as a subject of activity. V. A. Yadov suggests that human behaviour is regulated through dispositions, which result from the interaction between needs and situations where those needs can be fulfilled. Dispositions may form hierarchies if they are fixed in the personality structure [17, p. 35].

The hierarchy of these dispositions includes the following attitudes: a) elementary fixed attitudes based on vital needs and the simplest situations; b) social fixed attitudes, which are formed in small groups and relevant social situations based on the evaluation of objects or situations; c) basic social attitudes, which are formed on the basis of more complex social needs of joining a certain domain of activity, which dominants among others (for example, work, leisure, family); d) a system of value orientations to the life goals and the means of achieving these goals, which is formed on the basis of the highest social needs of the individual and in accordance with the general social conditions that provide opportunities for the realisation of certain social and individual values.

The dispositional hierarchy comprises cognitive, emotional, and behavioural components that form relatively independent subsystems within the general dispositional hierarchy, whose main function is the mental regulation of the subject's social activity or behaviour in the social environment.

Conceptualisation of youth social agency in post-Soviet sociology

The 1990s were a challenging period for many countries that became independent after the collapse of the USSR and the fall of communist regimes. This resulted in a decrease in theoretical and empirical studies of youth social agency. But interest in this subject has since returned after the stabilisation of transformation processes. Nevertheless, the analysis of publication activity on the topic of youth social agency shows that this subject is still new for contemporary sociology of post-Soviet countries.

One of the primary focuses of contemporary sociological research on the social agency of young people is proactive action in the educational context. This trend is driven by the recognition of the necessity for increased entrepreneurial activity and proactive behaviour of individuals in a socio-economic environment with growing dynamics. Researchers in this field aim to address the limitations of the methodological agenda of critical theories of education, which view education as a means of challenging the injustices of dominant macrostructures, and studies of agency and resilience, which emphasise the supportive role of structures in overcoming structural barriers [4, p. 126].

According to the researchers of agency in the educational context, the tendencies of destructuring require the search for an alternative theoretical lens, which would allow to determine the prospects of the role of education in creative and evolutionary structural transformations.

The dispositional theory proposed by V. A. Yadov and his colleagues presents an original theoretical solution based on the synthesis of interdisciplinary links between sociological and psychological approaches. This theory is consistent with the social agency theories of A. Giddens, P. Bourdieu, and M. Archer. It fills theoretical gaps and complements existing theories, providing an explanation for intergenerational differences in behaviour and behaviour changes in different socio-economic contexts.

L. N. Kogan is another major figure who tried to reflect the problem of agency in his theoretical research. His main interest was culture, and he framed this problem in the late 1960s using an interdisciplinary approach that drew on cultural and philosophical disciplines, with a focus on the social action of the individual. The central thesis of his theory is that culture is a process of co-creation, and the human person plays both the subject and object roles simultaneously [18]. Later, L. N. Kogan developed the concept of human social forces, which measure the appropriation of social relations by a social subject. These forces are revealed in their transformative activity and indicate their level of social activity [19]. L. N. Kogan argues that human social forces are shaped and developed through practical activity, and have a direct impact on people's social behaviour.

They propose economic theory as a potential alternative. In particular, modern sociologists P. A. Sorokin and I. D. Frumin suggest integrating T. Schulze's concept of the entrepreneurial element of human capital for this purpose. According to this concept, education fosters allocative capacity, i. e. the ability to make active use of one's resources. This ability improves human efficiency in situations of rapid change, uncertainty, and risk. P. A. Sorokin and I. D. Frumin also find the integration of Aks's theory of national entrepreneurial systems into the sociological study of social agency quite productive. This theory places individual agency in the form of entrepreneurial activity at the centre of its conceptual scheme for macroeconomic dynamics. It acknowledges the role of institutions and emphasises the qualitative characteristics of entrepreneurial activity.

P. A. Sorokin and I. D. Frumin suggest that integrating new economic approaches into the sociological tradition can advance agency theory in sociology and economic research. In addition, such a move would allow moving towards the development of specific indicators to measure the capacity for transformative action, which could be applicable to entrepreneurship education research. However, the primary issue is still the novelty of these economic theories, which conflicts with the methodological agenda of the mainstream approaches in sociology for studying educational agency.

The sociologists from the Urals region represent the second major area of research on the social agency of youth. This region is known in Russian sociology for its extensive experience in conducting sociological research in the field of sociology of youth and education. Since 1995, research teams led by E. S. Barazgova, Yu. R. Vishnevskii, G. E. Zborovskii, E. N. Zaborova, L. N. Kogan and others have conducted eight stages of a longitudinal study of student youth in the Sverdlovsk region, which was labelled as a monitoring [20].

The analysis of the monitoring's results and its methodological basis allows us to conclude that social agency in these studies acts as a theoretical lens of research rather than an object. The basis of this optic was formed by Yadov's dispositional theory and Kogan's concepts [21]. The study authors combined the concept of the individual as an active subject, whose activity is influenced by social conditions, with L. N. Kogan's ideas on temporal attitudes that reflect young people's views on the past, present, and future. The synthesis of these ideas,

according to the authors of the study, made it possible to deepen L. N. Kogan's resource-based approach applying to the studies of youth social agency. This approach involves establishing a relationship between the resources, readiness (reserve), and the use (realisation) of these resources by the youth to achieve their own goals [22]. At the same time, the resource approach assumes the possibility of breaks in the chain of this relationship, which allows for a more detailed conceptualisation of the processes of formation and manifestation of social agency.

In contemporary sociological works, there is a reflection of the cultural-sociological approach in the study of social agency that was established in the Soviet period by L. N. Kogan. It is represented by works that focus on the cultural agency of youth, which determines their ability to transform and create cultural practices [22; 23]. However, sociologists of the Soviet and modern periods did not maintain theoretical continuity, as evidenced by modern researchers' reliance on phenomenology and class analysis by P. Bourdieu.

Conclusions

Social agency is a fundamental issue in social sciences and humanities, particularly in sociology where it is often framed as a structure-action dichotomy. In relation to youth, this issue takes on a unique form due to the socio-economic and epistemic status of this social group in society and scientific knowledge. Currently, researchers tend to consider youth not only as a demographic category but also as a distinct social group defined by socio-economic status and possessing a relatively independent capacity to make decisions and take action.

A comparison of the history of conceptualising the youth social agency in Western and Soviet traditions shows that the former progressed more quickly than the latter in identifying theoretical and methodological issues in this area. This disparity can be attributed to ideological factors that placed both internal and external constraints on Soviet sociology. Moving away from the primacy of structure over action, Western sociologists proposed solutions to problems related to the role of social action in this dichotomy. However, these proposals have not yet fully satisfied the scientific community. Soviet sociologists did not have the opportunity to work freely on this problem. However, they were able to identify it and offer authentic theoretical solutions that address the problem of youth agency along the same lines as in Western sociology related to the youth as an active subject and morphogenesis of agency as a result of the interaction of social structures and the actions of individuals.

The peculiarities of sociology development in the USSR determined the state of the problem of social agency of youth, which is characterised by the novelty of its formulation and the fragmentation of its solutions in the works of sociologists of post-Soviet countries. There are several major directions in the research of this subject: educational, social and cultural agency of youth. Although Soviet sociologists formalised the theoretical background for the study of social agency, we cannot state that modern sociologists in post-Soviet countries have an unconditional theoretical and methodological continuity. The established directions of youth agency research are characterised by the diversification of scientific approaches, which are represented by the theoretical heritage of Soviet and Western sociology.

The analysis of bibliographic sources on the topic of youth social agency suggests that interest in this subject will increase in many countries. This is due to the growing dynamics of socio-economic, demographic, and political changes that demand rapid decision-making and increased adaptability of individuals and societies in modern life conditions. These trends generate a demand for comparing the theoretical languages of different approaches, which will allow to identify points of integration, opportunities and limitations of these approaches for studying specific aspects of social agency in general, and their application in relation to social agency of the youth.

Библиографические ссылки

1. Emirbayer M, Mische A. What is agency? *American Journal of Sociology*. 1998;103(4):962–1023.
2. Сорокин ПС, Афанасьева ИА, Шмаевка ВК, Павлюк Д. *Индивидуальная «агентность» как элемент человеческого потенциала: виды, проявления и эффекты в корпоративном секторе*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2023. 15 с.

3. Сорокин ПС, Зыкова АВ. «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: обзор и интерпретация международного опыта. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;5:216–241. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1858.
4. Сорокин ПС, Фрумин ИД. Образование как источник действия, совершенствующего структуры: теоретические подходы и практические задачи. *Вопросы образования*. 2022;1:116–137. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-1-116-137.
5. Шейпак СА. Агентность автора научной статьи: от грамматики языка к грамматике социального. *Образование и наука*. 2023;25(7):44–68. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-7-44-68.
6. Гаврилина ЕА. Агентность не-человеков: взаимодействие людей и социальных роботов. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023;3:41–55. DOI: 10.14515/monitoring.2023.3.2318.
7. Сорокин ПС. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития. *Социологические исследования*. 2023;3:103–114. DOI: 10.31857/S013216250022927-2.
8. Козловская АЮ, Козлова АВ. Детская агентность как предмет теоретической дискуссии и практическая проблема (антропологический комментарий). *Антропологический форум*. 2020;45:11–25. DOI: 10.31250/1815-8870-2020-16-45-11-25.
9. Гидденс Э, Саттон ФУ. *Основные понятия в социологии*. Рождественская Е, Гавриленко С, переводчики. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2018. 336 с.
10. Sztompka P. *Agency and structure: reorienting social theory*. New York: Taylor & Francis; 2015. 362 p.
11. White R, Wyn J. Youth agency and social context. *Journal of Sociology*. 1998;3:314–327.
12. Hitlin S, Long C. Agency as a sociological variable: a preliminary model of individuals, situations, and the life course. *Sociology Compass*. 2009;3(1):137–160. DOI: 10.1111/j.1751-9020.2008.00189.x.
13. Алиев ВВ. Основы исследования социальной субъектности молодежи. *Знание. Понимание. Умение*. 2015;1:152–161. DOI: 10.17805/zpu.2015.1.14.
14. Titarenko LG, Zdravomyslova EA. *Sociology in Russia: a brief history*. Cham: Palgrave Macmillan; 2017. 169 p.
15. Ядов ВА, редактор. *Социология в России*. Москва: Издательство Института социологии РАН; 1998. 696 с.
16. Горшков МК, Шереги ФЭ. Российская молодежь: истоки и этапы социологического изучения. *Гуманитарий Юга России*. 2012;3:23–46.
17. Ядов ВА. *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция*. Москва: ЦСПиМ; 2013. 376 с.
18. Коган ЛН. Духовное производство и культура. *Вопросы духовной культуры советских рабочих*. 1969;1:3–4.
19. Коган ЛН. *Цель и смысл жизни человека*. Москва: Мысль; 1984. 252 с.
20. Банникова ЛН, Белова ОР, Боронина ЛН, Вишневецкий СЮ, Вишневецкий ЮР, Дидковская ЯВ и др. *Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала*. Екатеринбург: Уральский федеральный университет; 2017. 904 с.
21. Вишневецкий ЮР, Певная МВ, Телепаева ДФ, Южакова АЮ. Ориентир на будущее – становление и углубление субъектности молодежи. В: Запарий ВВ, редактор. *Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы XIV Всероссийской научной конференции; 16–17 ноября 2020 г.; Екатеринбург, Россия. Том 2*. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ; 2020. с. 163–176.
22. Гаврилюк ТВ. Культурная агентность молодежи нового рабочего класса: практики, нормы, пространства. В: Вишневецкий ЮР, Певная МВ, редакторы. *XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции; 17–18 марта 2020 г.; Екатеринбург, Россия*. Екатеринбург: Уральский федеральный университет; 2020. с. 394–399.
23. Гаврилюк ТВ. Культурный потенциал молодых преподавателей российской провинции: теория и практика исследования. *Социологические исследования*. 2015;6:102–110.

References

1. Emirbayer M, Mische A. What is agency? *American Journal of Sociology*. 1998;103(4):962–1023.
2. Sorokin PS, Afanas'eva IA, Shmaevka VK, Pavlyuk D. *Individual'naya «agentnost'» kak element chelovecheskogo potentsiala: vidy, proyavleniya i efekty v korporativnom sektore* [Individual «agency» as an element of human potential: types, manifestations and effects in the corporate sector]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2023. 15 p. Russian.
3. Sorokin PS, Zykova AV. «Transformative agency» as a subject of research and development in the 21st century: a review and interpretation of international experience. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021;5:216–241. Russian. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1858.
4. Sorokin PS, Froumin ID. Education as a source for transformative agency: theoretical and practical issues. *Educational Studies*. 2022;1:116–137. Russian. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-1-116-137.
5. Sheypak SA. Author's agency in a research article: from the grammar of language to the grammar of communication. *The Education and Science Journal*. 2023;25(7):44–68. Russian. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-7-44-68.
6. Gavrilina EA. Agency of non-humans: interaction of humans and autonomous intelligent systems. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023;3:41–55. Russian. DOI: 10.14515/monitoring.2023.3.2318.
7. Sorokin PS. The problem of «agency» through the prism of a new reality: conditions and perspectives. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023;3:103–114. Russian. DOI: 10.31857/S013216250022927-2.
8. Kozlovskaya AYU, Kozlova AV. Children's agency as a theoretical problem and a practical concern (an anthropological remark). *Forum for Anthropology and Culture*. 2020;45:11–25. Russian. DOI: 10.31250/1815-8870-2020-16-45-11-25.
9. Giddens A, Sutton PhW. *Essential concepts in sociology*. Cambridge: Polity Press; 2017. 224 p.
Russian edition: Giddens A, Sutton PhW. *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii*. Rozhdestvenskaya E, Gavrilenko S, translators. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2018. 336 p.
10. Sztompka P. *Agency and structure: reorienting social theory*. New York: Taylor & Francis; 2015. 362 p.
11. White R, Wyn J. Youth agency and social context. *Journal of Sociology*. 1998;3:314–327.

12. Hitlin S, Long C. Agency as a sociological variable: a preliminary model of individuals, situations, and the life course. *Sociology Compass*. 2009;3(1):137–160. DOI: 10.1111/j.1751-9020.2008.00189.x.
13. Aliev VV. The foundations of studying social subjectness of the youth. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2015;1:152–161. Russian. DOI: 10.17805/zpu.2015.1.14.
14. Titarenko LG, Zdravomyslova EA. *Sociology in Russia: a brief history*. Cham: Palgrave Macmillan; 2017. 169 p.
15. Yadov VA, editor. *Sotsiologiya v Rossii* [Sociology in Russia]. Moscow: Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 1998. 696 p. Russian.
16. Gorshkov MK, Sheregy FE. Russian youth: origins and stages of sociological study. *Gumanitarii Yuga Rossii*. 2012;3:23–46. Russian.
17. Yadov VA. *Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsial'nogo povedeniya lichnosti: dispozitsionnaya kontseptsiya* [Self-regulation and forecasting of a person's social behaviour: a dispositional concept]. Moscow: TsSPiM; 2013. 376 p. Russian.
18. Kogan LN. [Spiritual production and culture]. *Voprosy dukhovnoi kul'tury sovetskikh rabochikh*. 1969;1:3–4. Russian.
19. Kogan LN. *Tsel' i smysl zhizni cheloveka* [The purpose and meaning of human life]. Moscow: Mysl'; 1984. 252 p. Russian.
20. Bannikova LN, Belova OR, Boronina LN, Vishnevskii SYu, Vishnevskii YuR, Didkovskaya YaV, et al. *Student 1995–2016 gg.: dinamika sotsiokul'turnogo razvitiya studenchestva Srednego Urala* [Student 1995–2016: dynamics of socio-cultural development of students in the Middle Urals]. Yekaterinburg: Ural Federal University; 2017. 904 p. Russian.
21. Vishnevskii YuR, Pevnaya MV, Telepaeva DF, Yuzhakova AYu. [The guideline for the future is the formation and deepening of the subjectivity of youth]. In: Zaparii VV, editor. *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya. Materialy XIV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii; 16–17 noyabrya 2020 g.; Ekaterinburg, Rossiya. Tom 2* [The Urals are industrial. Bakunin readings. Proceedings of the 14th All-Russian scientific conference; 2020 November 16–17; Yekaterinburg, Russia. Volume 2]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo UMTs UPI; 2020. p. 163–176. Russian.
22. Gavrilyuk TV. [Cultural agency of the youth of the new working class: practices, norms, spaces]. In: Vishnevskii YuR, Pevnaya MV, editors. *XXII Ural'skie sotsiologicheskie chteniya. Natsional'nye proekty i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Ural'skogo regiona. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 17–18 marta 2020 g.; Ekaterinburg, Rossiya* [22nd Ural sociological readings. National projects and socio-economic development of the Ural region. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference; 2020 March 17–18; Yekaterinburg, Russia]. Yekaterinburg: Ural Federal University; 2020. p. 394–399. Russian.
23. Gavrilyuk TV. [Cultural potential of young teachers of the Russian province: theory and practice of research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015;6:102–110. Russian.

Received by editorial board 12.02.2024.

СОЦИОЛОГИЯ ПРОВИНЦИИ КАК НОВОЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

А. Ю. САКОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Репрезентируется новое исследовательское направление – социология провинции. Отмечается, что в ближайшем будущем сельские населенные пункты Беларуси не смогут укомплектовать кадрами отечественную агросферу в связи с сокращением численности жителей. Предлагается новый подход к решению проблемы кадрового обеспечения агропромышленного комплекса, предусматривающий использование трудовых ресурсов не только села, но и провинции. На основе анализа понятия «провинция» и обзора результатов эмпирических социологических исследований, посвященных изучению белорусской и российской провинции, описывается научное направление «социология провинции», определяются его объект и предмет. Делается вывод о том, что развитие села является приоритетной темой социологии провинции. В данной сфере эффективным решением может стать создание модернизированных агрохолдингов, оснащенных современной техникой и использующих новейшие технологии. Это позволит привлечь в сельскую местность специалистов, готовых ежедневно приезжать на работу из ближайших провинциальных городов.

Ключевые слова: социология провинции; провинциальное сообщество; сельская местность; агропромышленный комплекс; трудовые ресурсы.

PROVINCIAL SOCIOLOGY AS A NEW RESEARCH DIRECTION

A. Yu. SAKOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. A new research area is being represented – the provincial sociology. It is noted that in the near future, rural settlements of Belarus will not be able to provide the domestic agricultural sector with labour resources, due to a decrease in the number of inhabitants. A new approach to solving the problem of staffing the agro-industrial complex is proposed, involving the use of labour resources not only in the village, but also in the province. Based on the analysis of the concept of «province» and a review of the results of empirical sociological studies devoted to the study of the Belarusian and Russian provinces, the scientific direction «provincial sociology» is described, its object and subject are determined. It is concluded that rural development is a priority area of the province's sociology. An effective solution in this area can be the creation of modernised agricultural holdings equipped with modern equipment and using the latest technologies. This will allow attracting specialists to rural areas who are ready to come to work daily from the nearest provincial cities.

Keywords: provincial sociology; provincial community; rural area; agro-industrial complex; labour resources.

Образец цитирования:

Сакович АЮ. Социология провинции как новое исследовательское направление. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;1:45–50.
EDN: SQPCGE

For citation:

Sakovich AYU. Provincial sociology as a new research direction. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;1:45–50. Russian.
EDN: SQPCGE

Автор:

Анжела Юрьевна Сакович – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anzhela Yu. Sakovich, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
sakovich05@mail.ru

Агропромышленный комплекс является важнейшим сектором экономики Республики Беларусь. От его состояния во многом зависят продовольственная безопасность и экспортный потенциал страны, а также социальная стабильность и уровень жизни населения. Теме сельского хозяйства посвящено множество работ отечественных и зарубежных авторов. В 1915 г. вышла монография Ч. Гелпина «Социальная анатомия сельского сообщества», в которой аграрная сфера жизни общества впервые была рассмотрена с социологической точки зрения. Именно этот труд положил начало социологии села [1, с. 10]. На Западе становлению и развитию данного направления способствовали работы А. Гелена, П. А. Сорокина, Ф. Знанецкого, У. Томаса, К. Циммермана и др. Среди российских социологов значительный вклад в социологию села внесли Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина, Н. А. Аитов, В. И. Староверов. В Беларуси сельская тематика представлена в работах С. Я. Вольфсона, Б. Я. Смулевича, А. С. Круковского и др. Среди современных специалистов в этой области следует отметить Н. Е. Лихачева, Р. А. Смирнову и В. Н. Блохина.

С 2000-х гг. вектор исследований белорусского села был направлен на такие вопросы, как сельский образ жизни, трудовая сфера села, миграционные установки крестьян и человеческий потенциал жителей села [2]. В настоящее время важнейшей темой социологического изучения является проблема депопуляция села. С 2001 по 2023 г. численность сельского населения в Республике Беларусь сократилась на 988,9 тыс. чел.¹ В 2023 г. средний возраст жителей села составил 47,5 года, что на 9,1 года больше в сравнении с показателем 2000 г.² С учетом тенденций сокращения численности сельского населения и его старения уже в ближайшем будущем сельские населенные пункты не смогут укомплектовать агросферу кадрами.

На наш взгляд, проблема кадрового обеспечения агропромышленного комплекса требует широкого подхода. В сельском хозяйстве необходимо использовать не только местные трудовые ресурсы, но и трудовые ресурсы всей провинции. Ответственность за развитие аграрной отрасли лежит на всем провинциальном сообществе. Изучением последнего занимается новое исследовательское направление – социология провинции. Анализ понятия «провинция» и обзор результатов эмпирических социологических исследований, посвященных изучению белорусской и российской провинции, позволили определить объект и предмет социологии провинции, а также охарактеризовать специфику и возможности белорусского провинциального сообщества.

Провинция представляет собой сложный феномен. В научной литературе данное понятие может использоваться в нескольких значениях:

- как территория, которая была завоевана древними римлянами и управлялась римскими наместниками. Первыми римскими провинциями были острова Сицилия, Сардиния и Корсика [3, с. 69];
- административно-территориальная единица в Российской империи, представляющая собой часть губернии (в 1719–1775 гг.). Слово «провинция» появилось в русском языке в конце XVII в. как калька польского слова *provincja* ‘воеводство’. В 1699 г. Петр I объявил провинциями 3 области с центрами в Пскове, Астрахани и Новгороде [4, с. 307–308]. В 1719 г. Российская империя состояла из 49 провинций и 11 губерний [5, с. 17];
- административно-территориальная единица современных государств (Испании, Италии, Китая и др.);
- местность, удаленная от столицы или крупных культурных центров [6, с. 6–7].

Обобщение указанных дефиниций позволяет трактовать понятие «провинция» как территорию, которая включает главный город (или государство) и подконтрольную ему периферию.

Российский социолог В. Б. Звоновский рассматривает провинцию как социальное образование, представляющее собой систему общественных институтов. В данном контексте речь идет о самостоятельной структуре, обладающей специфическими чертами, в том числе культурными, и связанной с другими подобными структурами [7, с. 78–79].

Современные исследователи используют следующие подходы к интерпретации феномена провинции:

- деревнецентричный подход, согласно которому провинция представлена сельскими населенными пунктами;
- городецентричный подход, в рамках которого основой провинциальной социокультурной среды выступают малые и средние города [8];
- ресурсный подход, указывающий на обделенность провинции материальными, культурными и социальными благами, ее оторванность от цивилизации, неразвитость социальной сферы, отсталость и низкий уровень жизни населения [9, с. 13].

Кроме того, в научной литературе провинция может рассматриваться с точки зрения территориальных оппозиций *столица – провинция, центр – периферия*. В качестве центра выступает крупный город, где сосредоточен финансовый капитал, функционируют бизнес-структуры, а также учреждения культуры, образования, здравоохранения и т. д. В большинстве случаев категории «провинция» и «периферия» используются как однопорядковые [10, с. 369–370].

¹Регионы Республики Беларусь : стат. сб. : в 2 т. Т. 1. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2012. С. 46 ; Регионы Республики Беларусь : стат. сб. : в 2 т. Т. 1. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2023. С. 54.

²Регионы Республики Беларусь : стат. сб. : в 2 т. Т. 1. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2023. С. 53.

Некоторые социологи описывают провинцию, используя понятие «провинциализм». Данный термин может иметь следующие дефиниции: средство противостояния глобализации и стандартизации мира, способность индивидов сохранять особое состояние души, характеризующееся нравственной чистотой и наивностью [11, с. 456]; ментальная характеристика, включающая определенную систему ценностей, традиций и отношений между людьми [12]. Провинциальная ментальность может быть присуща жителям не только периферии, но и столицы, поскольку проявляется в особом способе мышления, определенных взглядах на жизнь и нередко указывает на ограниченность и отсталость индивида.

Наряду с термином «провинция» часто используется понятие «регион». Оно имеет разные значения: культурное, экономическое, политико-административное или ментальное пространство; общность людей, связанных определенной культурой и ощущающих свою принадлежность к ней; территория, обладающая совокупностью социально-демографических, географо-экономических и политических характеристик [13, с. 166–175]. В рамках социологического знания регион – это представленная социальной общностью людей территориальная система, которая обладает природным своеобразием и имеет определенный уровень развития производства [9, с. 14]. Регионом часто называют удаленную от столицы территорию (область), поэтому в ряде случаев регион ассоциируется с провинцией. В исследованиях российских социологов эти понятия часто используются как синонимы. Например, в ходе исследования политической активности молодежи в российской провинции проводился опрос респондентов, проживающих в Кемеровской области [14, с. 16–17]. Вместе с тем термины «провинция» и «регион» не являются тождественными. Если стоит задача показать неоднородность провинции, рационально применять формулировку «провинциальный регион».

В социологических исследованиях город и деревня чаще всего сопоставляются в рамках дихотомии *центр – периферия*. Изучением этого аспекта занимается социология расселения. Выделение города и деревни как различных типов поселений связано с дифференциацией ремесленного труда и земледелия. Место работы обычно обусловлено местом проживания: «...размещение производства определяет расселение людей, поселение экономическими нитями привязано к месту труда»³. Города испытывают потребность в квалифицированных кадрах, способных развивать производство, а также в представителях интеллектуальных и творческих профессий, а деревни – в рабочих сельского хозяйства, занимающихся преимущественно физическим трудом.

Однако в настоящее время наблюдается тенденция к тому, что все больше людей трудятся за пределами населенного пункта, в котором проживают. Многие жители пригородов работают в городах. Маятниковая миграция имеет разные направления: город – город, село – город, город – село, село – село. На современном этапе населенный пункт не обязательно является привязанным к месту труда благодаря развитой транспортной коммуникации.

Если обратиться к эмпирическим социологическим исследованиям, посвященным белорусской и российской провинции, то в них под провинциальным обществом чаще всего имеется в виду совокупность местных сообществ, которые проживают на территориях, удаленных от столицы и культурных центров. Среди работ российских авторов на данную тему интерес представляет монография Ю. М. Плюснина [15]. В работе содержатся результаты социологических исследований российской провинции с 1980-х гг. по настоящее время. Используя преимущественно методы наблюдения и интервью, автор изучил специфику жизни провинциального общества, при этом отдельное внимание уделил таким аспектам, как социальная структура населения, особенности хозяйственной деятельности, формирование бюджета, ведение домашнего хозяйства, малое предпринимательство, соседские и родственные связи, властные отношения, критерии иерархии статусных позиций и др. Объектом исследования выступили жители малых городов и примыкающих к ним сельских населенных пунктов. В работе описано более 500 провинциальных сообществ.

В 2011, 2012 и 2014 гг. специалисты Института социологии НАН Беларуси проводили социологические исследования белорусских провинциальных сообществ. Были опрошены жители малых городов и сельских населенных пунктов. Выяснялись их ценностные ориентации, возможности профессиональной самореализации, миграционные установки, идентификация с местом проживания, уровень материального благосостояния, социальное самочувствие, оценка социальной инфраструктуры. Особое внимание уделялось вопросам профессиональной мотивации респондентов, их отношения к инновационным изменениям в агропромышленном комплексе, удовлетворенности условиями труда и уровнем заработной платы [9]. Обращение к проблеме кадрового обеспечения аграрной отрасли производства в рамках социологических исследований показывает, что для эффективного функционирования агропромышленного комплекса следует привлекать трудовые ресурсы не только села, но и всего провинциального сообщества.

³Осинов Г. В. Социология расселения // Академик : сайт. URL: https://sociologicheskaya.academic.ru/1115/%D0%A1%D0%9E%D0%A6%D0%98%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%AF_%D0%A0%D0%90%D0%A1%D0%A1%D0%95%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%AF (дата обращения: 28.12.2023).

В Республике Беларусь, по мнению Р. А. Смирновой, к числу провинций следует относить малые города, поселки городского типа, агрогородки и сельские населенные пункты [16, с. 122]. Вместе с тем проведенный нами анализ структуры белорусской провинции показал, что перечисленные типы поселений не относятся к числу провинциальных, если составляют пригородные зоны столицы и областных центров. Провинциальными также не следует считать города-спутники. Курортный поселок Нарочь относится к белорусской провинции [17].

При изучении феномена провинции объектом интереса исследователя выступает провинциал – «представитель провинциального сообщества, характеризующийся специфическим образом жизни, стилем поведения, культурными нормами и ценностями, являющийся объектом и субъектом социализации, социальной адаптации, самоопределения, ресурсом и потенциалом социальной структуры регионального социума» [9, с. 15]. Идентификация человека как провинциала происходит вследствие его интеграции в провинциальное сообщество, характеризующееся определенными демографическими, социально-экономическими и социокультурными особенностями.

Понятие «провинциальное сообщество» не имеет однозначного определения. В научной литературе чаще используется термин «местное сообщество», под которым имеется в виду «консолидированная общность людей, связанных общими интересами, целями и осознающих свою связь друг с другом и с данной территорией как ценностью» [18, с. 128]. Исследователи отмечают, что при описании местного сообщества ключевую роль играют территориальный (местное сообщество образуется на определенной территории, обладающей набором географических, экономических и административных условий) и демографический (население выступает в качестве культурно-исторической общности) факторы. Не любая локальная общность является местным сообществом. Для формирования последнего необходимо наличие тесных социальных связей в пределах некоего социального пространства. Образование подобного сообщества обусловлено стремлением людей объединиться для удовлетворения общих потребностей и решения совместных задач [9, с. 21–25]. Таким образом, провинциальное сообщество представляет собой группу людей, проживающих на определенной территории, имеющих общую систему местного управления и обладающих равным доступом к экономическим, социальным и культурным ресурсам.

Провинциальный образ жизни белорусские исследователи определяют сквозь призму влияния жизни в городе и деревне на личность человека [9, с. 46]. Большинство малых провинциальных городов выполняют связующую функцию между большими городами и сельскими населенными пунктами, донося

до последних информацию о достижениях культуры, науки, техники и т. д. В то же время малый провинциальный город, являющийся административно-хозяйственным центром для ближайших деревень, также испытывает на себе воздействие сельского образа жизни. Формирование у местного населения особого, провинциального жизненного уклада подтверждает необходимость выделения провинции как социального пространства, требующего анализа в рамках нового исследовательского направления – социологии провинции.

В разных странах и в различные исторические периоды феномен «провинция» имел свою интерпретацию. В рамках эмпирических социологических исследований провинция представляет собой определенную территорию, которая удалена от столицы и крупных городов. Она включает малые города, поселки городского и курортного типа, агрогородки и сельские поселения. Проживающее в пределах провинции население ведет особый образ жизни, имеет определенную идентичность и менталитет. На наш взгляд, описанная социально-территориальная общность составляет объект социологии провинции. Ее предметной областью выступают закономерности функционирования местных сообществ, важнейшим вектором деятельности которых является развитие аграрного сектора экономики. Таким образом, социология провинции представляет собой исследовательское направление в социологии, изучающее провинцию как социально-территориальную общность людей, обладающих определенным менталитетом и выполняющих социально-экономическую функцию (обеспечение населения сельскохозяйственной продукцией).

Смещение акцента на провинцию при рассмотрении аграрной отрасли не означает, что она перестает быть сферой занятости сельского населения. На протяжении истории сельская местность выполняла функцию по обеспечению общества продовольствием, сырьем для промышленности и т. д. [16, с. 297]. Сегодня аграрная отрасль по-прежнему остается главным источником рабочих мест для сельского населения. Однако повысить эффективность функционирования агропромышленного комплекса возможно путем привлечения квалифицированных кадров, проживающих на территории всей провинции, а именно в ближайших деревнях, агрогородках, городских поселках, малых провинциальных городах.

Развитие села является приоритетным направлением социологии провинции. Создание модернизированных агрохолдингов, оснащенных современными технологиями и техникой, совершенствование системы сельскохозяйственного производства, достойные условия труда и высокий доход позволят повысить имидж аграрной отрасли. Развитие социальной инфраструктуры привлечет в сельские на-

селенные пункты людей, которые готовы приезжать на работу из ближайших городов. Кроме того, в сознании людей должно сформироваться устойчивое убеждение в том, что жизнь в сельской местности и работа в аграрной отрасли позволяют человеку реализоваться в профессиональном и личностном плане. В связи с этим необходимо развивать рентабельные агрохолдинги, обеспечивать их специалистами, способными работать с высокотехнологичным оборудованием.

Таким образом, социология провинции позволит изучить жизненный уклад людей, проживающих на локальной территории, удаленной от крупных городов и столицы. Особое внимание в рамках нового научного направления должно быть уделено развитию агросферы как ключевой экономической отрасли провинции. Повышение эффективности сельскохозяйственного производства позволит привлечь людей в сельскую местность и будет способствовать развитию белорусской провинции.

Библиографические ссылки

1. Лихачев НЕ. *Белорусское село в социальном измерении*. Минск: А. Н. Вараксин; 2007. 304 с.
2. Сакович АЮ. Социологическое изучение белорусского села: исторический аспект. *Весті БДПУ. Серыя 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*. 2018;3:111–116.
3. Мамедов ОЮ. Провинция contra центр. *Terra Economicus*. 2004;2(3):68–83.
4. Зайонц ЛО. История слова и понятия «провинция» в русской культуре. *Russian Literature*. 2003;53(2–3):307–330. DOI: 10.1016/S0304-3479(03)00018-8.
5. Инюшкин НМ. *Провинциальная культура: взгляд изнутри*. Пенза: Пензенская правда; 2004. 439 с.
6. Ахалкина ЯЭ. Провинция, периферия – проблема номинации. В: Белоусов АФ, Строганов МВ, составители. *Провинция как реальность и объект осмысления. Материалы научной конференции; 29 августа – 1 сентября 2001 г.; Тверь, Россия*. Тверь: Тверской государственный университет; 2001. с. 6–11.
7. Звонковский ВВ. Российская провинция: массовое сознание и социальные институты. *Общественные науки и современность*. 2003;1:78–89.
8. Дзякович ЕВ. Подходы к исследованию провинции как социокультурного, ментального и кроссрегионального феномена. *Теория и практика общественного развития*. 2010;4:47–50.
9. Смирнова РА, редактор. *Судьба белорусской провинции: социологический анализ*. Минск: Беларуская навука; 2015. 435 с.
10. Хамзина ГР, Исламшина ТГ. Провинция как социологическая категория. *Вестник экономики, права и социологии*. 2012;1:368–370.
11. Аленькова ЮВ. Провинция как социокультурный феномен. В: Пушкин ИА, Юдзин ВВ, редакторы. *Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць»; 23–24 чэрвеня 2005 г.; Магілёў, Беларусь*. Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт харчавання; 2005. с. 453–458.
12. Агеева ГМ. Воспоминания интеллигенции мордовского края как репрезентация провинциального менталитета. *Регионоведение*. 2011;1:221–228.
13. Фирер НД. Понятие «провинциальность» в контексте определения понятий «регион» и «социальное пространство». *Регионоведение*. 2005;1:166–176.
14. Пфетцер СА, Зеленин АА, Яницкий МС. *Политическое участие и политические ценности молодежи российской провинции*. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН; 2014. 141 с.
15. Плюснин ЮМ. *Социальная структура провинциального общества*. Москва: Фонд социальных исследований «Хамовники»; 2022. 448 с.
16. Смирнова РА. Белорусская провинция как объект социологического анализа. *Социологический альманах*. 2015; 6:116–125.
17. Сакович АЮ. Развитие белорусской провинции: социологический аспект. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2023;1:65–74.
18. Тюрин ГВ. Кто будет развивать местные сообщества? В: Резник ЮМ, Миронова НИ, редакторы. *Местные сообщества: проблемы социокультурного развития*. Москва: Независимый институт гражданского общества; 2010. с. 127–135.

References

1. Likhachev NE. *Belorusskoe selo v sotsial'nom izmerenii* [The Belarusian village in the social dimension]. Minsk: A. N. Varaksin; 2007. 304 p. Russian.
2. Sakovich AYU. Sociological studying of the Belarusian village: historical aspect. *BSPU Bulletin. Series 2, History. Philosophy. Political Science. Sociology. Economics. Culture Studies*. 2018;3:111–116. Russian.
3. Mamedov OY. [The province is the contra center]. *Terra Economicus*. 2004;2(3):68–83. Russian.
4. Zayonts LO. The history of the word and concept «province» in Russian culture. *Russian Literature*. 2003;53(2–3):307–330. Russian. DOI: 10.1016/S0304-3479(03)00018-8.
5. Inyushkin NM. *Provintsial'naya kul'tura: vzglyad iznutri* [Provincial culture: an inside look]. Penza: Penzenskaya pravda; 2004. 439 p. Russian.
6. Akhapkina YaE. [Province, periphery – the problem of nomination]. In: Belousov AF, Stroganov MV, compilers. *Provintsia kak real'nost' i ob'ekt osmysleniya. Materialy nauchnoi konferentsii; 29 avgusta – 1 sentyabrya 2001 g.; Tver', Rossiya* [The province as a reality and an object of comprehension. Proceedings of a scientific conference; 2001 August 29 – September 1; Tver, Russia]. Tver: Tver State University; 2001. p. 6–11. Russian.
7. Zvonovskii VB. Russian province: mass consciousness and social institutions. *Social Sciences and Contemporary World*. 2003;1:78–89. Russian.

8. Dzyakovich EV. Approaches to the research of the province as a social and cultural, mental and crossregional phenomenon. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2010;4:47–50. Russian.
9. Smirnova RA, editor. *Sud'ba belorusskoi provintsii: sotsiologicheskii analiz* [The fate of the Belarusian province: a sociological analysis]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. 435 p. Russian.
10. Khamzina GR, Islamshina TG. Province as a sociological category. *The Review of economy, the law and sociology*. 2012;1:368–370. Russian.
11. Alen'kova YuV. [The province as a social and cultural phenomenon]. In: Pushkin IA, Judzin VV, editors. *Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi «Gistoryja Magiliova: minulae i suchasnasc'»; 23–24 chjervenja 2005 g.; Magiliow, Belarus* [Proceedings of the International scientific conference «The history of Mogilev: past and present»; 2005 June 23–24; Mogilev, Belarus]. Magiliow: Magiliowski dzjarzhawny wniversitjet harchavannja; 2005. p. 453–458. Russian.
12. Ageeva GM. Memories of Mordovia krai intelligence as representation of provincial mentality. *Russian Journal of Regional Studies*. 2011;1:221–228. Russian.
13. Phirer ND. Notion «provinciality» in the context of determination of notions «region» and «social space». *Russian Journal of Regional Studies*. 2005;1:166–176. Russian.
14. Pfttser SA, Zelenin AA, Yanitskii MS. *Politicheskoe uchastie i politicheskie tsennosti molodezhi rossiiskoi provintsii* [Political participation and political values of the youth of the Russian province]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk; 2014. 141 p. Russian.
15. Plyusnin YuM. *Sotsial'naya struktura provintsial'nogo obshchestva* [The social structure of provincial society]. Moscow: Fond sotsial'nykh issledovanii «Khamovniki»; 2022. 448 p. Russian.
16. Smirnova RA. Belarusian province as an object of sociological analysis. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2015;6:116–125. Russian.
17. Sakovich AYu. Development of the Belarusian province: a sociological aspect. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2023;1:65–74. Russian.
18. Tyurin GV. [Who will develop local communities?]. In: Reznik YuM, Mironova NI, editors. *Mestnye soobshchestva: problemy sotsiokul'turnogo razvitiya* [Local communities: problems of social and cultural development]. Moscow: Nezavisimyi institut grazhdanskogo obshchestva; 2010. p. 127–135. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2024.
Received by editorial board 10.02.2024.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 37.017:177.72

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НООСФЕРНОГО ВЕКТОРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ XXI В.

О. П. ПУНЧЕНКО¹⁾, П. А. ВОДОПЬЯНОВ²⁾

¹⁾Одесская государственная академия технического регулирования и качества,
ул. Кузнечная, 15, 65020, г. Одесса, Украина

²⁾Белорусский государственный технологический университет,
ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуется ноосферный вектор в развитии современной системы образования. Описываются его детерминирующие базовые составляющие, ключевой среди которых выступает информатизация образования посредством внедрения интеллектуальных информационных технологий. Анализируется целесообразность обеспечения гуманизации и гуманитаризации образования как необходимых условий сохранения единства системы научного знания. Показывается влияние инноваций на процесс обучения. Особое внимание уделяется ноосферно-информационной парадигме образования, которая представляет собой комплекс научно-технических и социально-идеологических новшеств, предполагающих использование интеллектуальных информационных технологий в обучении. Обосновывается необходимость утверждения идей нового Просвещения, нацеленных на достижение безопасного будущего.

Ключевые слова: образование; информатизация; гуманитаризация; человечность; инновационность.

Образец цитирования:

Пунченко ОП, Водопьянов ПА. Формирование и развитие ноосферного вектора в образовательной парадигме XXI в. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;1:51–56.
EDN: NFFWXE

For citation:

Punchenko OP, Vodopianov PA. Formation and development of the noospheric vector in the educational paradigm of the 21st century. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;1:51–56. Russian.
EDN: NFFWXE

Авторы:

Олег Петрович Пунченко – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры стандартизации, оценки соответствия и образовательных измерений.
Павел Александрович Водопьянов – доктор философских наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; профессор кафедры философии и права факультета технологии органических веществ.

Authors:

Oleg P. Punchenko, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of standardisation, conformity and educational measurement.
olegpetr02.09@gmail.com
Pavel A. Vodopianov, doctor of science (philosophy), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; professor at the department of philosophy and law, faculty of organic substances technology.
pva1940@bk.ru

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE NOOSPHERIC VECTOR IN THE EDUCATIONAL PARADIGM OF THE 21st CENTURY

O. P. PUNCHENKO^a, P. A. VODOPIANOV^b

^aOdessa State Academy of Technical Regulation and Quality,
15 Kuznechnaya Street, Odessa 65020, Ukraine

^bBelarusian State Technological University, 13a Sviardlova Street, Minsk 220006, Belarus

Corresponding author: P. A. Vodopianov (pva1940@bk.ru)

Abstract. The noospheric vector in the development of the modern education system is investigated. Its deterministic basic components are described, the key among which is the informatisation of education through the introduction of intelligent information technologies. The expediency of ensuring the humanisation and humanitarisation of education as necessary conditions for preserving the unity of the scientific knowledge system is analysed. The influence of innovations on the learning process is shown. Special attention is paid to the noosphere-information paradigm of education, which is a complex of scientific, technical and socio-ideological innovations involving the use of intelligent information technologies in education. The necessity of approving the ideas of the new Enlightenment aimed at achieving a secure future is substantiated.

Keywords: education; informatisation; humanitarisation; humanity; innovation.

Введение

Тема образования как важнейшего фактора духовного развития общества является достаточно популярной. Во многом именно образовательная система выступает зеркалом, отражающим процесс духовно-нравственного становления и социализации личности, индикатором формирования национальной культуры. История свидетельствует о том, что образование всегда было своеобразной лакмусовой бумажкой развития социума. Общественное устройство зависит от социально-культурных детерминантов – политических, экономических и идеологических условий, определяющих мировоззренческие и ценностные ориентиры людей. Процессы социализации обеспечивают стабильность общества на всех исторических этапах. Анализируя теоретические конструкты современного образования, философы, педагоги, психологи и социологи постоянно обращаются к его прошлому, поскольку

именно в истоках следует искать перспективные пути развития системы.

На тему сущности образования и его роли в жизни общества написано множество работ. Наиболее известными среди них являются публикации Дж. Гэлбрейта, Дж. Нейсбита, Р. Осборна, П. Фейерабенда, Э. Тоффлера, Ф. Фернадеса-Арместо, Ф. Фукуямы, О. А. Береговой, В. В. Воронковой, И. А. Донниковой, А. И. Зеленкова, Ч. С. Кирвеля, И. В. Комаровой, В. С. Стёпина и др. В большинстве исследований, посвященных образованию, обосновывается необходимость его развития с учетом духовных ориентиров общества, анализируются объективные и субъективные факторы функционирования образовательной сферы. Современные эксперты выражают единогласную уверенность в том, что прогресс любой цивилизации во многом зависит от выбранной образовательной парадигмы.

Основная часть

На всех этапах цивилизационного развития образование носило ноосферный характер. Выполняя интегрирующую функцию, образование обобщает интеллектуальные аналитические знания и выступает в качестве смыслообразующего начала общественного интеллекта (в терминологии А. И. Субетто). По мнению О. П. Пунченко и Н. О. Пунченко, интеллект – это способность субъекта формулировать конкретные задачи и достигать их путем использования мыслительных способностей, логики рассуждения и целенаправленной практической деятельности [1, с. 5]. Интеллект может рассматриваться как рычаг управления внешним и внутренним миром человека. Сформировать как индивидуальный, так и общественный интеллект вне рамок системы образования не представляется возмож-

ным. В этом контексте образовательный процесс выступает в качестве источника мудрости, вдохновения и способов самореализации.

Пройдя сложный путь развития, парадигма образования нашла отражение в системе фундаментальных ценностей, мировоззренческих установок и приоритетов социума. Сегодня происходит формирование новой, ноосферно-информационной, парадигмы образования. Она не предполагает отказ от прогрессивных разработок традиционных парадигм, но в то же время содержит множество новых идей. Как данная парадигма образования может повлиять на общественный прогресс? Впервые в истории общества взаимосвязь разума человека и информации вышла на новый уровень. Информация отражает отклик человеческого ума на возможности

научного использования природы в целях ускоренного развития всех сторон жизни и требует технического воплощения новых достижений на практике. Именно последнее обстоятельство заставило науку во второй половине XX в. активно заняться разработкой интеллектуальных информационных технологий и систем и их внедрением во все сферы деятельности человека.

К настоящему моменту в науке сложились три подхода к интерпретации феномена информации. В рамках первого, антропоцентрического, подхода информация рассматривается как сведения об объектах и их свойствах, при этом делается акцент на методе абстрагирования, который является основанием для дефиниции информации. Второй, ноуцентрический, подход отвергает возможность экспликации понятия «информация» ввиду его всеобщности и фундаментальности. Третий, техноцентрический, подход обращается к метаинформации как к первооснове знаний, выступающих результатом познания окружающего мира. Этот подход является наиболее целесообразным, так как он опирается на знания, которые сегодня выступают необходимым условием развития интеллектуальных информационных технологий и систем. В данном контексте знания рассматриваются как своеобразный ресурс, способный к производству информации.

Новая парадигма образования имеет устойчивый, но в то же время гибкий характер. Эта гибкость проявляется в возможности изменить смысловое содержание образования. Данное обстоятельство фигурирует в докладе Римского клуба¹, где обосновывается необходимость перехода к новому Просвещению и новому духовно-нравственному мировоззрению. Взаимосвязь созданных в образовании парадигм носит ценностный характер и выступает квинтэссенцией человеческой мудрости. В современных условиях назрела необходимость в переходе от аналитического мышления к интегральному мышлению, которое способно обеспечить цельное и объективное восприятие реальности.

Ноосферно-информационная парадигма образования раскрывает потенциал нового Просвещения через социально значимые преобразования в структуре и содержании обучения. В рамках данной парадигмы образования предусмотрены следующие меры:

- информатизация процесса обучения с помощью интеллектуальных информационных технологий и систем;
- гуманитаризация образования как новая форма взаимосвязи всех ветвей научного знания;
- гуманизация образовательной сферы как основа формирования человечности;
- внедрение инноваций в обучение как детерминирующего тренда развития общества.

Внедрение интеллектуальных информационных технологий и систем в процесс обучения является результатом развития информационных продуктов, представляющих собой совокупность достижений интеллектуального человеческого труда. Информационные ресурсы существуют в вещественной и невещественной формах, они «зафиксированы на носителях любого физического свойства и предназначены для использования в информационном обороте» [2, с. 57]. Сегодня информатизация осуществляется в политической, военной, социальной, экономической, научной, технической и иных областях деятельности человека. Она представляет собой «организационный, социально-экономический и научно-технический процесс обеспечения потребностей органов государственной власти, юридических и физических лиц в получении сведений о лицах, предметах и фактах, событиях, явлениях и процессах на базе информационных систем и сетей, осуществляющих формирование и обработку информационных ресурсов и выдачу пользователю документированной информации» [2, с. 76].

Интеллектуальные информационные технологии и системы призваны снизить трудоемкость использования информационных ресурсов, повысить их надежность и скорость передачи, а также обеспечить производство новой информации, позволяющей человеку оперативно принимать эффективные решения.

К информационным технологиям, используемым в сфере образования, относятся однопрограммные операционные системы, которые поддерживают пакетный режим работы и выполняются на компьютере без вмешательства пользователя; многопрограммные операционные системы, которые поддерживают пакетную и диалоговую технологии и обеспечивают обмен сообщениями между пользователем и системой в реальном времени; многопользовательские операционные системы, которые поддерживают удаленную пакетную и диалоговую технологии.

В обучении используются также сотовые технологии, обладающие достаточно развитой операционной системой. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс требует от студентов быстрого освоения цифровых навыков.

Ноосферно-информационная парадигма образования предполагает гуманитаризацию обучения. Данное направление является наиболее актуальным для технических университетов, так как спектр использования методов гуманитарного знания в технических науках очень широк. Фактором роста экономического развития государства выступает наличие именно технических знаний. Успешное развитие

¹von Weizsäcker E. U., Wijkman A. Come on! Capitalism, short-termism, population and the destruction of the planet. N. Y. : Springer, 2018. 220 p.

науки, в частности философии, логики, математики, физики, астрономии и биологии, обеспечило экономический рост в Англии в XVII–XVIII вв. Как отмечает Р. Осборн, «...начиная с 1780 г. на протяжении целого века рост экономического развития ежегодно прибавлял от 2 до 3 процентов. Такой уровень устойчивого экономического развития был настолько новым феноменом в мировой истории, что объяснить его можно лишь ссылкой на изменение структуры хозяйства страны» [3, с. 518].

Техническое знание развивалось быстрыми темпами. Оно тяготело к объединению с естественным научным знанием и постепенно отдалялось от гуманитарного знания. По словам П. Фейерабенда, вначале мы двигались «от компетентной непрофессиональности к профессиональной некомпетентности», и уже во второй половине XX в. это «привело к появлению новой породы интеллектуалов» [4, с. 259].

Без определенной гуманитарной методологии технические науки развиваться не могут. В связи с этим уместно сказать о таких категориях, как техническая рациональность, эмансипативный интерес разума к техническому развитию мира, идеалы научности в системе научно-технического знания, эгоцентрический и техноцентрический подходы к исследованию техносферы, структура и сущность инженерного мышления и др.

Эффективное взаимодействие гуманитарного знания и технического знания будет способствовать экологическому прогрессу. Гуманитарные науки в образовательном процессе играют не второстепенную роль: они способствуют подготовке всесторонне развитого специалиста будущего, осознающего свою ответственность за сохранение биосферы. Новая парадигма образования должна быть направлена на формирование экологических установок у молодого поколения.

Ноосферизация образования невозможна без гуманизации системы обучения, без обращения к прогрессивному учению о культурном наследии прошлого, отражающему человекомерность общества. Гуманизм – это исторически меняющаяся система воззрений, которая признает ценность человека, его право на свободу, развитие и проявление способностей и основывается на принципах равенства, справедливости, толерантности и человечности. Благо человека в данном контексте рассматривается в качестве критерия оценки конкретного общественного устройства. Гуманизм предполагает стремление к созданию условий для достойной жизни людей.

Парадигмы прошлого и настоящего по-разному трактуют значимость гуманизма в общественном развитии. Подходы к рассмотрению этого вопроса можно найти в трудах Будды, Конфуция, Платона, Аристотеля, Ф. Вольтера, Ж. Ж. Руссо, Д. Дидро, Б. Паскаля, И. Канта, И. Фихте и др. Процесс фор-

мирования устойчивых социально значимых характеристик человека означает создание личности. С этой точки зрения философия всегда выступала в качестве созидательного человекознания. Однако следует помнить, что личность – это носитель не только социально значимых характеристик, но и форма существования психики человека. К саморазвитию и сознательной предметной деятельности способна только целостная личность.

Исследование феномена человечности включает изучение концепта «быть человеком». К этому концепту гуманизм обращается с разных позиций. Так, один из известнейших представителей средневековой философии Аль-Фараби утверждал, что людей связывает человечность и им надлежит поддерживать мир между собой². В современных геополитических условиях эти слова более чем актуальны. Сегодня мирное сосуществование народов является необходимым условием выживания человечества. И. Кант считал, что быть человеком – это иметь мужество пользоваться своим разумом. И. А. Донникова разделяет подход В. Франкла к рассмотрению концепта «быть человеком» и утверждает, что обнаружить «...смысл можно лишь в высшем измерении, в измерении специфических человеческих проявлений. Быть человеком – значит выходить за пределы самого себя. ...Сущность человеческого существования заключена в его самотрансценденции. Быть человеком – значит всегда быть направленным на что-то или на кого-то, отдаваться делу, которому человек себя посвятил, человеку, которого он любит, или Богу, которому он служит» [5, с. 234–235].

В подходе И. А. Донниковой концепт «быть человеком» несколько идеализирован, однако следует согласиться с тем, что цель образования заключается в формировании человечности, проявляющейся в отношениях между людьми, а также в соблюдении традиций и правил общения.

Гуманизм можно репрезентировать как идейный комплекс высших общечеловеческих ценностей. К ним относятся человеколюбие, свобода, справедливость, достоинство человеческой личности, трудолюбие, равенство, братство, коллективизм и т. д. Направленность гуманистических принципов обусловлена интересами и потребностями человека.

Ценности гуманизма нашли отражение в гуманистическом идеале, сформулированном М. Кастельсом. По этому поводу он пишет: «...гуманистический идеал – это представление о человеке как высшей ценности и цели, это воззрение о совершенстве и гармоничности человека, которое включает гармонию отношений человека с природой и обществом, окружающими людьми. С позиций гуманистического идеала человек рассматривается как цель, а не как средство. Гуманистический идеал подчеркивает равенство между людьми...

²Таранов П. С. 120 философов. Жизнь, судьба, учение, мысли : в 2 т. Т. 1. Симферополь : Реноме, 2002. 704 с.

право человека на свободу, творчество, самореализацию» [6, с. 227].

Формирование новой парадигмы образования на гуманистической основе ориентируется на достижение следующих условий: 1) развитие информационно-интеллектуальных технологий и систем должно служить задаче совершенствования человека; 2) использование природы должно носить гуманный характер, в ином случае будет нарушена система человек – мир, человек будет лишен творческого вдохновения; 3) равенство всех людей и ценность каждого человека должны создавать предпосылки для утверждения социального мира; 4) человек должен выступать движущей силой всех технических преобразований, но эти преобразования следует осуществлять с учетом соблюдения гуманистических принципов и морально-нравственных норм.

Достижение гуманистического идеала является ориентиром для человечества. Речь идет не только о выживании человека как биологического вида, но и о его дальнейшем развитии как социального творца. Свою ответственность перед обществом должны осознать прежде всего деятели науки. Во многом именно они способны повлиять на судьбу будущих поколений и цивилизации в целом. В связи с этим А. Хунинг отмечает, что «никогда еще раньше на че-

ловека не возлагалась столь великая ответственность, как сегодня, ибо еще никогда он не обладал столь большой... властью над другими природными сущностями и видами, над своей окружающей средой и даже над всем живым на Земле. Сегодня человек в региональном и даже глобальном масштабе может уничтожить свой собственный вид и все другие жизни или по меньшей мере причинить большой вред» [7, с. 372]. Ученый подчеркивает, что мы, как соучастники внутренней закономерности развития природы, не имеем право уходить от ответственности за будущий мир, и эта ответственность постоянно возрастает под влиянием новых глобальных вызовов. Образование обладает большим гуманистическим потенциалом. Оно способно обеспечить общекультурное, социально-нравственное и профессиональное развитие личности.

Детерминирующим фактором утверждения новой парадигмы образования выступает внедрение инноваций. Инновационность должна рассматриваться как тренд, отражающий единство всех компонентов образовательной практики. В архитектонике современного мира инновации могут воплощаться в новом стиле мышления и новом образе жизни. Доминантой инновационности выступает концепт «развитие».

Заключение

Таким образом, новая парадигма образования представляет собой комплекс научно-технических и социально-идеологических преобразований, которые связаны с внедрением интеллектуальных информационных технологий и систем в процесс обучения. В новой парадигме образования особое внимание уделяется эффективному взаимодействию гуманитарного знания и технического знания. Ноосферизация образования невозможна без обращения к гу-

манизму как прогрессивному учению о культурном наследии прошлого, отражающему человекомерность общества. Кроме того, новая парадигма образования должна быть направлена на формирование экологических установок у молодого поколения. Детерминирующим трендом в рамках новой парадигмы образования выступает также внедрение инноваций. Они могут найти свое отражение в формировании нового стиля мышления и нового образа жизни.

Библиографические ссылки

1. Пунченко ОП, Пунченко НО. *Археология ноосферного образования*. Одесса: Друкарський дiм; 2017. 376 с.
2. Заренин МВ. *Информация: свойства, ресурсы, инновационные технологии*. Гомель: Полеспечать; 2012. 224 с.
3. Осборн Р. *Цивилизация. Новая история западного мира*. Колопотин М, переводчик. Москва: АСТ; 2008. 768 с.
4. Фейерабенд П. *Наука в свободном обществе*. Никифорова АЛ, переводчик. Москва: АСТ; 2010. 378 с.
5. Доннікова ІА, редактор. *Створювальне знання*. Одеса: Фенікс; 2020. 250 с.
6. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. Шкаратан ОИ, переводчик. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2000. 606 с.
7. Хунинг А. *Инженерная деятельность с точки зрения этической и социальной ответственности*. Москва: Прогресс; 1989. 372 с.

References

1. Punchenko OP, Punchenko NO. *Arheologyja noosferного obrazovanyja* [Archeology of noospheric formation]. Odessa: Drukars'kyj dim; 2017. 376 p. Russian.
2. Zarenin MV. *Informatsiya: svoistva, resursy, innovatsionnye tekhnologii* [Information: properties, resources, innovative technologies]. Gomiell: Polespechat'; 2012. 224 p. Russian.
3. Osborn R. *Tsivilizatsiya. Novaya istoriya zapadnogo mira* [Civilisation. A new history of the Western world]. Kolopotin M, translator. Moscow: AST; 2008. 768 p. Russian.

4. Feyerabend P. *Nauka v svobodnom obshchestve* [Science in a free society]. Nikiforova AL, translator. Moscow: AST; 2010. 378 p. Russian.
5. Donnikova IA, editor. *Stvorjuval'ne znannja* [Creative knowledge]. Odessa: Feniks; 2020. 250 p. Ukrainian.
6. Kastel's M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age: economy, society and culture]. Shkaratan OI, translator. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2000. 606 p. Russian.
7. Huning A. *Inzhenernaya deyatel'nost' s točki zreniya eticheskoy i social'noj otvetstvennosti* [Engineering activities from the point of view of ethical and social responsibility]. Moscow: Progress; 1989. 372 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 18.02.2024.
Received by editorial board 18.02.2024.

УДК 614.8.084-057.875[378:004.023]

РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭВРИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ

Т. П. ДЮБКОВА-ЖЕРНОСЕК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Обосновывается роль эвристического подхода к обучению в развитии экологической культуры студентов при освоении ими учебной дисциплины «Безопасность жизнедеятельности человека». Излагаются результаты эвристического интернет-занятия, проводившегося в Белорусском государственном университете в несколько этапов в рамках управляемой самостоятельной работы студентов 1-го и 2-го курсов. Основным элементом эвристического обучения выступало открытое задание. Формулировки образовательных целей, представленные в открытом задании, предполагали различные виды активности обучающихся, доминирующей из которых являлась креативная деятельность. Отмечается, что при эвристическом подходе к обучению в сфере обращения с отходами основным результатом творческой самореализации студентов выступает личностное образовательное приращение, как внешнее (в виде материализованного продукта самостоятельной учебной деятельности), так и внутреннее (в виде эволюции экологических знаний, умений, освоенных способов деятельности, мировоззренческих установок, личностных когнитивных, креативных, ценностно-смысловых и других качеств). Делается вывод о том, что эвристический подход к обучению является эффективным инструментом развития экологической культуры студентов. Совершаемые ими лично значимые открытия окружающего мира требуют привлечения знаний из разных областей и критического осмысления полученной информации, что способствует формированию у обучающихся нового понимания экологической проблемы и развитию их потенциала для производства знания. Творческая самореализация изменяет эмоционально-ценностное отношение студентов к действительности и мотивирует их к экологическому поведению. Подчеркивается, что умение находить нестандартный подход к решению проблемы в рамках активного экологического поведения зависит не только от совокупности приобретенных знаний, но и от личностных качеств студента. Взаимосвязь внешнего и внутреннего компонентов образовательной продукции лежит в основе трансформации системы экологических ценностных ориентаций индивида и формирования у него экоцентрического мировоззрения.

Ключевые слова: экологическая культура; эвристический подход к обучению; безопасность жизнедеятельности человека; открытое задание; образовательный продукт; личностные качества обучающегося.

DEVELOPMENT OF STUDENTS' ECOLOGICAL CULTURE DURING THE REALISATION OF HEURISTIC APPROACH TO LEARNING

T. P. DYUBKOVA-ZHERNOSEK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The role of heuristic learning in the development of students' ecological culture is justified when they master the academic discipline «Human life safety». The results of a heuristic Internet lesson conducted at the Belarusian State University in several stages as part of the guided independent work of 1st and 2nd year students are presented. The main element of

Образец цитирования:

Дюбкова-Жерносек Т.П. Развитие экологической культуры студентов при реализации эвристического подхода к обучению. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;1:57–65.
EDN: OSUWWC

For citation:

Dyubkova-Zhernosek TP. Development of students' ecological culture during the realisation of heuristic approach to learning. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;1:57–65. Russian.
EDN: OSUWWC

Автор:

Татьяна Петровна Дюбкова-Жерносек – кандидат медицинских наук, доцент; доцент кафедры экологии человека факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Tatyana P. Dyubkova-Zhernosek, PhD (medicine), docent; associate professor at the department of human ecology, faculty of social and cultural communications.
djubkova_t_p@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9095-2299>

heuristic training was an open task. The formulations of educational goals presented in the open assignment assumed various types of student activity, the dominant of which was creative activity. It is noted that the main result of students' creative self-realisation with a heuristic approach to learning in the field of waste management is personal educational increment, both external (in the form of a materialised product of independent educational activity) and internal (in the form of the evolution of environmental knowledge, skills, mastered ways of activity, worldview, personal cognitive, creative, value-based-semantic and other qualities). It is concluded that heuristic learning is an effective tool for the development of students' ecological culture. Their personally significant discoveries of the world around them require the involvement of knowledge from different fields and a critical understanding of the information received, which contributes to the formation of a new understanding of the environmental problem and the development of the ability to produce knowledge. Creative self-realisation changes students' emotional and value attitude to the surrounding reality and influences the formation of their environmental behaviour. It is emphasised that the ability to find a non-standard approach to solving a problem within the framework of active environmental behaviour depends not only on the totality of acquired knowledge, but also on the personal qualities of the student. The interrelation of the external and internal components of educational products is the basis for the transformation of the system of environmental value orientations of an individual and the formation of an ecocentric worldview.

Keywords: ecological culture; heuristic approach to learning; human life safety; open type task; educational product; student's personal qualities.

Введение

Актуальность проблемы развития экологической культуры населения обусловлена прежде всего переходом общества во второй половине прошлого века от антропоцентрического подхода, ориентированного на господство человека над природой и возведение потребительства природных благ в ранг первостепенной ценности, к экоцентрическому подходу, определяющему отношение к природе как к «самоценности, не имеющей рыночной стоимости, но составляющей основу существования человека и человечества» [1, с. 111]. Экоцентризм поставил «природу во главу угла всех человеческих ценностей, а человека вновь сделал частью природы, а не ее творцом» [1, с. 113].

Общепринятого определения термина «экологическая культура» не существует. С точки зрения Н. Б. Мельник, «экологическая культура предстает как грань или аспект общей культуры», которая «интегрирует в своей структуре аксиологические, операциональные и семиотические составляющие жизни людей в контексте взаимодействия их с природной средой» [2, с. 395]. Автор выделяет такие сферы экологической культуры личности, как информационно-интеллектуальная (экологические знания), эмоционально-ценностная (экологические ценностные ориентации) и деятельностно-волевая (экологическая деятельность). В рамках культурологического подхода экологическая культура рассматривается как качественное состояние общей культуры. В условиях современного экологического кризиса она выступает разновидностью духовной культуры. Формирование экологической культуры обучающихся позиционируется как «стратегическая цель экологического образования в интересах устойчивого развития», при этом «в центре образования находится субъект культуры, творящий ее, способный к культурному развитию и самоограничению» [3, с. 30–31]. В одной из работ экологическая культура определяется как проявление взаимоотноше-

ний человека и природы при создании ценностей, обеспечивающих удовлетворение физических и духовных потребностей людей, через осознание роли природы в организации их жизнедеятельности [4, р. 695]. По мнению других авторов, экологическая культура представляет собой систему, состоящую из связанных между собой блоков: «культуры отношения человека к природе (отражающей экологические знания, накопленные человечеством), культуры отношения человека к обществу, другим людям (отражающей деятельностное начало личности, принципы организации деятельности на основе знания законов природопользования и возможных последствий своего поведения для других людей) и культуры отношения к самому себе (отражающей особенности внутреннего мира человека, его личностную позицию и возможность самостоятельно принимать решения, наличие убеждений и потребностей применительно к окружающей среде)» [5, с. 29]. В работе Л. А. Журавлевой, Е. В. Зарубиной, А. В. Ручкина, Н. Н. Симачковой и И. П. Чупиной отмечается, что «экологическое поведение современного человека зависит от его экологического сознания», которое, в свою очередь, обусловлено отношением человека к природе [6, с. 170]. Авторы различают активный, пассивный и несформированный типы экологического поведения. В структуре экологической культуры Ю. В. Мухлынкина выделяет два компонента – экологическое сознание и экологическое поведение. Автор отмечает, что «экологическая культура – это не только знания об экологии, но и способность человека применять их на практике» [7, с. 58]. С точки зрения Е. В. Асафовой, «экологическая культура – это обобщенная характеристика личностных качеств, которая отражает процесс и результат формирования экологического сознания личности и предполагает неразрывное единство совокупности знаний, представлений о природе, эмо-

ционально-чувственного и ценностного отношения к ней и соответствующих умений, навыков, потребностей взаимодействия с ней, основанных на гармонизации взаимосвязей в системе природа – человек» [8, с. 139]. Л. Г. Титаренко подчеркивает, что общество, ориентированное на модель устойчивого развития, должно иметь высокий уровень экологической культуры, т. е. ему необходимо обладать достаточными экологическими знаниями, при этом «уровень развития экологического сознания и поведения граждан должен соответствовать принципам экоцентризма, а экологические ценности должны восприниматься ими как личные, реализованные в деятельности» [1, с. 116].

Экологическая культура человека неразрывно связана с наличием у него знаний и ценностных установок, обеспечивающих экологически ориентированное поведение, а также определенных личностных качеств, прежде всего ответственности за бережное использование ограниченных природных ресурсов и предотвращение загрязнения окружающей среды отходами потребления. Ключевую роль в развитии экологической культуры играет экологическое образование, при этом содержание, формы и методы работы со студентами учреждений высшего образования существенно отличаются от информационно-просветительских мероприятий, проводимых среди других категорий населения. В настоящее время продолжается поиск инструментов развития экологической культуры обучающихся, также разрабатываются соответствующие педагогические технологии с привлечением потенциала социально-гуманитарных наук. Л. М. Андрухина, Н. Ю. Фадеева и Ж. де Негри предложили интегративную дидактическую модель формирования экологической культуры студентов при изучении ими иностранных языков, ядром которой является межкультурная коммуникация [9, с. 64]. Одним из способов повышения эффективности экологического образования выступает участие обучающихся в сетевых экологических проектах, базирующихся на применении информационно-коммуникационных технологий [7, с. 60]. В работе [10] представлена новая концептуальная основа для смены парадигмы экологического образования, ориентированная на новые цели, а именно на смещение фокуса внимания с экологической грамотности на экологическую культуру. Последнее понятие определяется автором как «сложная система кодексов и стандартов организации, разделяе-

мая обществом или социальной группой, усвоенная посредством образования. Она проявляется через нормы, убеждения, ценности, концепции, знания, привычки, практики, образ жизни и др.» (перевод наш. – Т. Д.-Ж.) [10, р. 988].

Интегрированная учебная дисциплина «Безопасность жизнедеятельности человека», обязательная для изучения на 1-й ступени высшего образования в Республике Беларусь, включает раздел «Основы экологии». Освоение содержания данного раздела предусматривает занятия с использованием современных технологий, стимулирующих учебно-познавательную активность обучающихся и обеспечивающих построение персонального пути реализации их личностного потенциала. Знания, приобретаемые студентами, основаны на экоцентрическом мировоззрении и ориентированы на концепцию устойчивого развития. Овладение компетенциями в данной сфере возможно только в условиях продуктивной деятельности, нацеленной «не столько на изучение известного, сколько на приращение к нему нового, на сотворение обучающимися образовательного продукта»¹. Творческая самореализация студента в процессе создания образовательных продуктов в изучаемых областях знаний и выстраивание им индивидуальной траектории образования являются важнейшими критериями эвристического подхода к обучению. При таком подходе оценка внешних образовательных продуктов позволяет произвести диагностику внутренних приращений – знаний, умений, опыта, навыков, а также личностных качеств студента, проявляющихся или развивающихся при создании материализованного продукта. Открытое задание, как основной содержательный элемент эвристического обучения, предусматривает возможность выбора разных способов его выполнения². Оно определяет уровень творческой самореализации студента. Решая экологическую проблему и воплощая себя в деятельности (сначала в виртуальной, а затем в реальной), обучающийся преобразует окружающую действительность, которая влияет на качество его жизни. Такая активность и составляет основу динамического взаимодействия человека со средой обитания.

Цель настоящей работы – обосновать роль эвристического подхода к обучению в развитии экологической культуры студентов при освоении ими интегрированной учебной дисциплины «Безопасность жизнедеятельности человека» (на примере эвристического интернет-занятия).

Материалы и методы исследования

Эвристическое интернет-занятие проводилось в рамках управляемой самостоятельной работы студентов по разделу «Основы экологии» на обра-

зательном портале Белорусского государственного университета (на базе системы Moodle). Целевой аудиторией выступили студенты 1-го курса,

¹Хуторской А. В. Педагогика : учеб. для вузов. СПб. : Питер, 2019. 608 с.

²Король А. Д., Китурко И. Ф. Основы эвристического обучения : учеб. пособие. Минск : БГУ, 2018. 207 с.

обучающиеся по специальностям «международное право» и «мировая экономика» на факультете международных отношений, и студенты 2-го курса, обучающиеся по специальности «геоинформационные системы» на факультете географии и геоинформатики.

Этапы эвристического интернет-занятия соответствуют трехступенчатой последовательности эвристической образовательной деятельности, изложенной в работе А. Д. Короля [11, с. 60]. Цель занятия – организовать образовательную среду для генерирования студентами креативных идей в области формирования мотиваций к разделению отходов, образующихся в процессе жизнедеятельности человека, и создания субъективного образовательного продукта как эквивалента личностного образовательного приращения.

На первом этапе преподаватель размещает на образовательном портале глоссарий, требования к содержанию учебного эссе, эвристическое (открытое) задание, вопросы для рефлексии, критерии оценивания образовательного продукта, созданного обучающимся, а также презентации лекций и другие учебные материалы. Постановку целей студент осуществляет самостоятельно в направлении, заданном преподавателем. Студенты выполняют эвристическое задание, предназначенное для изучения реального объекта действительности. Результатом их деятельности является созданный субъективный образовательный продукт (эссе).

Текст задания выглядит следующим образом.

Кнотом или пряником?

Согласно белорусскому законодательству обращение с отходами, образующимися в процессе жизнедеятельности человека, входит в перечень основных жилищно-коммунальных услуг. Физические лица обязаны осуществлять отдельный сбор отходов в соответствии с условиями, созданными организациями, предоставляющими эти услуги. Однако уровень мо-

тивации населения к разделению отходов в местах их образования остается низким.

Представьте, что Вы занимаетесь общественной природоохранной деятельностью в одной из экологических организаций. В настоящее время Вы являетесь координатором проекта по продвижению отдельного сбора отходов в Вашем городе и взаимодействуете с инициативными группами со стороны общественности.

1. Приведите не менее трех аргументов в пользу отдельного сбора твердых коммунальных отходов.

2. Предложите свои идеи по повышению мотивации населения к разделению отходов, образующихся в процессе жизнедеятельности человека. Обоснуйте их, оформив текст в виде эссе.

На втором этапе эвристического интернет-занятия предусмотрена демонстрация субъективного образовательного продукта, а также его сравнение с культурно-историческим аналогом (ссылка на источник предоставляется).

На третьем этапе организуется онлайн-обсуждение субъективных образовательных продуктов и создается коммуникативный продукт, который оценивается преподавателем по ряду критериев.

Четвертый этап эвристического интернет-занятия является рефлексивно-оценочным и включает осмысление обучающимся собственной учебной деятельности, усвоение способов ее осуществления, оценивание результатов и анализ трудностей.

В статье анализируется содержание материализованных продуктов, полученных в результате творческой самореализации обучающихся. Приводятся фрагменты рефлексии студентов факультета международных отношений БГУ Е. Алейник, Д. Вашиловой, А. Грищенко, К. Гуринович, Д. Ермолович и И. Мишук, а также студентов факультета географии и геоинформатики БГУ И. Метлицкого, Е. Кажуро, М. Крупской и Е. Фруля.

Результаты и их обсуждение

Формулировки образовательных целей, представленные в открытом задании, отражают различные виды деятельности студентов, в частности когнитивную деятельность (*Приведите не менее трех аргументов...*), определяющую развитие познавательных качеств обучающихся, и креативную деятельность (*Предложите свои идеи...*), ориентированную на развитие креативных качеств личности. Анализ содержания образовательных продуктов, созданных студентами, подтверждает тот факт, что они осознают масштаб проблемы образования отходов потребления и необходимость защиты окружающей среды от антропогенного загрязнения. Студенты привели логичные аргументы в пользу отдельного сбора твердых коммунальных отходов. Каждый из обучающихся представил собственную точку зрения по поводу преимуществ отдельного сбора отходов,

причем как для общества и государства, так и для окружающей среды.

Приводимые студентами доводы могут быть систематизированы по нескольким направлениям. Приоритетные позиции среди них занимают такие, как сокращение объемов захоронения коммунальных отходов на полигонах и несанкционированных свалках (и, как следствие, уменьшение экологической нагрузки на окружающую среду), выделение из общей массы отходов фракции вторичных материальных ресурсов, подлежащих переработке, экономия природных и энергетических ресурсов. Переход на новый уровень понимания проблемы при осуществлении лично значимых открытий потребовал от студентов расширить горизонты своих экологических знаний, найти, осмыслить и критически переработать новую информацию. Благодаря при-

обретению новых знаний в экологической сфере и освоению способов эвристической деятельности обучающиеся смогли выстроить логическую основу причинно-следственных отношений между раздельным сбором твердых коммунальных отходов и предотвращением негативных последствий антропогенного воздействия на окружающую среду. Экологические знания влияют на другие компоненты экологического сознания, определяют готовность индивида к соответствующему образу жизни и обуславливают формирование устойчивой потребности в экологической деятельности.

Предлагаемые обучающимися способы решения проблемы раздельного сбора отходов существенно различаются. Например, студентка Е. Алейник ставит на приоритетное место формирование у людей экологического сознания, определяющего их экологическое поведение. Она делает акцент на необходимости развития внутренней мотивации и освоения совокупности экологических знаний, формирующих экологическое сознание: *Я считаю, что самая сильная и эффективная мотивация – внутри человека. Назрела острая необходимость в доступной форме повсеместно информировать население о том, как и зачем собирать раздельно бытовые отходы.* Приемы, используемые студенткой во время эвристического обучения, свидетельствуют о свободном и оригинальном стиле мышления, а также о способности преодолевать стереотипы и выходить за рамки стандартов на пути к поставленной цели. Оригинальным является предложенный Е. Алейник способ развития внутренней мотивации к разделению отходов в местах их образования: *Для того чтобы сформировать внутреннюю мотивацию, я предлагаю как можно чаще представлять перед глазами одну и ту же картину – полигон, доверху утрамбованный отходами.* Также обращает на себя внимание предложенный студенткой метод мощного воздействия на экологическое сознание: *Признаюсь, мне бы хотелось, чтобы весь этот мусор, который мы образуем, оставался на улицах, в наших домах, в поле нашего зрения.* Такой подход обеспечивает трансформацию ценностных ориентаций и отношения человека к природе, а также развитие у него личной ответственности за последствия потребительского отношения к окружающей среде: *Я хочу, чтобы люди увидели эти десятки, сотни, тысячи тонн отходов, загрязняющих нашу Землю, отравляющих почву, воду и воздух. Я хочу, чтобы люди наконец проснулись, увидели, что творится вокруг, и каждый сказал: «Так жить больше нельзя!»*

Самостоятельная учебная деятельность позволила студентке развить такое системное личностное качество, как любознательность. Она направлена на познание объектов окружающего мира: *Я решила проверить, соответствует ли данное утверждение действительности, и принялась разбираться в этом вопросе.* Следуя мировым трендам в управлении

отходами, образующимися в процессе жизнедеятельности человека, Е. Алейник смещает акцент с переработки вторичных материальных ресурсов на формирование новой культуры потребления. На лидирующие позиции в иерархии методов обращения с отходами студентка выдвигает предотвращение их образования, указывая на очевидные преимущества для человека (приоритет духовных, а не материальных ценностей) и пользу для окружающей среды: *Только лишь переработка твердых коммунальных отходов не спасет окружающую среду от загрязнения.* <...> *Основную идею экологически ориентированного поведения в контексте сокращения отходов я озвучила бы так: «Меньше потребляй! Отходы потребления разделяй!»* Вопрос развития мотивации к раздельному сбору отходов студентка рассматривает с позиций сопричастности, побуждая социальное окружение к экологически ориентированному поведению: *Но вот уже второй год подряд своими действиями я доказываю себе и окружающим, что даже я одна многое могу изменить в позитивную сторону.* <...> *Безусловно, нужны определенные усилия, чтобы сделать первый шаг: отказаться от лишней покупки, начать разделять отходы, выбрасывать мусор именно в тот контейнер, для сбора которого он предназначен.* Я приняла для себя решение действовать.

По мнению студента И. Метлицкого, ключом к решению проблемы раздельного сбора отходов, образующихся в процессе жизнедеятельности человека, является создание развитой инфраструктуры управления отходами. Этому фактору обучающийся придает первостепенное значение. И. Метлицкий демонстрирует культуру доказательства собственных умозаключений. Привлекают внимание умение студента оперировать фактами, подтверждающими истинность его суждений, способность к анализу преимуществ и недостатков компонентов инфраструктуры на современном этапе, влияющих на развитие у населения мотивации к раздельному сбору отходов и, соответственно, на формирование экологического поведения. Благодаря способности к анализу и прогнозированию событий студент приходит к выводу о том, что главной преградой на пути к созданию инфраструктуры сбора твердых коммунальных отходов является недостаток финансовых ресурсов, и предлагает оптимизацию их распределения с учетом долгосрочных перспектив индустрии утилизации отходов: *Рациональным шагом считаю направление финансовых потоков на создание развитой сети пунктов раздельного сбора коммунальных отходов, закупку современного оборудования для мусороперерабатывающих заводов, найм и обучение персонала, выделение государством беспроцентного кредита на поддержку частного бизнеса в этой сфере.* В ходе создания образовательного продукта обучающийся расширяет информационное пространство в исследуемой области, развивает способность к системному видению объекта познания и аналитическому

осмыслению экологических преимуществ, которые могут быть достигнуты за счет более эффективного использования и распределения ресурсов. И. Метлицкий демонстрирует поддержку политики циркулярной экономики, т. е. экономики замкнутого цикла, предполагающей возврат твердых коммунальных отходов в материальное производство, в противовес традиционной линейной экономике. В отличие от студентки Е. Алейник, активно продвигающей идею предотвращения образования отходов, И. Метлицкий ставит на приоритетное место переработку вторичных ресурсов, используемых в качестве сырья для создания новых материальных продуктов, и извлечение прибыли из отходов, образующихся в процессе жизнедеятельности человека: *На мой взгляд, переработка отходов – это необходимость для нашей страны в нынешних условиях. Мусороперерабатывающий завод является экономически выгодным предприятием и для города, и для владельца.* Студент акцентирует внимание на том, что масштабная информационная кампания по привлечению населения к разделному сбору отходов является целесообразной только после создания комплекса взаимосвязанных обслуживающих структур, обеспечивающих основу функционирования системы по переработке отходов: *Без развития инфраструктуры по сбору отходов не имеет смысла мотивировать население разделять их в местах образования.* При поиске способа мотивации к разделному сбору отходов И. Метлицкий вышел за границы общепринятых представлений на этот счет и сгенерировал новые идеи по организации обратной связи: *По моему мнению, необходимо регулярно осведомлять граждан о том, какой объем вторичных материальных ресурсов переработан, какая продукция из них изготовлена, сколько финансовых средств и природных ресурсов при этом сэкономлено. Такая обратная связь даст положительный эффект и будет мощным стимулом для разделного сбора отходов.* В качестве эффективного инструмента влияния на массовое экологическое сознание студент рассматривает грамотно сконструированный медиаобраз: *Для повышения результативности работы в этом направлении уместно задействовать медийных личностей – тех, на кого обращены глаза толпы, лидеров мнений, которые могли бы распространять идею разделного сбора отходов как модный тренд, о котором все говорят и который пытаются превратить в реальность.*

Принципиально новый подход к развитию у населения мотивации к разделному сбору отходов, образующихся в процессе жизнедеятельности человека, предложен студенткой Д. Ващиловой. В его основу положена концепция внешнего мотивирования населения в виде поощрения или денежного взыскания, которая определяет стратегию действий в отношении граждан, являющихся при-

верженцами разделного сбора отходов в местах их образования или, наоборот, его противниками: *Я сторонник введения крупных штрафов за безответственное обращение с отходами и отказ от их разделения. <...> В качестве одного из побудительных стимулов для населения я считаю введение поощрений за разделный сбор отходов, подлежащих переработке (металлом, пластик, макулатура, стекло), и сдачу их в соответствующие пункты приема.* Студентка аргументирует свою позицию с помощью многочисленных примеров негативных последствий загрязнения окружающей среды отходами потребления. Требуется действенные меры, направленные на развитие культуры обращения с отходами и побуждение граждан к экологически ориентированным действиям. Перспективность концепции внешнего мотивирования подтверждается положительным опытом функционирования системы дифференцированных штрафов за несоблюдение правил обращения с отходами за рубежом. Предлагаемый студенткой подход не претендует на исчерпывающее решение проблемы, но имеет право на существование. Его реализация может быть затруднена ввиду объективных и субъективных причин, таких как недостаточная эффективность стимулирования при отсутствии развитой инфраструктуры управления отходами, сложность индивидуального учета случаев несоблюдения разделного сбора отходов в многоквартирных жилых домах, несоответствие денежного взыскания деянию или, наоборот, неадекватное соотношение действия и вознаграждения, приводящее к утрате влияния материального стимула на экологическое поведение. Противоречивость внешнего мотивирования при отсутствии у индивида осознания необходимости разделного сбора отходов является поводом для поиска других факторов формирования экологического поведения населения. В процессе самостоятельной учебной деятельности студентка развивает способность критически оценивать роль внешних побудительных стимулов в управлении поведением граждан, а также умение видеть противоречия и мыслить системно. Д. Ващилова акцентирует внимание на экологическом просвещении представителей всех социальных слоев и возрастных групп в целях появления внутренней мотивации к экологически ориентированным действиям: *Я думаю, что можно воспитать в человеке привычку к разделному сбору отходов. Главное, он должен осознавать, зачем это необходимо делать, и знать, как правильно разделять отходы.* Важно отметить, что именно внутренние изменения личности выступают основным стимулом к формированию ответственного обращения с отходами, образующимися в процессе жизнедеятельности человека.

Активная учебно-познавательная деятельность, предусмотренная когнитивным компонентом эв-

ристического задания, послужила основой не только для осознания ими актуальности проблемы образования отходов, но и для установления их собственной роли в возникновении и решении этой проблемы. Данный тезис подтверждают следующие фрагменты рефлексии обучающихся: *Работая над эссе, я впервые увидела такую картину последствий влияния людей на природу, о существовании которой раньше даже не подозревала; Наиболее сильные эмоции вызвало отчетливое осознание того, что весь несортированный мусор складывается на полигоне и не перерабатывается, нанося огромный ущерб окружающей среде; Я всегда знала о существовании экологических проблем, но никогда они не затрагивали меня так серьезно, как сейчас. Только теперь, выполнив открытое задание, я осознала суть этой глобальной экологической катастрофы; Работа над этим эссе помогла мне оценить всю сложность и опасность ситуации, которую люди создают своими руками, не задумываясь о последствиях для жизни будущих поколений.*

Выполнение творческого задания способствовало развитию у студентов эмоционально-чувственного компонента экологического сознания и формированию у них установок, влияющих на экологическое поведение: *В процессе выполнения задания я испытывала определенную тревогу и волнение за будущее нашей планеты. Сложнее всего было перебороть эмоциональный фактор. Признаюсь, иногда слезы наворачивались на глаза от осознания негативных последствий накопления отходов, особенно от понимания того, что большинство людей нашей страны не осведомлены в этом вопросе; Мне было тяжело осознавать тот факт, что безответственное отношение людей к отходам может быть причиной гибели животных, птиц. Я поймала себя на мысли о том, что тоже не всегда разделяю отходы; Во время работы над заданием у меня возникли противоречивые чувства: с одной стороны, тревога за нашу планету из-за загрязнения ее отходами, а с другой – чувство гордости за людей, которые активно выступают за защиту окружающей среды; Мне стало стыдно, что из-за моего бездействия страдают другие живые существа – птицы, рыбы, морские млекопитающие. Ведь я даже ни разу не отказалась от пластмассовой трубочки ради них, а точнее, ради их жизни!; Раньше, не задумываясь, я верила в миф (хотя, может, это и не миф) о мусоровозе, который забирает все отходы в общий кузов и вывозит их на полигон. Теперь я понимаю, что такое упрощенное восприятие в действительности обесценивает любые усилия человека стать более ответственным по отношению к разделному сбору отходов; У меня возникло чувство долга перед планетой. Каждый из нас – это часть природы. Нанося ущерб природной среде, мы причиняем вред самим себе.*

Создание студентами образовательного продукта способствовало изменению их эмоционально-цен-

ностного отношения к окружающей действительности: *Пока не знаю, можно это назвать достижением или моим новым качеством, но я стала более ответственно относиться к природе и разделному сбору отходов; Я стала больше ценить мир, в котором мы живем, поэтому появилось желание что-то делать для сохранения нашей планеты; Конечно, я стала лучше понимать и ценить людей, которые уделяют проблеме разделного сбора отходов огромное внимание и предпринимают активные действия, чтобы защитить нашу планету от загрязнения; Выполнив это задание и полностью осознав удручающую ситуацию с разделным сбором отходов в стране, я стала еще больше ценить то, что меня окружает, природу и людей; Эта информация пробудила во мне желание разобраться в сути проблемы (не только в контексте эссе) и оказала большое влияние на мою жизненную позицию и мировоззрение. У меня сформировалось особое чувство ответственности перед природой и развилось самосознание, что я, как единица общества, могу внести свой вклад в решение данной проблемы.*

Формирование у студентов эгоцентрического мировоззрения отражает эволюцию их ценностно-смысловых личностных качеств и свидетельствует о переходе от освоения экологических знаний к экологически ориентированной деятельности. Этот тезис подтверждается рядом высказываний: *Выполнение задания мотивировало меня к действиям. Я поняла, как важен раздельный сбор отходов. А еще я пришла к осознанию того, что, если ты хочешь как-то изменить ситуацию в мире, нужно начинать с самого себя; Важный опыт, который я приобрела, заключается в том, что нужно принимать окружающий мир таким, каким он на самом деле является, не приукрашая его и не создавая иллюзий о том, что проблем нет. Поняла, что надо искать альтернативу тому, с чем никогда не сможешь смириться, находить в себе силы действовать и непременно двигаться дальше; Ситуация настолько впечатлила меня, что я определила для себя некоторые направления деятельности, которые позволят мне оказать содействие защите окружающей среды. Например, я решила минимизировать покупку одежды в масс-маркетах и при необходимости приобретать товары преимущественно в секонд-хендах; После выполнения этого задания я решила вводить в свою повседневную жизнь привычки, которые помогут мне стать экодружелюбной. Я дала себе слово, что обязательно привлеку внимание моей семьи и друзей к проблеме раздельного сбора отходов. Для того чтобы их стало меньше, я решила приобрести многоразовую тканевую сумку для покупок и отказаться от пластиковых пакетов; После выполнения задания я стала гораздо более осведомленной в вопросах раздельного сбора коммунальных отходов, осознала масштабность проблемы. Теперь я уверена, что смогу в доступной форме объяснить любому*

человеку, почему так важен отдельный сбор отходов потребления. Я готова участвовать в агитации населения. А еще я решила быть полезной для общества и поддерживать любые проекты и инициативы в защиту окружающей среды; Кроме того, я твердо решила, что буду более активно участвовать в отдельном

сборе отходов, пошу информацию о том, как организованы сортировка и переработка отходов в моем родном городе, чтобы лучше понимать, как работает система, и определить ключевые точки приложения моих усилий. Это задание вдохновило меня и побудило к дальнейшим активным действиям.

Заключение

При эвристическом подходе к обучению в сфере обращения с отходами, образующимися в процессе жизнедеятельности человека, основным результатом творческой самореализации студентов является личностное образовательное приращение, как внешнее (в виде материализованного продукта самостоятельной учебной деятельности), так и внутреннее (в виде эволюции экологических знаний, умений, освоенных способов деятельности, мировоззренческих установок, личностных качеств). Эвристическое обучение выступает эффективным инструментом развития экологической культуры студентов. Совершаемые ими лично значимые открытия окружающего мира сопровождаются переходом на новый уровень понимания экологической проблемы, требуют привлечения знаний из разных областей и критического осмысления добываемой информации, что способствует развитию способности к порождению нового знания. В результате выполнения эвристического задания изменяется

эмоционально-ценностное отношение студентов к окружающей действительности, влияющее на формирование новых мировоззренческих установок и экологическое поведение. При этом умение находить нестандартный подход к решению проблемы в рамках активного экологического поведения зависит не только от совокупности приобретенных знаний, но и от способности обучающихся применять эти знания на практике. Взаимосвязь внешнего и внутреннего компонентов образовательной продукции лежит в основе трансформации системы экологических ценностных ориентаций студентов и формирования у них экоцентрического мировоззрения. Эта эволюция обуславливает динамическую маршрутизацию от исходной точки в виде экологических знаний к конечному пункту в виде экологически ориентированного образа жизни, соответствующего уровню этих знаний, и определяет развитие у обучающихся внутренней мотивации к активной экологической деятельности.

Библиографические ссылки

1. Титаренко ЛГ. Система экологических ценностей населения Республики Беларусь. *Социология*. 2012;3:111–122.
2. Мельник НБ. Экологическая культура в контексте синтетической концепции культуры Д. В. Пивоварова. В: Мельникова ЕВ, редактор. *Пивоваровские чтения. Сборник материалов конференции «Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение»; 1–3 ноября 2018 г.; Екатеринбург, Россия*. Екатеринбург: Деловая книга; 2019. с. 394–397.
3. Винокурова НФ, Николина ВВ, Ефимова ОЕ. Методологические основы формирования экологической культуры школьников на основе идей экоразвития. *Образование и наука*. 2016;5:25–40. DOI: 10.17853/1994-5639-2016-5-25-40.
4. Duong Thi Huong, Ngo Thi Tan Huong. Ecological culture and educational issue of ecological culture – motivation for the human development. *American Journal of Educational Research*. 2018;6(6):694–702. DOI: 10.12691/education-6-6-17.
5. Дорошко ОМ, Нечай ОА, Потько ЕС, Джух ЕН, Прохорова ЕН, Олихвер ОК и др. *Формирование экологической культуры как цель образования для устойчивого развития*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2010. 303 с.
6. Журавлева ЛА, Зарубина ЕВ, Ручкин АВ, Симачкова НН, Чупина ИП. Экологическое поведение современного человека. *Образование и право*. 2020;1:165–171.
7. Мухлынкина ЮВ. Сетевые экологические проекты как способ формирования экологической культуры. *Лесной вестник*. 2015;4:57–63.
8. Асафова ЕВ. Аксиологический подход к развитию экологической культуры студентов в вузе. *Вестник Казанского технологического университета*. 2009;3:139–144.
9. Андрухина ЛМ, Фадеева НЮ, де Негри Ж. Развитие экологической культуры студентов в процессе межкультурной коммуникации на иностранном языке. *Образование и наука*. 2017;19(8):47–74. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-8-47-74.
10. Spínola H. Environmental culture and education: a new conceptual framework. *Creative Education*. 2021;12(5):983–998. DOI: 10.4236/ce.2021.125072.
11. Король АД. Система эвристического обучения на основе диалога: опыт проектирования и реализации. *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*. 2016;6(1):57–64.

References

1. Titarenko LG. [The system of ecological values of the population of the Republic of Belarus]. *Sotsiologiya*. 2012;3:111–122. Russian.
2. Mel'nik NB. [Ecological culture in the context of D. V. Pivovarov's synthetic concept of culture]. In: Mel'nikova EV, editor. *Pivovarovskie chteniya. Sbornik materialov konferentsii «Sinteticheskaya paradihma: nauka, filiofiofiya, religiovedenie»*;

1–3 noyabrya 2018 g.; Ekaterinburg, Rossiya [Pivovarov readings. Proceedings of the conference «Synthetic paradigm: science, philosophy, religious studies»; 2018 November 1–3; Yekaterinburg, Russia]. Yekaterinburg: Delovaya kniga; 2019. p. 394–397. Russian.

3. Vinokurova NF, Nikolina VV, Efimova OE. Methodological bases of ecological culture formation of pupils on the basis of eco-development ideas. *The Education and Science Journal*. 2016;5:25–40. Russian. DOI: 10.17853/1994–5639–2016–5–25–40.

4. Duong Thi Huong, Ngo Thi Tan Huong. Ecological culture and educational issue of ecological culture – motivation for the human development. *American Journal of Educational Research*. 2018;6(6):694–702. DOI: 10.12691/education-6-6-17.

5. Doroshko OM, Nechai OA, Pot'ko ES, Dzhukh EN, Prokhorova EN, Olikhver OK, et al. *Formirovanie ekologicheskoi kul'tury kak tsel' obrazovaniya dlya ustoichivogo razvitiya* [Formation of ecological culture as the goal of education for sustainable development]. Grodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2010. 303 p. Russian.

6. Zhuravleva LA, Zarubina EV, Ruchkin AV, Simachkova NN, Chupina IP. Ecological behaviour of modern man. *Obrazovanie i pravo*. 2020;1:165–171. Russian.

7. Mukhlynkina YuV. [Environmental network projects as a method of formation of ecological culture]. *Forestry Bulletin*. 2015;4:57–63. Russian.

8. Asafova EV. [Axiological approach to the development of students' ecological culture at the university]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2009;3:139–144. Russian.

9. Andryukhina LM, Fadeeva NYu, de Negri G. Development of ecological culture of students in the process of intercultural communication in foreign language. *Education and Science Journal*. 2017;19(8):47–74. Russian. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-8-47-74.

10. Spínola H. Environmental culture and education: a new conceptual framework. *Creative Education*. 2021;12(5):983–998. DOI: 10.4236/ce.2021.125072.

11. Korol' AD. Dialogue-based system of heuristic education: experience of projection and realisation. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3, Philology. Pedagogy. Psychology*. 2016;6(1):57–64. Russian.

Статья поступила в редакцию 18.01.2024.
Received by editorial board 18.01.2024.

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н. В. КУРИЛОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются ключевые аспекты изучения информационной культуры в современных условиях. Отмечается, что до сих пор нет единого научного подхода к интерпретации информационной культуры как социального феномена. Анализируется его связь с функциональной грамотностью личности. Утверждается, что в контексте трансформации всех сфер общественной жизни требования к информационной культуре современного человека постоянно повышаются. Подчеркивается, что в условиях ускоряющейся цифровизации высшего образования значимость информационной культуры как обязательного элемента профессиональной компетентности преподавателей университетов будет только расти. Отражаются позиции специалистов по вопросу о структуре информационной культуры преподавателя высшей школы. Выделяются и характеризуются ее основные уровни: познавательный, ценностный и поведенческий. Репрезентируются результаты социологического исследования «Информационная культура преподавателей БГУ в условиях цифровизации образования», проведенного весной 2023 г. в Белорусском государственном университете. Материалы онлайн-опроса показывают, что преподаватели университета достаточно высоко оценивают свои компетенции в сфере использования информационно-коммуникационных технологий в частности и взаимодействия с информационной образовательной средой в целом. Приводятся мнения преподавателей БГУ по поводу главных преимуществ и недостатков интернет-коммуникации. Характеризуется частота использования преподавателями информационно-коммуникационных технологий при проведении занятий. Особое внимание уделяется мотивационно-ценностному и коммуникативно-этическому компонентам информационной культуры преподавателей.

Ключевые слова: информационная культура; функциональная грамотность; информационная грамотность; онлайн-опрос; преподаватели; Белорусский государственный университет.

INFORMATION CULTURE OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY TEACHERS

N. V. KURILOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article examines key aspects of studying information culture in modern conditions. It is shown that there is still no unified scientific approach to the understanding of information culture as a social phenomenon. The author considers the interrelation of information culture and functional literacy of a person. It is emphasised that in the context of transformation of all spheres of social life, the requirements to the information culture of a modern person are constantly increasing. The author argues that nowadays information culture is a mandatory component of higher school teacher's professional competence. The author points out that in the conditions of accelerating higher education digitalisation the importance of university teachers' information culture will only grow. The positions of specialists on the issue of the structure of higher school

Образец цитирования:

Курилович НВ. Информационная культура преподавателей Белорусского государственного университета. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;1:66–73.
EDN: BSCZME

For citation:

Kurilovich NV. Information culture of the Belarusian State University teachers. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;1:66–73. Russian.
EDN: BSCZME

Автор:

Наталья Вячеславовна Курилович – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Natalia V. Kurilovich, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
kurilovich@bsu.by

teachers' information culture are investigated. The author identifies and characterises main levels of teacher's information culture: cognitive, value and behavioural. The article is based on the results of the sociological research «Information culture of the Belarusian State University teachers in the conditions of education digitalisation». The online survey was conducted in the spring of 2023. Based on the materials of the survey, it is revealed that the university teachers evaluate their competences in the sphere of using information and communication technologies and interaction with the information educational environment quite highly. The article considers the perceptions of the Belarusian State University teachers about the main advantages and disadvantages of Internet communication. The article presents the frequency of teachers' use of information and communication technologies in conducting classes. Special attention is paid to the motivational-value and communicative-ethical components of the Belarusian State University teachers' information culture.

Keywords: information culture; functional literacy; information literacy; online survey; teachers; Belarusian State University.

Введение

На современного индивида со всех сторон обрушивается огромное количество противоречивой информации, которую ему все сложнее обрабатывать в соответствии со своими потребностями. Избыток данных приводит к информационному загрязнению среды, порождая разные виды информационной аддикции [1]. Многие люди превращаются в бездумных поглотителей контента. Вместе с тем в условиях интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и соответствующей трансформации всех сфер общественной жизни наблюдается постоянный рост требований к информационной культуре индивида. Представителю практически любой области профессиональной деятельности необходим набор навыков эффективного взаимодействия с информацией в целом и использования ИКТ в частности. В связи с этим очевидна актуальность изучения такого социального феномена, как информационная культура.

Рассматриваемая проблематика имеет особое значение для функционирования системы высшего образования, поскольку в XXI в. уровень информационной культуры преподавателей во многом обуславливает эффективность обучения студентов [2, с. 26]. В настоящее время в педагогике и психологии уже аксиомой стал тезис, согласно которому обязательным компонентом деятельности современного преподавателя выступает использование

ИКТ. Более того, уровень его информационной культуры рассматривается в качестве показателя его профессиональной компетентности и способа реализации инноваций в сфере образования [3, с. 41].

Флагманом национальной системы высшего образования в Республике Беларусь по праву является Белорусский государственный университет. Он входит в 1 % лучших университетов мира¹. В 2021 г. учреждение отметило 100-летний юбилей. В настоящее время более 20 тыс. человек проходят в нем обучение. Очевидно, что уровень информационной культуры профессорско-преподавательского состава (ППС) университета в значительной степени влияет на формирование образовательного потенциала Республики Беларусь. В контексте реализации стратегии цифровой трансформации высшего образования одной из приоритетных задач развития БГУ выступает повышение уровня информационной культуры преподавателей (более 3 тыс. человек).

Целью статьи является анализ состояния информационной культуры ППС БГУ. Для достижения указанной цели были решены следующие задачи: репрезентированы основные аспекты изучения информационной культуры как социального феномена; определены компоненты и уровни информационной культуры преподавателя высшей школы; рассмотрены результаты социологического исследования информационной культуры ППС БГУ.

Информационная культура как социальный феномен

В научном дискурсе анализу информационной культуры посвящены многочисленные публикации, однако единой интерпретации данного социального феномена до сих пор нет. По мнению российского исследователя Г. В. Поляковой, одной из причин отсутствия общего представления о нем является «междисциплинарная “разбросанность” исследованного феномена информационной культуры»². Ком-

плексность и многоаспектность данного вида культуры требуют междисциплинарного подхода к его изучению.

В настоящее время ни одна из наук не предлагает строгой и универсальной дефиниции понятия «информационная культура». Вероятно, однозначного и общепринятого определения данного феномена и не может быть, потому что лежащие в его основе

¹БГУ в мировых рейтингах // Белорусский государственный университет : сайт. URL: <https://bsu.by/rankings/> (дата обращения: 01.12.2023).

²Полякова Г. В. Информационная культура в современном обществе: философские аспекты : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. М. : Моск. гос. обл. ун-т, 2015. С. 9.

категории, информация и культура, являются чрезвычайно сложными. Изучением информационной культуры занимаются представители самых разных сфер деятельности, фокусируясь на тех или иных ее аспектах. Например, философы акцентируют внимание на мировоззренческом аспекте информационной культуры. В трудах по менеджменту на передний план выходит ее утилитарный (прагматический) аспект, в трудах по педагогике – функциональный аспект [4, с. 5]. Фокусировка на функциональном аспекте информационной культуры характерна не только для педагогических, но и для социологических исследований. Педагоги и социологи рассматривают информационную культуру личности во взаимосвязи с такой категорией, как функциональная грамотность. Последнее понятие уже прочно вошло в категориальный аппарат многих научных дисциплин, к числу которых можно отнести и социологию образования.

Специалисты предлагают предельно широкие трактовки функциональной грамотности. В обобщенном виде она представляет собой исторически изменяющуюся степень адаптации человека к различным видам жизнедеятельности. Для репрезентации разнообразных сторон функциональной грамотности современного человека используются понятия «финансовая грамотность», «языковая грамотность», «правовая грамотность» и т. д. [5, с. 68]. В рамках информационной культуры речь идет об информационной грамотности индивида, которая отражает его компетентность в использовании ИКТ и включает в себя те знания и навыки, благодаря которым он может эффективно функционировать в динамично изменяющейся информационной среде. Следовательно, своеобразной квинтэссенцией

информационной культуры индивида выступает его информационная грамотность. В настоящее время наибольший объем информации представлен в цифровом формате, поэтому вместо понятий «информационная грамотность» и «информационная культура» исследователи все чаще используют понятия «цифровая грамотность» и «цифровая культура».

В условиях ускоряющейся цифровизации образовательного пространства именно цифровая культура выступает инновационным компонентом профессиональной деятельности педагога. Информационная культура преподавателя высшей школы имеет значение «фундамента профессионально-педагогических ИКТ-компетенций и перспективного ориентира развития индивидуальной профессиональной траектории» [6, с. 54]. Вопросам цифровой культуры преподавателей пристальное внимание уделяется в работах российских исследователей М. И. Винокуровой, Е. В. Гнатышиной, Е. Е. Елькиной, М. В. Маслаковой и др. Изучением информационной культуры занимаются и белорусские исследователи. Так, доктор социологических наук, профессор Л. Г. Титаренко отмечает, что, несмотря на различия в интерпретации цифровой культуры, «большинство авторов включают в ее содержание определенный уровень цифровых знаний, цифровые ценности, новые коммуникационные связи, цифровые навыки по использованию знаний информационных технологий, специальные цифровые компетенции по овладению ИКТ и практики применения указанных знаний, навыков и компетенций в конкретной сфере жизнедеятельности» [7, с. 25]. Компетенциям, связанным с использованием ИКТ, принадлежит особое место в цифровой культуре преподавателя учреждения высшего образования (УВО).

Компоненты и уровни информационной культуры преподавателя высшей школы

Большинство исследователей из разных областей знания под информационной культурой преподавателя высшей школы понимают многокомпонентный феномен. Доктор философских наук, профессор Л. А. Пронина определяет информационную культуру преподавателя как полифункциональную структуру, которая включает семь компонентов: 1) аксиологический (рефлексия иерархии ценностей в информационной среде); 2) коммуникативно-этический (знание этических норм и правил делового общения и сотрудничества); 3) интеллектуально-познавательный (наличие представлений о гуманитарных проблемах использования ИКТ); 4) прикладной (осознание ответственности за свои компетенции в информационной среде); 5) прогностический (понимание перспектив развития ИКТ в сфере образования и способность к ним адапти-

роваться); 6) эргономический (организация труда с использованием ИКТ); 7) правовой (несение юридической ответственности за свои действия в информационной среде). При этом Л. А. Пронина выделяет теоретический и практический аспекты (блоки) цифровой культуры, которые формируются в течение всей жизни человека. Теоретический аспект информационной культуры включает в себя весь комплекс знаний, убеждений и представлений индивида об информационной среде, а практический аспект – навыки сбора, обработки и анализа информации [8, с. 294–296].

Специалисты в области педагогики И. В. Сергиенко и М. А. Крымова дифференцируют три основных компонента информационной культуры преподавателя: 1) мотивационно-ценностный (внутреннее побуждение к использованию ИКТ

в педагогической деятельности); 2) когнитивно-технологический (определение уровня компетенций в сфере ИКТ); 3) профессионально-деятельностный (умение использовать ИКТ в своей работе) [3, с. 38].

Другие исследователи, в частности В. В. Котенко, Н. А. Гетман и Е. Н. Котенко, выделяют также следующие три компонента информационной культуры современного преподавателя: 1) когнитивный (наличие определенных представлений об информационной среде); 2) инструментальный (способность использовать ИКТ в образовательном процессе); 3) прикладной (решение профессиональных задач

в информационно-образовательной среде УВО) [9, с. 356–357].

Несмотря на разнообразие позиций исследователей в отношении структуры рассматриваемого феномена, анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что информационная культура преподавателя высшей школы проявляется в наличии у него, во-первых, определенных знаний и навыков работы с информацией (познавательный уровень), во-вторых, взглядов, оценок и установок в отношении информации (ценностный уровень) и, в-третьих, конкретных действий в информационной среде (поведенческий уровень).

Материалы и методы исследования

В последние два десятилетия в университетах Российской Федерации периодически проводятся социологические исследования, посвященные изучению информационной культуры преподавателей. Результаты данных исследований свидетельствуют о том, что уровень их цифровой грамотности пока остается невысоким [8, с. 296].

Белорусские социологи, изучающие информационную культуру индивидов, значительное внимание уделяют цифровой компетентности как студентов, так и преподавателей белорусских УВО. В последние годы большинство социологических исследований на тему цифровизации высшего образования в республике проводились в форме онлайн-опросов и глубинных интервью [7; 10–12].

Весной 2023 г. под научным руководством автора статьи было проведено социологическое исследование «Информационная культура преподавателей БГУ в условиях цифровизации образования». В опросе, реализованном посредством платформы *Google Forms*, приняли участие представители ППС всех

структурных подразделений университета ($n = 384$). При этом 57,8 % респондентов составили женщины, а 42,2 % опрошенных – мужчины; 50 % участников опроса являются кандидатами наук, а 10 % респондентов – докторами наук. На вопросы анкеты отвечали не только преподаватели без ученого звания (49,7 %), но и профессора (8,1 %), доценты (42,2 %). Кроме того, в онлайн-опросе приняли участие 2 проректора, 6 деканов и 30 заведующих кафедрами.

Онлайн-анкета включала несколько десятков вопросов, направленных на оценку преподавателями уровня своей цифровой грамотности, определение их информационных предпочтений и выявление их отношения к дистанционным образовательным технологиям. Обратимся к результатам исследования. При этом сфокусируемся на социологических данных, позволяющих охарактеризовать компетенции преподавателей БГУ в сфере использования ИКТ и эффективного взаимодействия с информационной образовательной средой.

Результаты и их обсуждение

Как показало исследование, абсолютное большинство опрошенных преподавателей БГУ (99,5 %) обращаются к интернету ежедневно. При этом 36,7 % респондентов указали на то, что их время интернет-пользования составляет 3–4 ч ежедневно. Примерно одинакова доля тех, кто тратит на интернет 1–2 ч в день, и доля тех, кто использует его 5–6 ч в день (19,3 % и 20,1 % респондентов соответственно). По 7–8 ч каждый день проводят в интернете 12,2 % опрошенных, по 9–10 ч – 6,3 % респондентов. Оставшиеся участники опроса затруднились назвать время ежедневного интернет-пользования.

Среди наиболее важных возможностей интернет-коммуникации преподаватели БГУ выделили получение необходимой информации в кратчайшие сроки (на это указали 96,4 % респондентов),

общение (69,8 %), дистанционное обучение (63,8 %), знакомство с представителями других национальностей, их культурой и историей (13,3 %), поиск единомышленников (6,3 %). Среди недостатков интернет-коммуникации преподаватели БГУ назвали риск отправить личные сообщения, фото и видео мошенникам (51,0 %), невозможность видеть эмоции собеседника (45,8 %) и получить правдивые сведения о нем (43,2 %), ухудшение качества речи (использование коротких фраз, сленга и т. д.) в реальной жизни (33,8 %), отсутствие искренности при коммуникации (13,6 %).

Опрос показал, что преподаватели университета пользуются интернетом прежде всего для решения профессиональных задач. Мотивы их обращения к интернету подробно представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос
«Какие из мотивов посещения интернета являются для Вас основными?», %

Table 1

Distribution of answers to the question
«What are your primary motivations for visiting the Internet?», %

Вариант ответа	Доля ответивших
Использование электронной почты	71,1
Получение профессиональной информации	54,2
Доступ к научной информации, не отраженной в других источниках	42,2
Доступ к новостям	36,2
Использование поисковых сервисов (<i>Google, Yandex</i>)	34,4
Доступ к образовательному portalу БГУ	26,0
Посещение социальных сетей	24,0
Все указанное	3,1
Другое	0,3

Примечание. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Мотивационно-ценностный компонент информационной культуры преподавателя высшей школы отражает его внутренние побуждения к освоению навыков использования ИКТ. Как показали резуль-

таты онлайн-опроса, именно профессиональная мотивация является доминирующей для преподавателей БГУ в приобретении цифровых компетенций (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос
«Что побуждает Вас к приобретению навыков использования ИКТ?», %

Table 2

Distribution of answers to the question «What motivates you to acquire information and communication technologies skills?», %

Вариант ответа	Доля ответивших
Профессиональная необходимость	76,8
Потребность комфортно чувствовать себя в информационном пространстве	58,6
Желание развиваться в личностном плане	40,6
Стремление идти в ногу со временем	35,7
Удовольствие от процесса освоения навыков	27,3

Примечание. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Абсолютное большинство преподавателей БГУ, принявших участие в онлайн-опросе, используют интернет для самообразования (96,1 %), общения (92,7 %), совершения покупок (88,5 %), а также для работы с мобильными приложениями (82,8 %). Немногим более половины респондентов предоставляют информацию о себе в интернете (63,5 %), используют социальные сети (52,9 %) и устанавливают свои настройки программного обеспечения для выхода в интернет (52,6 %). При этом возможностями создания и размещения собственного контента в интернете пользуются менее половины преподавателей БГУ (49,7 %).

В ходе социологического исследования преподавателям предлагалось оценить свой уровень вла-

дения разными видами ИКТ в частности и свои навыки работы с информацией в целом. Респондентам были предложены утверждения, которые следовало оценить по 5-балльной шкале, где 1 баллу соответствовал вариант ответа «абсолютно не согласен», а 5 баллам – «полностью согласен». В результате были получены средние значения преподавательских самооценок в отношении уровня цифровой компетентности. Выяснилось, что эти самооценки достаточно высокие, поскольку по всем представленным в вопросе позициям они не опускаются ниже 3,58 балла (табл. 3). Наибольшую уверенность в своей компетентности преподаватели БГУ продемонстрировали в отношении работы с поисковыми системами и использования пакета *Microsoft Office*.

Таблица 3

Средняя самооценка преподавателей БГУ,
отражающая уровень их цифровой компетентности, балл

Table 3

The average self-assessment of teachers of the Belarusian State University,
reflecting the level of their proficiency in information and communication technologies, score

Утверждение	Среднее значение самооценки
У меня хорошо получается работать с поисковыми системами (<i>Google, Yandex</i>)	4,53
Я уверенный пользователь персонального компьютера (ноутбука), умею работать с пакетом программ <i>Microsoft Office (Word, Excel, PowerPoint)</i>	4,47
Мне достаточно легко искать информацию	4,36
Мне легко удается объединять информацию из разных источников	4,26
Я легко могу выделить отдельные блоки в большом объеме информации	4,24
Я без проблем могу выявить закономерности на основании полученной информации	4,14
Я без труда работаю на образовательном портале БГУ	3,98
Я уверенный пользователь приложений для видеоконференций (<i>Zoom</i> и др.)	3,90
У меня достаточно хорошо развиты навыки использования социальных сетей и мессенджеров	3,87
Я умею работать с облачными хранилищами (<i>Google Drive, Yandex Disk, OneDrive, iCloud</i>)	3,76
Мне легко даются настройка и подключение гаджетов	3,58

Результаты онлайн-опроса также показали, что подавляющее большинство преподавателей БГУ считают, что технические устройства облегчают им работу с информацией и позволяют осуществлять ее поиск (98,2 %), передачу (95,1 %), анализ (92,7 %), отбор (90,1 %), хранение (88,0 %) и создание (84,4 %). Наибольшие затруднения у респондентов вызывают следующие вопросы: защита информации, хранящейся в интернете (41,1 %), очищение компьютера от вирусов (38,9 %), изменение настроек конфиденциальности в социальных сетях и мессенджерах (33,9 %), безопасное использование поисковых систем (32,3 %), выявление недостоверных данных (29,4 %) и противодействие распространенным схемам интернет-мошенничества (26,6 %). Следует также отметить, что большинство опрошенных (83,3 %) высказались за включение специального курса по использованию ИКТ в программу повышения квалификации.

Исследование показало, что немногим более четверти преподавателей БГУ (26,8 %) используют ИКТ регулярно (на каждом занятии), более трети преподавателей (35,7 %) применяют их часто, пятая

часть опрошенных (21,6 %) лишь иногда обращаются к ИКТ, а 10,9 % респондентов редко прибегают к ним.

Для анализа коммуникативно-этического аспекта информационной культуры преподавателей БГУ респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Знаете ли Вы Закон Республики Беларусь “Об авторском праве и смежных правах”?» Полученные в ходе социологического исследования данные показали, что более половины преподавателей университета (59,4 %) знакомы с этим нормативно-правовым актом поверхностно и только пятая часть респондентов (21,1 %) отметили, что подробно изучили его. Планируют ознакомиться с документом 14,3 % опрошенных, а 5,2 % респондентов не знают данный закон и не планируют его изучать.

По мнению абсолютного большинства опрошенных преподавателей БГУ, волна COVID-19 заставила их существенно повысить свой уровень владения ИКТ. Отечественные специалисты подчеркивают, что пандемия, бесспорно, ускорила процесс цифровой трансформации высшего образования в Республике Беларусь [12, с. 8].

Заключение

В современных условиях информационная культура преподавателя высшей школы выступает ключевым компонентом его профессиональной деятельности.

Социологическое исследование, проведенное нами в 2023 г. в БГУ, свидетельствует о том, что ППС университета активно использует интернет-ресурсы для решения профессиональных задач. Препо-

даватели оценивают свой уровень информационной грамотности выше среднего, но вместе с тем большинство из них признают, что необходимо постоянно повышать квалификацию в использовании ИКТ в образовательном процессе. На протяжении последних лет преподаватели БГУ стремились адаптироваться к объективным и субъективным факторам цифровой трансформации университета.

В настоящее время БГУ участвует в проекте «Цифровой университет». В связи с этим повышению уровня информационной грамотности кадрового состава старейшего УВО Республики Беларусь уделяется серьезное внимание. Со временем роль информационной культуры в профессиональной деятельности преподавателя высшей школы будет только возрастать.

Библиографические ссылки

1. Дружилов СА. «Загрязненность» информационной среды и проблемы психологического здоровья личности. *Современные наукоемкие технологии* [Интернет]. 2013 [прочитано 1 декабря 2023 г.];4:89–92. Доступно по: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=31614>.
2. Занкова ЕЮ, Ящук ЕВ. Формирование информационной культуры современного преподавателя высшей школы. *Вестник ТГПИ* [Интернет]. 2012 [прочитано 1 декабря 2023 г.];1:24–28. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-informatsionnoy-kultury-sovremenno-go-prepodavatelya-vysshey-shkoly>.
3. Сергиенко ИВ, Крымова МА. Информационная культура преподавателя в условиях электронного образования. *Педагогический журнал Башкортостана* [Интернет]. 2017 [прочитано 1 декабря 2023 г.];2:36–42. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-kultura-prepodavatelya-v-usloviyah-elektronno-go-obrazovaniya>.
4. Курьян МЛ. Анализ воздействия информационной культуры на образовательные ориентиры личности. *Нижнегородское образование* [Интернет]. 2017 [прочитано 1 декабря 2023 г.];1:4–10. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vozdeystviya-informatsionnoy-kultury-na-obrazovatelnye-orientiry-lichnosti>.
5. Курилович НВ. Функциональная неграмотность как категория социологии образования. *Весті БДПУ. Серія 2, Гісторія. Філософія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*. 2020;1:66–70.
6. Леонтьева АВ, Ковалева НВ, Хатит ФР. Цифровая культура как инновационный компонент профессиональной деятельности педагога. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2022;2:49–56. DOI: 10.47370/2078-1024-2022-14-2-49-56.
7. Титаренко ЛГ. Виртуализация образования в условиях цифровой экономики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;1:23–30.
8. Пронина ЛА. Информационная культура преподавателя вуза в условиях модернизации образования. *Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки* [Интернет]. 2012 [прочитано 1 декабря 2023 г.];4:293–299. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-kultura-prepodavatelya-vuza-v-usloviyah-modernizatsii-obrazovaniya>.
9. Котенко ВВ, Гетман НА, Котенко ЕН. Информационная культура преподавателя вуза в современных условиях. *Современные наукоемкие технологии* [Интернет]. 2021 [прочитано 1 декабря 2023 г.];11:354–358. Доступно по: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=38938>.
10. Титаренко ЛГ. Цифровизация обучения: движущая сила модернизации системы высшего образования или гуманитарная угроза? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;1:33–41. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-1-33-41.
11. Кузьмин СВ. Использование цифровых технологий в системе высшего образования: отношение студентов. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2023;1:82–90.
12. Титаренко ЛГ, Сайганова ВС, Аветисян ПС, Заславская МИ, Колядко ИН, Кузьмин СВ и др. *Высшее образование в условиях пандемии COVID-19: философские и социологические аспекты*. Минск: БГУ; 2023. 167 с.

References

1. Druzhilov SA. «Polluted» the information environment and the problems of psychological health of personality. *Modern High Technologies* [Internet]. 2013 [cited 2023 December 1];4:89–92. Available from: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=31614>. Russian.
2. Zankova EYu, Yaschuk EV. Forming of information culture of modern high school teacher. *Vestnik TGPI* [Internet]. 2012 [cited 2023 December 1];1:24–28. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-informatsionnoy-kultury-sovremenno-go-prepodavatelya-vysshey-shkoly>. Russian.
3. Sergienko IV, Krymova MA. Information culture of the teacher in the conditions of electronic education. *Pedagogical Journal of Bashkortostan* [Internet]. 2017 [cited 2023 December 1];2:36–42. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-kultura-prepodavatelya-v-usloviyah-elektronno-go-obrazovaniya>. Russian.
4. Kur'yan ML. [Analysis the impact of information culture on the educational reference points]. *Nizhegorodskoe obrazovanie* [Internet]. 2017 [cited 2023 December 1];1:4–10. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vozdeystviya-informatsionnoy-kultury-na-obrazovatelnye-orientiry-lichnosti>. Russian.
5. Kurilovich NV. Functional illiteracy as a category of sociology of education. *Vesci BDPU. Serija 2, Gistoryja. Filasofija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekonomika. Kul'turalogija*. 2020;1:66–70. Russian.
6. Leontyeva AV, Kovaleva NV, Khatit FR. Digital culture as an innovative component of a teacher's professional activity. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2022;2:49–56. Russian. DOI: 10.47370/2078-1024-2022-14-2-49-56.
7. Titarenko LG. Virtualization of education in a digital economy. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;1:23–30. Russian.
8. Pronina LA. Information culture of university lecturer in conditions of education modernization. *Tambov University Review. Series: Humanities* [Internet]. 2012 [cited 2023 December 1];4:293–299. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-kultura-prepodavatelya-vuza-v-usloviyah-modernizatsii-obrazovaniya>. Russian.

9. Kotenko VV, Getman NA, Kotenko EN. Information culture of a university teacher in modern conditions. *Modern High Technologies* [Internet]. 2021 [cited 2023 December 1];11:354–358. Available from: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=38938>. Russian.

10. Titarenko LG. Digitalisation of learning: a driving force for higher education modernisation or a humanitarian threat? *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;1:33–41. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-1-33-41.

11. Kuzmin SV. Use of digital technologies in the higher education system: student attitude. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2023;1:82–90. Russian.

12. Titarenko LG, Saiganova VS, Avetisyan PS, Zaslavskaya MI, Kolyadko IN, Kuzmin SV, et al. *Vysshee obrazovanie v usloviyakh pandemii COVID-19: filosofskie i sotsiologicheskie aspekty* [Higher education in the context of the COVID-19 pandemic: philosophical and sociological aspects]. Minsk: Belarusian State University; 2023. 167 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.12.2023.
Received by editorial board 14.12.2023.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.36:303.425.2(476)

ЛОНГИТЮДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БЕЛОРУССКОЙ СЕМЬИ ПО МЕТОДОЛОГИИ ПРОГРАММЫ «ПОКОЛЕНИЯ И ГЕНДЕР»

А. А. БЕЛОВ¹⁾, А. А. ПОХОМОВА²⁾, Л. А. СОГЛАЕВА²⁾, Л. В. ФИЛИНСКАЯ²⁾

¹⁾Китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень»,
пр. Пекинский, 18, 222210, Смолевичский район, Минская область, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Представлены методические и организационные особенности второй волны лонгитюдного исследования «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов», проведенного Центром социологических и политических исследований Белорусского

Образец цитирования:

Белов АА, Похомова АА, Соглаева ЛА, Филинская ЛВ. Лонгитюдное исследование белорусской семьи по методологии программы «Поколения и гендер». *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;1:74–81.
EDN: GPVMXN

For citation:

Belov AA, Pokhomova AA, Soglaeva LA, Filinskaya LV. Longitudinal research of the Belarusian family on the methodology of the «Generations and gender» programme. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;1:74–81. Russian.
EDN: GPVMXN

Авторы:

Андрей Александрович Белов – кандидат социологических наук; директор филиала ООО «ИнКата продакт девелопмент».

Алеся Андреевна Похомова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Лариса Алексеевна Соглаева – кандидат философских наук, доцент; ведущий социолог Центра социологических и политических исследований.

Лариса Владимировна Филинская – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Andrei A. Belov, PhD (sociology); branch director of the LLC «InCata Product Development».

belov404.net@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4664-6531>

Alesya A. Pokhomova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

pakhom@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0001-8627-953X>

Larisa A. Soglaeva, PhD (philosophy), docent; leading sociologist at the Centre for Sociological and Political Researches.

lsoglaeva@qmail.com
<https://orcid.org/0009-0001-8055-7743>

Larisa V. Filinskaya, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

filinskalv@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4133-5416>

государственного университета в 2023 г. Описано содержание каждого этапа исследования, перечислены проблемы, с которыми столкнулись специалисты. Указаны особенности работы с панелью в рамках лонгитюдного исследования, причины недостижимости респондентов панели при повторных замерах (общий уровень достижимости по панели превысил 20 %). Отмечено, что большое внимание уделялось формированию, обучению и сопровождению полевого персонала (были задействованы 166 интервьюеров). Приведены фрагменты полевых дневников интервьюеров, отражающие основные проблемы проведения полевых работ. Обоснована высокая научная и практическая значимость результатов исследования для анализа демографических процессов в стране.

Ключевые слова: сравнительное исследование; программа «Поколения и гендер»; лонгитюдные данные; методика исследования; полевые дневники.

Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта международной технической помощи «Укрепление научного и образовательного потенциала Республики Беларусь в области сбора, анализа и использования демографических данных для достижения целей устойчивого развития», реализуемого Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь в партнерстве с Фондом ООН в области народонаселения и финансируемого Правительством Российской Федерации.

LONGITUDINAL RESEARCH OF THE BELARUSIAN FAMILY ON THE METHODOLOGY OF THE «GENERATIONS AND GENDER» PROGRAMME

A. A. BELOV^a, A. A. POKHOMOVA^b, L. A. SOGLAEVA^b, L. V. FILINSKAYA^b

^aGreat Stone Industrial Park, 18 Piekinski Avenue, 222210, Minsk Region, Smaliavichi District, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: L. V. Filinskaya (filinskav@gmail.com)

Abstract. The article presents the methodical and organisational features of the second wave of the longitudinal research «Family formation, stability of family relations and fertility in changing socio-economic conditions of Belarusians», conducted by the Centre for Sociological and Political Researches of the Belarusian State University in 2023. The content of each stage of the sociological research is presented with a list of the problems faced by the researchers. The features of working with the panel within the framework of a longitudinal study, the reasons for the unavailability of the panel respondents during repeated measurements are noted (the overall panel achievability level has exceeded 20 %). Much attention was paid to the formation, training and support of field personnel (166 interviewers were involved). Fragments of interviewers' field diaries are presented, they reflect the main problems of conducting field work. The scientific and practical significance of the research results in the analysis of demographic processes in the country is noted.

Keywords: comparative research; programme «Generations and gender»; longitudinal data; research methodology; field diaries.

Acknowledgements. The study was prepared within the framework of the project «Strengthening the scientific and educational potential of the Republic of Belarus in the field of collection, analysis and use of demographic data for achieving the sustainable development goals», implemented by the Ministry of Labour and Social Protection of the Republic of Belarus in partnership with the UN Population Fund and funded by the Government of the Russian Federation.

В последние 20–30 лет вопросы улучшения демографической ситуации и укрепления института семьи приобрели особую актуальность в Беларуси. В Законе Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь» в качестве важнейших задач по предупреждению и нейтрализации демографических угроз определены установление высоких духовно-нравственных стандартов граждан в области семейных отношений, повышение престижа семьи в обществе, обеспечение репродуктивных прав граждан и содействие формированию высоких репродуктивных потребностей населения¹.

Социологические проекты, ориентированные на изучение процессов развития человеческого потенциала страны и стабилизации численности населения, имеют особое значение для определения перспектив демографической безопасности государства. Если традиционные исследования анализируют проблему в конкретный период времени, то лонгитюд проводится волнами и предусматривает многократные измерения одних и тех же параметров.

В 2017 г. Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (ЦСПИ БГУ) была проведена первая волна исследования «Формирование семьи, стабильность

¹О демографической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2002 г. № 80-З // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2002.

семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов». Его концептуальной и методологической основой выступала международная программа «Поколения и гендер», стартовавшая в 2001 г. Цель программы заключается в изучении брачно-семейной сферы по таким направлениям, как формирование семьи, уровень рождаемости, роль мужчин и женщин в организации семейной жизни, взаимодействие поколений. К настоящему времени исследования по данной методологии проведены в 26 странах.

Объем выборочной совокупности респондентов во время первой волны исследования составил 9944 человека в возрасте 18–79 лет, проживающих в Республике Беларусь. Опрос проводился с помощью планшетных компьютеров (методом CAPI) [1; 2]. В 2021–2022 гг. предполагалось проведение второй волны исследования, однако по объективным обстоятельствам участие Беларуси в проекте было приостановлено.

Поскольку ЦСПИ БГУ имеет адресную базу респондентов первой волны, в 2023 г. организации было поручено провести вторую волну исследования «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов». Данный проект является самым масштабным сравнительным исследованием белорусской семьи. Результаты работы позволили дать углубленную характеристику динамичным процессам и тенденциям развития института современной семьи на протяжении длительного периода.

В ходе опроса использовался доработанный инструментарий программы «Поколения и гендер». Исследование 2023 г. было призвано решить следующие задачи: изучить динамику демографических показателей в реальных возрастных когортах населения на основе сбора лонгитюдных данных, получить репрезентативные сведения о социально-демографическом поведении населения страны.

Лонгитюдные данные об изменении социально-демографической истории жизни людей, полученные в 2017 г., имеют особую научно-практическую ценность. В связи с этим делался акцент на максимальном охвате респондентов первой волны исследования. В 2023 г. опрос осуществлялся с использованием анкет на бумажных носителях (методом PAPI) с их последующей оцифровкой.

Исследование проводилось в несколько этапов. Подготовительный этап включал пилотаж инструментария, подготовку методических документов и обучение полевого персонала.

До начала основного исследования были проведены пилотажные интервью для апробации и совершенствования инструментария, а также для отработки технических процедур и приемов работы.

В ходе пилотажного исследования были решены следующие методические задачи:

- проверено качество операционализации основных понятий;
- протестированы формулировки и шкалы вопросов (выяснялось, всем ли респондентам понятны формулировки вопросов);
- выявлены вопросы, нуждающиеся в корректировке;
- уточнены переходы от одного вопроса к другому;
- зафиксирована невербальная реакция респондентов на вопросы инструментария (вегетативные и мимические проявления эмоций, жесты);
- замерено время, затрачиваемое на проведение одного интервью с респондентами, которые имеют различные социально-демографические характеристики.

По результатам пилотажного исследования был подготовлен отчет с рекомендациями по усовершенствованию инструментария.

На подготовительном этапе важное значение имела разработка методических документов исследования: инструкций для интервьюеров, супервайзеров и кураторов, протокола внутреннего контроля, ведомости по технике безопасности, карточек адресов, обязательств о конфиденциальности информации, отчетов интервьюеров и супервайзеров, комплекта карточек для респондентов.

На основе адресной базы респондентов 2017 г. были подготовлены региональные списки участников опроса второй волны исследования. Из общей адресной базы были исключены опрошенные, которые отказались участвовать в проекте в дальнейшем. В основной список были включены респонденты, продемонстрировавшие высокую заинтересованность в повторном опросе, в резервный список – респонденты, которые затруднились подтвердить свое участие в опросе второй волны исследования.

После подготовки адресной базы для каждого респондента была создана карточка с его контактными данными (адрес, номер телефона, идентификационный номер, код региона, код интервьюера, дата проведения интервью, результаты контакта).

Особое внимание уделялось формированию и обучению полевого персонала. Сбор социологической информации осуществляли региональные супервайзеры и интервьюеры. Супервайзерам было поручено сформировать группы интервьюеров в регионах. На роль интервьюеров приглашали коммуникабельных, ответственных, стрессоустойчивых людей, обладающих хорошей дикцией и имеющих опыт проведения опросов. Среди интервьюеров были представители разных социально-демографических и профессиональных групп. Для участников полевых групп были проведены обучающие семинары-тренинги. Специальную подготовку проходили

кураторы (сотрудники ЦСПИ БГУ, ответственные за опрос в регионах), супервайзеры и интервьюеры. Всего было проведено 11 обучающих семинаров-тренингов.

Программа обучения включала следующие элементы:

- разъяснение важности и актуальности проекта;
- инструктаж по структуре и содержанию инструментария;
- инструктаж по принципам отбора респондентов;
- тренинг по социально-психологическим приемам общения интервьюеров с респондентами;
- инструктаж по соблюдению конфиденциальности полученной информации и неразглашению данных о респонденте;
- инструктаж по технике безопасности и правилам поведения в чрезвычайных обстоятельствах (интервьюеру необходимо было расписаться в ведомости по технике безопасности);
- получение каждым интервьюером персонального задания с указанием количества респондентов, которых ему необходимо опросить, и списка адресов панели, по которым необходимо провести опрос.

Каждому интервьюеру был выдан комплект документов: инструкция для интервьюеров, бланк интервью, карточки для респондента, заполненные карточки адресов, обязательство о конфиденциальности, форма отчета интервьюера, блокнот (тетрадь) и ручка для ведения полевого дневника, сувениры для респондентов (сумка с логотипом Фонда ООН в области народонаселения), инструкция по технике безопасности.

Для успешного проведения полевых работ важное значение имеет обеспечение интервьюеров документами, подтверждающими их право на проведение опроса. В связи с этим каждому интервьюеру были выданы удостоверение интервьюера, бейдж, жилет с логотипом Фонда ООН в области народонаселения, а также копия письма «Об оказании содействия в проведении исследования», подготовленного Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь (письмо было отправлено во все облисполкомы и Мингорисполком).

Для оперативной связи с интервьюерами были созданы группы (чаты) в мобильных приложениях *Viber*. Важным каналом связи с супервайзерами и интервьюерами являлась также электронная почта, куда супервайзеры высылали файлы с описанием ошибок и неточностей, допущенных интервьюерами в ходе полевых работ. Электронные способы связи не только ускоряли процесс коммуникации, но и позволяли оперативно контролировать проведение опроса.

Сбор информации осуществлялся с 1 июля по 20 октября 2023 г. На первоначальном этапе проводился опрос респондентов панели, участвовавших в проекте в 2017 г. и продемонстрировавших

высокую заинтересованность в повторном опросе. Были проинтервьюированы 2129 человек. Пандемия COVID-19, глобальные экономические и политические события, распространение телефонного фишинга привели к сокращению уровня достижимости выборки респондентов первой волны исследования.

На следующем этапе был осуществлен добор респондентов (371 человек) в целях обеспечения репрезентативности выборки по основным социально-демографическим характеристикам. Также был проведен опрос молодежи в возрасте 18–23 лет (респондентами выступили 200 человек). Исследование осуществлялось с использованием инструментария, разработанного на основе бланка интервью для опроса респондентов панели. Всего было опрошено 2700 человек.

В ходе дополнительного (телефонного) опроса участников первой волны исследования было проведено 141 интервью. Опрошены респонденты, которые в 2017 г. указали, что в ближайшие 3 года планируют рождение ребенка.

Одной из основных задач исследования 2023 г. являлось обеспечение возможности изучить динамику демографических показателей в реальных возрастных когортах населения. Для этого выборочная совокупность респондентов второй волны проекта должна была обладать способностью получать репрезентативные оценки возрастных когорт, сформированных и изученных в рамках первой волны проекта.

Как уже отмечалось, в 2023 г. опрошены 2129 человек, которые участвовали в исследовании в 2017 г. Таким образом, общий уровень достижимости по панели превысил 20 %. При этом собранные данные позволяют давать репрезентативную оценку социально-демографическим показателям в разрезе десятилетних возрастных когорт первой волны исследования (респонденты 1950–1999 г. р.) с предельной ошибкой репрезентативности менее 5 %. Лишь для представителей наиболее старшей когорты (1938–1949 г. р.), которым на момент проведения опроса 2023 г. было 74–84 года, предельная ошибка репрезентативности несколько превысила 5 %. Подобная ситуация обусловлена высокой смертностью респондентов указанного возраста и большим количеством отказов от интервью в связи с плохим самочувствием (табл. 1).

Помимо изучения динамики демографических показателей в реальных возрастных когортах на основе лонгитюдных данных, важнейшей задачей исследования является получение репрезентативных оценок изучаемых показателей с учетом актуальной численности населения. Решение данной задачи предусматривало опрос новых респондентов – белорусов в возрасте 18–23 лет (поскольку на момент проведения первой волны исследования им еще не было 18 лет и они не могли попасть в выборку), а также

белорусов в возрасте старше 24 лет (для корректировки структуры выборки в соответствии с актуальным половозрастным составом населения). Для обеспечения соответствия структуры выборки половозрастному составу населения по состоянию на 2023 г. потре-

бовалось дополнительно опросить 200 респондентов в возрасте 18–23 лет, а также 371 респондента из более старших возрастных когорт. Таким образом, дополнительно был опрошен 571 человек (21,1 % от общей выборочной совокупности респондентов).

Таблица 1

Уровень достижимости выборки респондентов первой волны исследования по итогам опроса 2023 г. в разрезе возрастных когорт

Table 1

The level of achievability of the sample of respondents of the first wave based on the results of the 2023 survey by age cohorts

Возрастная когорта	Количество респондентов в 2017 г.	Количество респондентов в 2023 г.	Достижимость выборки респондентов, %	Предельная ошибка выборки (с учетом поправки на конечную совокупность), %
1938–1949	1070	129	12,0	6,8
1950–1959	1681	302	17,9	4,3
1960–1969	1668	345	20,6	3,9
1970–1979	1859	449	24,1	3,4
1980–1989	2056	518	25,1	3,1
1990–1999	1610	386	23,9	3,6
<i>В целом по массиву</i>	<i>9944</i>	<i>2129</i>	<i>21,3</i>	<i>1,6</i>

Структура достигнутой выборки обеспечивает возможность надежных оценок социально-демографических показателей населения в разрезе основных половозрастных категорий взрослого населения страны по состоянию на 2023 г. Выделяются следующие половозрастные категории взрос-

лого населения: мужчины и женщины в возрасте 18–39 лет (наиболее активный возраст с точки зрения заключения брака и рождения детей), мужчины и женщины в возрасте 40–59 лет (возраст воспитания детей и рождения внуков), мужчины и женщины в возрасте 60 лет и старше (пожилой возраст).

Таблица 2

Сравнение структуры выборочной и генеральной совокупности респондентов по полу и возрасту

Table 2

Comparison of the structure of the sample and general set of respondents by sex and age

Возраст	Выборочная совокупность, %	Генеральная совокупность*, %	Отклонение по модулю, %
<i>Мужчины</i>			
18–39 лет	21,81	18,72	3,09
40–59 лет	14,59	16,72	2,12
60 лет и старше	7,48	10,02	2,53
<i>Женщины</i>			
18–39 лет	21,56	18,83	2,72
40–59 лет	20,85	18,96	1,89
60 лет и старше	13,70	16,76	3,05

*Генеральной совокупностью выступает население в возрасте 18–84 лет.

При проведении исследования среднее отклонение выборки составило 2,57 %, что свидетельствует о репрезентативности полученных результатов.

Контроль качества полевых работ производился на нескольких уровнях. Первичный контроль осуществляли супервайзеры, которые следили за точ-

ностью выполнения заданий по выборке, соблюдения правил отбора респондентов в соответствии с инструкцией. Контроль проводился в визуальной и вербальной формах. Визуальный контроль предполагал анализ представленных интервьюером документов (бланков интервью и карточек адресов). Вербальный контроль проходил в форме беседы. Супервайзер оценивал качество работы интервьюера, а в случае выявления нарушений он объяснял причины допущенных ошибок и определял способы их устранения.

Вторичный внутренний контроль качества сбора информации осуществлялся ежемесячно. Контролеры связывались с респондентами по телефону и выясняли, проводился ли опрос в их домохозяйстве, сколько времени он длился и кто из членов семьи был опрошен, также уточнялось использование карточек. Результаты контроля были занесены в протокол. В случае выявления нарушений группа контроля определяла причины ошибок и способы их устранения. Всего было проконтролировано 451 интервью, в результате отбраковано 19 интервью (3,7 %).

Завершением данного этапа являлся внешний контроль качества полевых работ. Осуществлен выборочный контроль 272 интервью (10 % от их общего числа).

В процессе исследования специалисты столкнулись с рядом проблем. Среди них можно выделить организационные проблемы.

1. Сложности при установлении контакта с респондентами первой волны (телефонные номера, предоставленные респондентами первой волны исследования, к 2023 г. потеряли актуальность в силу нескольких причин: проводилась массовая модернизация телефонной сети, предусматривавшая замену номера стационарного телефона; в последние годы многие респонденты отказались от стационарных телефонов и сменили операторов мобильной связи).

Сложно дозвониться респондентам, особенно тем, кто оставил для связи домашний номер телефона. Приходилось настойчиво звонить в разные дни, в разное время. Некоторые респонденты соглашались участвовать в опросе на следующий день, но потом не поднимали трубку (Виктория, 21 год); Были случаи, когда звонишь и слышишь в ответ: «Набранный номер не существует» (Ирина, 48 лет); Пытаешься уточнить в справочной службе новый номер телефона респондента и получаешь отказ, так как абонент закрыл свой номер для справки (Марина, 32 года)².

2. Редуцирование (сокращение) панели респондентов в связи с их смертью, болезнью или миграцией.

Трудно было общаться с родственниками респондентов: кто-то переехал, кто-то умер. Некоторые негативно реагировали на звонок с просьбой предоста-

вить новые контактные данные респондента (Сергей, 24 года); Многие опасались давать новые координаты, просили никому их не сообщать, об участии в новом исследовании не предупреждали (Ольга, 20 лет).

3. Отказ респондентов от участия в исследовании.

Основная сложность – большое количество отказов на старте. Население с подозрением относится к участию в исследовании и старается найти любой предлог, чтобы не участвовать в опросе (Лилия, 31 год); Большинство респондентов отказывались от интервью под различными предложениями. Люди стали недоверчивыми, но их можно понять: сегодня много мошенников, в мире нестабильная обстановка. Убедить человека поучаствовать в исследовании – это действительно сложная задача, выполнение которой нельзя обесценивать (Анастасия, 21 год).

4. Отказ респондентов, опрашиваемых вне панельной выборки (респонденты в возрасте 18–23 лет, а также респонденты по квотной выборке), называть свои данные.

Проблемой, с которой я столкнулась, стало нежелание респондентов давать контакты. Приходилось долго объяснять людям, что никто не придет к ним с проверкой и что предоставленные ими данные не будут переданы третьим лицам (Светлана, 21 год); Некоторые говорили: «Если у вас есть мой адрес, приходите и проводите опрос. Зачем вам нужны мое имя, фамилия и номер телефона?» (Ольга, 22 года).

5. Рост показателей недостижимости вследствие значительного перерыва между проведением первой и второй волн исследования (отсутствие регулярных контактов с респондентами, невозможность корректировки адресной базы панели в связи с изменением местожительства и номера телефона респондентов).

Трудность заключается в том, что многие люди спустя шесть лет после прошлого опроса уже забывают о том, что они в нем участвовали (Александра, 24 года).

6. Недостатки в информационном обеспечении проекта, в частности неосведомленность населения о важности исследования.

Я могла бы отметить то, что люди в принципе не имели представления о данном исследовании и о том, зачем оно проводится. Даже после объяснения, для чего я им звоню, донесения информации о целях исследования поступали следующие вопросы: «Зачем мне на это тратить время? Что мне это даст?» (Ангелина, 20 лет).

7. Проведение опроса в летние месяцы.

Некоторые респонденты находились на дачах, и интервью переносилось на неопределенный срок (Александр, 26 лет); Человек приехал с дачи на короткое время, понятно, что ему было не до опроса (Инна, 41 год).

²Здесь и далее курсивом приведены записи из полевых дневников интервьюеров. – А. Б., А. П., Л. С., Л. Ф.

8. Ротация кадров интервьюеров (не все интервьюеры, прошедшие инструктаж, впоследствии принимали участие в полевых работах: у многих из них наблюдалось эмоциональное выгорание).

Очень тяжело воспринимать людей просто как респондентов. Частоходишь в их положение и начинаешь им сопереживать (Ксения, 20 лет); Во время проведения интервью тебе приходится становиться психологом для респондента. Ты слышишь о проблемах в отношениях, тяжелом финансовом положении, потере детей, приобретенной инвалидности и т. д. В какой-то момент становится морально тяжело (Ангелина, 20 лет).

Среди сложностей в процессе сбора информации следует выделить методические проблемы.

1. Неоднозначная эмоциональная реакция респондентов на вопросы личного характера (например, о количестве партнеров, способах контрацепции, лечении бесплодия, а также о детях, которые умерли, супругах, бывших супругах, взыскании алиментов, отношениях со взрослыми детьми, доходах).

Часто люди слишком эмоционально реагировали на вопросы, что очень затрудняло работу. Сложно с первой секунды понять, как подступиться к респонденту (как говорить, с какой интонацией, что именно сказать) (Анастасия, 20 лет); Тяжело подстроиться под каждого, особенно когда все очень разные. Нужно сразу оценить человека и, чтобы подступиться к нему, выбрать для себя «новую личность». Иногда нужно реагировать на ответы, иногда нужно задавать вопрос с определенной интонацией, с некоторыми респондентами лучше надевать маску наивности, с некоторыми – маску серьезности (Ксения, 20 лет); Некоторые респонденты неохотно отвечали на вопросы о родителях, особенно если тех уже нет в живых или они разведены. Так, однажды мне было непросто опрашивать женщину, которая не могла иметь детей. Приходилось задавать вопросы очень деликатно (Светлана, 21 год).

2. Затруднение респондентов при ответе на вопросы, связанные с датами рождения, смерти, заключения и расторжения брака, переезда и т. д.

Многие респонденты не помнили даты и начинали искать документы или называли приблизительные даты (Вероника, 32 года).

3. Трудности при ответе на вопросы о доходах (респонденты не помнили информации о своих доходах и доходах партнера, стоимости недвижимости, общем доходе домохозяйства или не хотели ее давать).

Наибольшее количество отказов отвечать было получено на тему материального положения. Многие респонденты не могли назвать уровень своих доходов и доходов других членов домохозяйства (Виталий, 23 года).

4. Продолжительность интервью по времени.

Для некоторых респондентов интервью казалось слишком долгим, они становились неусидчивыми и про-

являли негодование (Виктория, 21 год); Основным минусом интервью, по мнению респондентов, являлась его длительность. Самое быстрое интервью заняло у меня около 25 минут, самое долгое – около полутора часов. Время заполнения бланка интервью зависело от многих факторов: от возраста респондента, его семейного положения, рода деятельности и времени, которое респондент мог затратить на интервью. В моей работе было два случая, когда респонденты, стремясь быстрее пройти опрос, отвечали односложно (Ангелина, 20 лет); Интервью занимает много времени, респонденты быстро устают, становятся рассеянными (Лилия, 31 год).

5. Сложности при проведении интервью лицом к лицу.

Возникали трудности во время опроса, когда в помещении находились посторонние люди и как-то участвовали в беседе. Иногда респондент сам обращался за помощью, иногда его домашние что-то подсказывали по своей инициативе (Александр, 20 лет); Проводил интервью с женщиной, у которой была кошка с серьезными проблемами со здоровьем. Женщина очень часто отвлекалась, чтобы побыть с кошкой или что-то сделать для нее (Роман, 22 года); Респонденты не хотели отвечать на вопросы, находясь у себя дома. Приходилось приспосабливаться и проводить интервью в машине, в парке, во дворе (Татьяна, 50 лет).

По завершении полевых работ интервьюеры отметили, что существует несколько сценариев развития событий при ответе респондентов на чувствительные вопросы. В случае идеального сценария человек осознает специфику мероприятия, хочет быть полезным, ему интересен итог, нравится чувство причастности к научному исследованию, он отвечает честно, говорит спокойным тоном. При удовлетворительном сценарии люди принимают участие в опросе по той причине, что попали в выборку, они отвечают открыто, не испытывая напряжения. Проблемный сценарий развития беседы обусловлен установкой респондента «некрасиво отказать». В такой ситуации опрашиваемый часто срывается, нервничает, дает неполную информацию, отказывается отвечать на отдельные вопросы. При неудовлетворительном сценарии респонденты изначально настроены негативно, в грубой форме отказываются отвечать на многие чувствительные вопросы, обвиняют и оскорбляют интервьюера.

Этап работы с информацией предполагает следующие действия: подготовку цифровой формы ввода социологической информации, мониторинг типичных ошибок, формирование базы социологических данных в формате SPSS, обработку социологической информации, подготовку файла синтаксиса SPSS с корректировками первичных данных, представление данных в формате *.sav для подготовки итогового аналитического отчета (содержащего линейные распределения ответов, таблицы сопряженности и расчет индексов).

По результатам исследования написан научный отчет, в котором указана методология проведенной работы, отмечены особенности системы брачно-семейных отношений в белорусском обществе, проанализированы семейные ценности и репродуктивные установки белорусов, уровень рождаемости в стране, межпоколенческие отношения и качество жизни населения.

Таким образом, исследование «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономиче-

ских условиях жизни белорусов» имеет научную и практическую значимость, предоставляя большой массив сведений для анализа демографических процессов в стране. Полученные данные микро- и макроуровня будут использованы при разработке мер по обеспечению демографической безопасности, в том числе по совершенствованию системы поддержки семей с детьми, улучшению условий их жизнедеятельности и повышению качества информационной работы, связанной с укреплением института семьи.

Библиографические ссылки

1. Ротман ДГ, Эмери Т. *Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Том 1, Методология и опыт проведения исследования «Поколения и гендер»*. Минск: Белсэнс; 2018.

2. Терещенко О, Кучера Т. *Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Том 2, Анализ результатов исследования «Поколения и гендер»*. Минск: Белсэнс; 2018.

References

1. Rotman DG, Emeri T. *Belarus': struktura sem'i, semeinye otnosheniya, reproduktivnoe povedenie. Tom 1, Metodologiya i opyt provedeniya issledovaniya «Pokoleniya i gender»* [Belarus: family structure, family relations, reproductive behaviour. Volume 1, Methodology and experience of the research «Generations and gender»]. Minsk: Belsens; 2018. Russian.

2. Tereshchenko O, Kuchera T. *Belarus': struktura sem'i, semeinye otnosheniya, reproduktivnoe povedenie. Tom 2, Analiz rezul'tatov issledovaniya «Pokoleniya i gender»* [Belarus: family structure, family relations, reproductive behaviour. Volume 2, Analysis of the results of the study «Generations and gender»]. Minsk: Belsens; 2018. Russian.

Статья поступила в редакцию 19.02.2024.
Received by editorial board 19.02.2024.

УДК 316.74:82(075)

ПРОСТРАНСТВО ЛИТЕРАТУРНЫХ ВКУСОВ БЕЛОРУССКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. М. БЕЛЬСКИЙ^{1), 2)}

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

²⁾Университет НАН Беларуси, ул. Радиальная, 38б, 220070, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Приведены результаты репрезентативного социологического исследования читательских предпочтений населения Республики Беларусь. Проанализирована обусловленность литературных вкусов белорусов такими предикторами, как уровень образования и половая принадлежность. Графически представлено пространство литературных предпочтений респондентов. Установлено, что женщины демонстрируют большую осведомленность о белорусских прозаиках и поэтах, чем мужчины. Кроме того, выявлено, что чем выше уровень образования белоруса, тем выше вероятность того, что он интересуется творчеством современных белорусских авторов.

Ключевые слова: литературные предпочтения; элитарная культура; уровень образования; половая принадлежность; социология культуры.

THE SPACE OF LITERARY TASTES OF BELARUSIAN READERS: SOCIOLOGICAL ASPECT

A. M. BELSKI^{a, b}

^aInstitute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

^bUniversity of the National Academy of Sciences of Belarus, 38b Radyjalnaja, Minsk 220070, Belarus

Abstract. The results of a representative sociological study of reading preferences of the population of the Republic of Belarus are presented. The dependence of the literary tastes of Belarusians on such predictors as level of education and sexual identity is analysed. The space of literary preferences of respondents is graphically presented. It has been established that women demonstrate greater awareness of Belarusian novelists and poets than men. In addition, the higher the level of education of a Belarusian, the higher the likelihood that he is interested in the work of contemporary Belarusian authors.

Keywords: literary preferences; elite culture; level of education; sexual identity; sociology of culture.

Введение

Потребление представляет собой использование определенных товаров или услуг в целях удовлетворения интересов социальных субъектов. В сфере куль-

туры этот процесс связан с обращением к артефактам из области кино, музыки, литературы, моды, живописи и т. д. Социология культурного потребления

Образец цитирования:

Бельский АМ. Пространство литературных вкусов белорусских читателей: социологический аспект. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;1:82–88.
EDN: HLLDMT

For citation:

Belski AM. The space of literary tastes of Belarusian readers: sociological aspect. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;1:82–88. Russian.
EDN: HLLDMT

Автор:

Александр Михайлович Бельский – кандидат социологических наук; руководитель Центра оперативных исследований¹⁾, доцент²⁾.

Author:

Alexander M. Belski, PhD (sociology); head of the Center of Operative Research^a, and associate professor^b.
oper@socio.bas-net.by

исследует явления, опосредующие практики использования продуктов и услуг культуры, а также предикторы, выступающие факторами культурных предпочтений населения.

В социологии культуры большинство научных изысканий и построенных на их основе интерпретаций практик потребления базируются на наличии определенной связи между принадлежностью субъектов-потребителей к определенным статусным группам и их предпочтениями. Так, граждане с высоким социальным статусом, вероятнее всего, будут приверженцами артефактов элитарной культуры, тогда как индивиды с более низким социальным статусом чаще будут интересоваться образцами массовой культуры [1–4]. Фундаментальным трудом на данную тему является работа П. Бурдьё «Различение: социальная критика суждения». Исследователь доказывает, что культурное потребление представляет собой не свободный выбор из многочисленных альтернатив, а скорее следование навязанному окружением культурному вкусу, позволяющему сделать весьма условный выбор из ограниченного числа статусных альтернатив [5]. Культурные предпочтения населения выступают своеобразными маркерами статусных групп, элементами легитимации их позиционной иерархии и дают возможность в некоторой степени отмежеваться от менее состоятельных граждан. П. Бурдьё обращает внимание на то, что литературные, художественные и музыкальные предпочтения тесно связаны с уровнем образования (измеренным по наличию и типу диплома или по количеству лет обучения) и социальным происхождением [5]. Индивид выражает свою позицию в обществе через интересы, которые, что логично, должны быть признаны другими членами общества. Интерес каждого социального актора в значительной мере является позиционным. Такие закономерности формируют контуры и порядок пересечения полей социального пространства, транслируя наличие явного гистерезиса культурных предпочтений [6]. Данная идея является достаточно смелой и ставит под сомнение, а иногда и отвергает ряд теорий, согласно которым для современного потребителя культурных продуктов характерно эклектичное микширование элементов элитарной и массовой культуры. Последнее обстоятельство обусловлено тем, что бурное развитие культурной индустрии сопровождается повышением доступности всех ее элементов [7].

Тезис о том, что статусная позиция социального субъекта закрепляет за ним необходимость демонстрировать определенные предпочтения в сфере культуры и отрицать все, что в общественном понимании им не соответствует, не представляется убедительным. Результаты исследований Р. О. Петерсона и Р. М. Керна показывают, что высшие слои общества если не «всеядны», то не так уж категорич-

ны по отношению к образцам неэлитарной культуры, как могло показаться изначально [8]. Вместе с тем отсутствие жесткой критики в адрес массовой культуры и информированность о наличии разных ее образцов не свидетельствуют о том, что все культурные продукты воспринимаются одинаково. Осведомленность о существовании определенных артефактов культуры не всегда предполагает вовлеченность в практики их потребления. Осознанность культурного потребления отражает понимание ценности того или иного культурного образца в зависимости не только от его статусной позиции, но и от содержания [9; 10]. Таким образом, представители высших слоев общества могут быть хорошо информированы о многочисленных культурных образцах и способны осознавать их различную ценность и смысловую нагрузку, тогда как представители групп населения с более низким социальным статусом могут быть не только менее осведомленными в этой области, но и часто не способными самостоятельно декодировать посыл произведения, а также идентифицировать их авторов [11].

Существование в обществе привилегированных статусных групп (имеющих при этом определенные культурные предпочтения) рассматривается в современном дискурсе как явление, чуждое миру всеобщего равенства возможностей. Дискуссионным является вопрос о половых различиях в освоении культурного пространства, а также сама возможность их обсуждать. Сторонники этого вектора исследований нередко сталкиваются с критикой со стороны тех специалистов, которые подчеркивают важность иных социальных факторов формирования культурных предпочтений. Однако гипотезы и тех и других ученых вызывают справедливый научный интерес [10]. Актуальность данной темы обусловлена и тем, что в советской социологической практике подобные исследования не имели систематического характера как ввиду ограничений, с которыми столкнулась социологическая наука в тот период, так и вследствие особой культурной политики тех времен (представителей рабочего класса активно приобщали к литературному и сценическому искусству с целью продемонстрировать всеобщую доступность артефактов высокой культуры). В те годы такие работы были эпизодическими и охватывали ограниченные выборки граждан, чаще всего молодежь, что не позволяло экстраполировать результаты на генеральную совокупность – население отдельной советской республики в частности или СССР в целом [12–14].

Изучение обозначенной темы ограничено методами сбора первичной социологической информации. Например, с помощью опроса можно получить данные, которые репрезентативно отражают мнения и предпочтения читательской аудитории страны. При этом невозможно сформировать объем

выборочной совокупности в количестве, которое позволило бы детализировать результаты исследования ввиду значительных временных и финансовых затрат. Перспективной здесь видится работа с большими данными, доступ к которым возможен в условиях перехода библиотек страны к использованию электронных формуляров. Электронные данные одной только Национальной библиотеки Беларуси по-

зволили бы детально описать читательские практики минчан. Исследование возможно провести на основании социально-демографических сведений формуляров (где указаны дата рождения, образование, занятость и другие характеристики читателей) и карточек книговыдачи, причем без обращения к сложным видам анализа (осуществляемым с помощью искусственного интеллекта).

Результаты и их обсуждение

Институт социологии НАН Беларуси ежегодно изучает читательские предпочтения населения Республики Беларусь. В январе – феврале 2023 г. опрос на данную тему проводился в Минске, во всех областных городах, а также в отдельных районных городах и сельских населенных пунктах. Выборочная совокупность была представлена 900 респондентами (средняя ошибка выборки составила 3 %). В качестве респондентов выступили белорусы в возрасте 18 лет и старше, читающие книги. К категории читателей себя относит примерно каждый 3-й житель нашей страны (30,5 %). Исследование проводилось с помощью телефонного опроса. Его результаты зафиксировали востребованность фондов библиотек среди белорусов. Каждый 2-й респондент (51,3 %) обозначил, что посещал библиотеки в течение последнего года. Данные сведения актуализируют перспективность использования цифровых записей библиотек в социологическом исследовании. Возможность провести сплошной анализ обширного количества данных нивелировала бы погрешности неучета в нем тех читателей, к которым книги попадают от друзей и знакомых, из магазина или интернета. Сведения о продаже книг в офлайн- и онлайн-магазинах представляют собой еще одну совокупность данных, которые, к сожалению, не мо-

гут быть персонифицированы, что сужает возможности анализа.

В ходе исследования респондентам было предложено назвать наиболее интересных для них белорусских прозаиков и поэтов. Можно было отметить несколько авторов. В последующем указанные персоналии были структурированы в отдельные единицы наблюдения и упорядочены по количеству упоминаний. Затруднились назвать наиболее интересных для них авторов 39,6 % участников исследования. Принимая во внимание актуальность проверки гипотезы о наличии (отсутствии) сегментации статусных групп, в качестве первого предиктора статусной позиции выделим уровень образования. При этом отметим, что он является не единственным маркером, свидетельствующим о высоком материальном и социальном статусе, однако имеет важное значение. Сегментация ответов респондентов по данному предиктору позволит определить наличие (отсутствие) так называемых элитарных и массовых предпочтений. В качестве второго предиктора будет выступать половая принадлежность респондентов, что позволит выявить закономерности в литературных предпочтениях мужчин и женщин. В табл. 1 приведены фамилии прозаиков и поэтов, наиболее часто упоминаемых респондентами.

Таблица 1

Литературные предпочтения белорусов
в зависимости от их половой принадлежности и уровня образования

Table 1

Literary preferences of Belarusians
depending on their sexual identity and level of education

Половая принадлежность	Уровень образования		
	Общее среднее	Среднее специальное и профессионально-техническое	Высшее
Мужчины	Якуб Колас Янка Купала Василь Быков Владимир Короткевич Максим Танк Иван Шамякин Михась Лыньков	Якуб Колас Янка Купала Василь Быков Владимир Короткевич Максим Танк Иван Шамякин Иван Мележ Янка Брыль Кондрат Крапива Николай Чергинец	Якуб Колас Янка Купала Василь Быков Владимир Короткевич Максим Танк Иван Шамякин Иван Мележ Максим Богданович Янка Мавр Светлана Алексиевич

Окончание табл. 1
Ending of the table 1

Половая принадлежность	Уровень образования		
	Общее среднее	Среднее специальное и профессионально-техническое	Высшее
Женщины	Якуб Колас Янка Купала Василь Быков Владимир Короткевич Максим Танк Иван Шамякин Иван Мележ Максим Богданович Янка Мавр	Якуб Колас Янка Купала Василь Быков Владимир Короткевич Максим Танк Иван Шамякин Иван Мележ Максим Богданович Кондрат Крапива Николай Чергинец Петрусь Бровка Алесь Адамович Рыгор Бородулин	Якуб Колас Янка Купала Василь Быков Владимир Короткевич Максим Танк Иван Шамякин Иван Мележ Максим Богданович Алесь Адамович Рыгор Бородулин Янка Брыль Светлана Алексиевич Наталья Батракова

В ходе опроса было выявлено наличие прямой зависимости читательских предпочтений респондентов от их половой принадлежности, а также от уровня образования. Однако данные закономерности фиксируются не в отношении условно мужских и женских или условно элитарных и массовых литературных предпочтений, а в отношении практик книгопочтения белорусов. Так, среди ответов мужчин и женщин, имеющих только общее среднее образование, фиксируются незначительные различия в рейтинге

наиболее часто упоминаемых авторов. При этом установлено, что мужчины предпочитают читать военную и приключенческую прозу (несколько чаще упоминались Василь Быков, Владимир Короткевич, Михась Лыньков), а женщины – романтические произведения (несколько чаще упоминались Якуб Колас, Янка Купала, Иван Шамякин, Иван Мележ). У женщин, имеющих только общее среднее образование, перечень любимых авторов в 1,5 раза больше, чем у мужчин с таким же уровнем образования (табл. 2).

Таблица 2

Количество наиболее часто упоминаемых белорусских авторов в зависимости от половой принадлежности и уровня образования респондентов

Table 2

Number of most frequently mentioned Belarusian authors depending on sexual identity and level of education of respondents

Половая принадлежность	Уровень образования		
	Общее среднее	Среднее специальное и профессионально-техническое	Высшее
Мужчины	15	19	22
Женщины	23	39	53

Респонденты со средним специальным и профессионально-техническим образованием смогли указать больше авторов, вызывающих у них интерес, чем респонденты, имеющие только общее среднее образование. При этом женщины назвали 39 фамилий белорусских прозаиков и поэтов, в то время как мужчины – только 19 фамилий. Это обусловлено тем, что женщины более конкретно выражают свои литературные предпочтения и лучше идентифицируют авторов. Кроме того, респонденты со средним специальным и профессионально-техническим образованием чаще упоминали современных белорусских авторов (например, Николая Чергинца), чем участники опроса, имеющие только общее среднее образование.

Обратимся к респондентам с высшим образованием. Женщины из данной группы смогли назвать в 2,4 раза больше интересных для них прозаиков и поэтов, чем мужчины. У женской аудитории в списке наиболее интересных авторов 53 фамилии, тогда как у мужской аудитории этот перечень изменился незначительно (добавились 3 фамилии). При этом среди любимых авторов чаще упоминаются современные писатели. Респонденты с высшим образованием чаще, чем респонденты с более низким уровнем образования, упоминали Алесь Адамовича и Светлану Алексиевич. Показательным является то, что классики белорусской литературы популярны среди аудитории с любым уровнем образования.

Опрос показал, что белорусские читатели представлены преимущественно женщинами старшей возрастной группы, имеющими высшее образование. Однако это не влияет на релевантность полученных закономерностей ввиду того, что мы учитываем не частоту, а сам факт упоминания конкретных авторов. Результаты исследования подтверждают ранее сделанный вывод о том, что белорусы с более высоким уровнем образования лучше осведомлены о белорусских литераторах (рис. 1 и 2), чем представители других групп. Идея П. Бурдьё о том, что культура жестко сегментирует население по статусу, подтверждает данный вывод лишь частично. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, чем ниже уровень образования со-

циальной группы, тем ниже вероятность того, что ее члены будут обсуждать современное состояние белорусской литературы. Исследование показало, что шесть из десяти респондентов (59,9 %) смогли назвать не только представителей литературного искусства, но и их произведения. Любимые белорусские авторы есть более чем у половины читательской аудитории страны (60,4 %). Изучение литературных предпочтений белорусского населения подтвердило идею Д. Б. Хольта о том, что сегментация вкусов книгочтения происходит скорее не по жанровому фактору, а по статусу авторов, произведения которых могут быть представлены в разных жанрах, однако иметь равную символическую позицию [15].

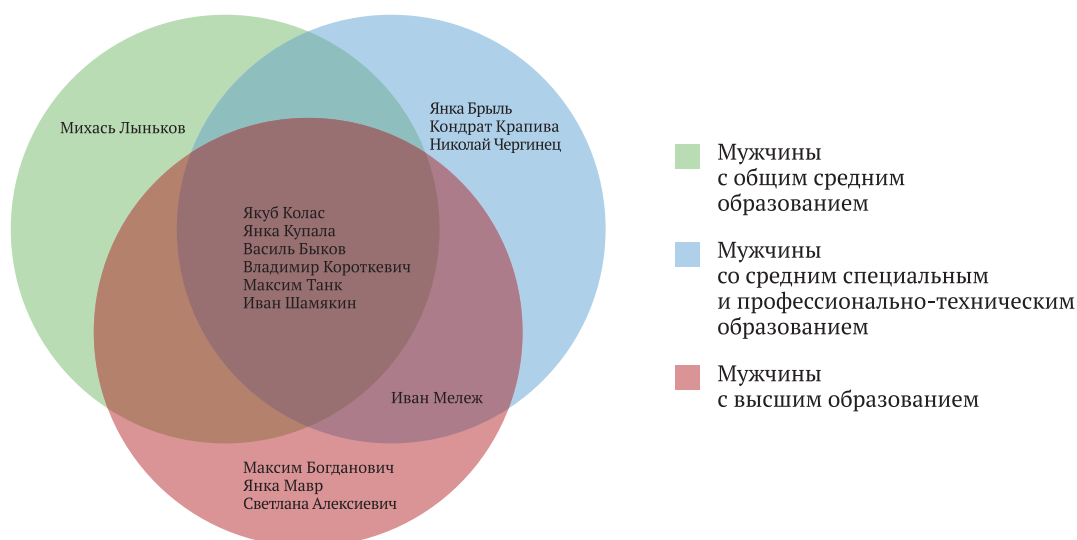

Рис. 1. Распределение литературных предпочтений мужчин в зависимости от их уровня образования
Fig. 1. Distribution of literary preferences of mens depending on their level of education

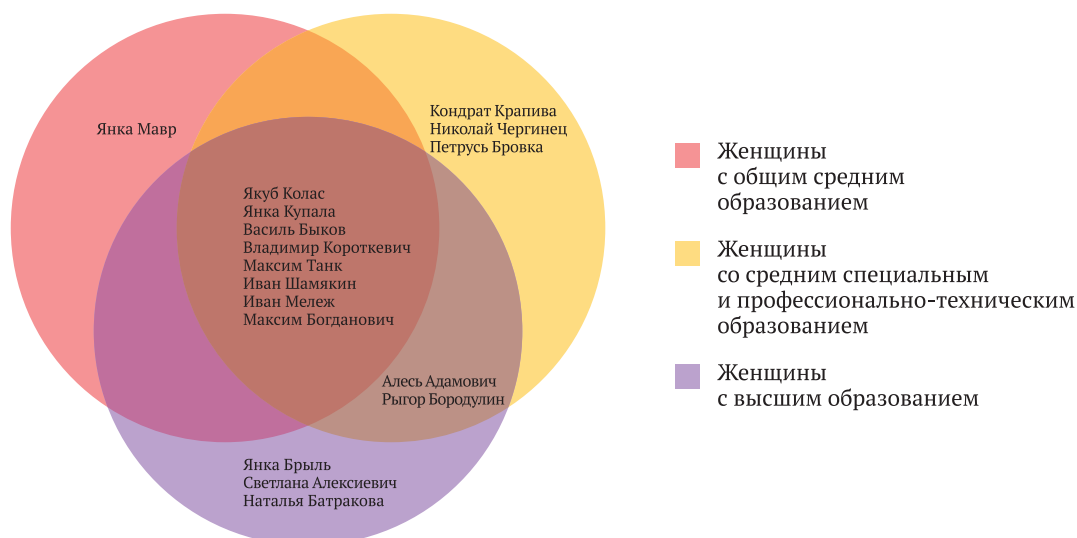

Рис. 2. Распределение литературных предпочтений женщин в зависимости от их уровня образования
Fig. 2. Distribution of literary preferences of women depending on their level of education

Представленный анализ касается уже сформированных литературных предпочтений белорусов. Перспективным видится анализ читательских практик младших и старших возрастных групп. Особый интерес для исследований представляет стремление родителей заинтересовать своих детей в чтении белорусскоязычной литературы. Так, желание того,

чтобы их дети или внуки читали по-белорусски, выразили 72,3 % респондентов. Каждый 2-й участник опроса (50,8 %) считает, что совместное чтение повышает интерес подрастающего поколения к книге, при этом 43,0 % респондентов указали на важность примера родителей в привитии детям любви к литературе.

Заключение

Классики белорусской литературы, вложившие в свои произведения фундаментальные смыслы, сформировали богатый культурный фонд, не теряющий актуальности и сегодня. Их труды более

привлекательны для читателей, чем работы современных авторов. Таким образом, белорусская читательская аудитория формирует свой литературный вкус благодаря классическим произведениям.

Библиографические ссылки

1. Самохина ММ. Кто и что сегодня читает и зачем им это нужно. *Новое литературное обозрение*. 2001;51:327–340.
2. Стефановская НА. Портрет современного читателя: чтение как духовная ценность. *Библиотечное дело*. 2004;11:5–8.
3. Стельмах ВД. Читатель и современное литературное сообщество: возможности диалога. В: Стельмах ВД, составитель. *Читающий мир и мир чтения*. Москва: Рудомино; 2003. с. 145–156.
4. Бутенко ИА. *Читатели и чтение на исходе XX века: социологические аспекты*. Москва: Наука; 1997. 132 с.
5. Бурдые П. Различение: социальная критика суждения. Кирчик ОИ, переводчик. В: Добрякова МС, переводчик; Радаев ВВ, редактор и составитель. *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики*. Москва: РОССПЭН; 2004. с. 356–398.
6. Стельмах ВД. Современная библиотека и ее пользователи. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2004;1:56–63.
7. Макдональд Д. Масскульт и мидкульт. *Российский ежегодник*. 1990;2:243–275.
8. Peterson RAu, Kern RM. Changing highbrow taste: from snob to omnivore. *American Sociological Review*. 1996;61(5): 900–907.
9. Самохина ММ. *Социолог в библиотеке, или Библиотекарь как социолог*. Москва: Российская государственная юношеская библиотека; 2008. 194 с.
10. Стельмах ВД, Лобачев НК, составители. *Книга и чтение в зеркале социологии*. Москва: Книжная палата; 1990. 207 с.
11. Bryson B. «Anything but heavy metal»: symbolic exclusion and musical dislikes. *American Sociological Review*. 1996; 61(5):884–899.
12. Мелентьева ЮП. От нации читателей к нации зрителей. Эволюция чтения и его изучения. *Библиотечное дело*. 2006;10:2–6.
13. Гусева ЛН. Читатель и пользователь: метаморфоза чтения в электронном мире. *Библиотечное дело*. 2004;2:2–5.
14. Чудинова ВП. Подросток в новой медиасреде: между книгой и экраном. В: Федоров ВВ, составитель. *Национальная библиотека в современном социокультурном пространстве. Румянцевские чтения – 2002. Выпуск 2, Доклады и сообщения*. Москва: Пашков дом; 2002. с. 199–206.
15. Holt DB. Does cultural capital structure American consumption? *Journal of Consumer Research*. 1998;25(1):1–25. DOI: 10.1086/209523.

References

1. Samokhina MM. [Who is reading what today and why do they need it]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2001;51:327–340. Russian.
2. Stefanovskaya NA. [Portrait of a modern reader: reading as a spiritual value]. *Bibliotechnoe delo*. 2004;11:5–8. Russian.
3. Stel'makh VD. [The reader and the modern literary community: the possibilities of dialogue]. In: Stel'makh VD, compiler. *Chitayushchii mir i mir chteniya* [The reading world and the world of reading]. Moscow: Rudomino; 2003. p. 145–156. Russian.
4. Butenko IA. *Chitateli i chtenie na iskhode XX veka: sotsiologicheskie aspekty* [Readers and reading at the end of the 20th century: sociological aspects]. Moscow: Nauka; 1997. 132 p. Russian.
5. Bourdieu P. [Distinction: a social critique of judgment]. Kirchik OI, translator. In: Dobryakova MS, translator; Ra-daev VV, editor and compiler. *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoi klassiki* [Western economic sociology: a textbook of modern classics]. Moscow: ROSSPEN; 2004. p. 356–398. Russian.
6. Stel'makh VD. Modern library and its users. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. 2004;1:56–63. Russian.
7. Makdonal'd D. [Masskul't i midkul't]. *Rossiiskii ezhegodnik*. 1990;2:243–275. Russian.
8. Peterson RAu, Kern RM. Changing highbrow taste: from snob to omnivore. *American Sociological Review*. 1996;61(5): 900–907.
9. Samokhina MM. *Sotsiolog v biblioteke, ili Bibliotekar' kak sotsiolog* [A sociologist in the library, or A librarian as a sociologist]. Moscow: Rossiiskaya gosudarstvennaya yunosheskaya biblioteka; 2008. 194 p. Russian.

10. Stel'makh VD, Lobachev NK, compilers. *Kniga i chtenie v zerkale sotsiologii* [Book and reading in the mirror of sociology]. Moscow: Knizhnaya palata; 1990. 207 p. Russian.
11. Bryson B. «Anything but heavy metal»: symbolic exclusion and musical dislikes. *American Sociological Review*. 1996; 61(5):884–899.
12. Melent'eva YuP. [From a nation of readers to a nation of viewers. The evolution of reading and its study]. *Bibliotechnoe delo*. 2006;10:2–6. Russian.
13. Guseva LN. [Reader and user: the metamorphosis of reading in the electronic world]. *Bibliotechnoe delo*. 2004;2:2–5. Russian.
14. Chudinova VP. [A teenager in a new media environment: between a book and a screen]. In: Fedorov VV, compiler. *Natsional'naya biblioteka v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve. Rumyantsevskie chteniya – 2002. Vypusk 2, Doklady i soobshcheniya* [The national library in the modern socio-cultural space. Rumyantsev readings – 2002. Issue 2, Reports and communications]. Moscow: Pashkov dom; 2002. p. 199–206. Russian.
15. Holt DB. Does cultural capital structure American consumption? *Journal of Consumer Research*. 1998;25(1):1–25. DOI: 10.1086/209523.

Статья поступила в редколлегию 28.12.2023.
Received by editorial board 28.12.2023.

УДК 316.344.34(476)

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ
УСПЕШНОГО БЕЛОРУССКОГО РАБОТНИКА
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА:
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ
И ПЕРСОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ**

А. И. ДЕНИСКИНА¹⁾

¹⁾*Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Исследуется процесс цифровизации, наблюдающийся во всех сферах профессиональной деятельности. Представляется дескриптивная модель эволюции ключевых факторов конкурентоспособности работника. Рассматривается становление новой архитектуры востребованных профессиональных компетенций, а также связанные с этим социальные риски. Предлагается методика социологического исследования профессиональных цифровых компетенций. Отмечается, что в условиях модернизации предприятий повышение персональной конкурентоспособности работника посредством освоения цифровых навыков обеспечит его своевременное интегрирование в социально-экономическую структуру цифрового рынка труда.

Ключевые слова: цифровизация; профессиональные цифровые компетенции; конкурентоспособность; цифровая трансформация; методика; карьерные достижения.

**SOCIAL PORTRAIT
OF A SUCCESSFUL BELARUSIAN EMPLOYEE
IN THE CONTEXT OF DIGITALISATION OF SOCIETY:
PROFESSIONAL DIGITAL COMPETENCIES
AND PERSONAL COMPETITIVENESS**

A. I. DENISKINA^a

^a*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

Abstract. The process of digitalisation observed in all spheres of professional activity is being investigated. A descriptive model of the evolution of key factors of employee competitiveness is presented. The formation of a new architecture of demanded professional competencies and the associated social risks are considered. The methodology of sociological research of professional digital competencies is proposed. It is noted that in the conditions of modernisation of enterprises, increasing the personal competitiveness of an employee through the development of digital skills will ensure his timely integration into the socio-economic structure of the digital labour market.

Keywords: digitalisation; professional digital competencies; competitiveness; digital transformation; methodology; career achievements.

Образец цитирования:

Денискина АИ. Социальный портрет успешного белорусского работника в условиях цифровизации общества: профессиональные цифровые компетенции и персональная конкурентоспособность. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;1:89–94. EDN: HMGQXO

For citation:

Deniskina AI. Social portrait of a successful Belarusian employee in the context of digitalisation of society: professional digital competencies and personal competitiveness. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;1: 89–94. Russian. EDN: HMGQXO

Автор:

Анна Игоревна Денискина – научный сотрудник.

Author:

Anna I. Deniskina, researcher.
deniskina4j@gmail.com

Введение

Цифровая трансформация общества, обусловленная внедрением информационных технологий во все сферы человеческой деятельности, кардинально изменила условия функционирования рынка труда. Возникла потребность в подготовке специалистов нового типа, способных быстро адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. Процесс цифровизации профессиональной среды видоизменил архитектуру востребованных профессиональных компетенций. Сегодня ключевым условием обеспечения конкурентоспособности работника выступает наличие у него цифровых компетенций. Приобретение и применение цифровых навыков становятся важной характеристикой профессиональной успешности работника на рынке труда и стимулируют устойчивое развитие общества.

В Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г.¹ подчеркивается необходимость повышения конкурентоспособности рабочей силы. Государственные программы «Рынок труда и содействие занятости»² и «Цифровое развитие Беларуси»³ ориентированы на стимулирование кадров к обучению и переподготовку кадров на протяжении всего периода их трудовой деятельности.

Активное использование современных технологий в профессиональной сфере повышает риск цифровой дискриминации. Освоение работником цифровых навыков и их применение в трудовой деятельности позволят избежать подобных проблем и будут способствовать его профессиональному развитию и успешной адаптации в цифровой среде.

Эволюция детерминантов конкурентоспособности

Способность работника улучшить свою позицию на рынке труда является объектом научного изучения еще со времен становления классической политической экономии А. Смита [1]. В дальнейшем экономические аспекты конкуренции изучались К. Марксом [2] и А. Маршаллом [3]. М. Вебер [4], Г. Спенсер [5], Э. Дюркгейм [6] и Й. Шумпетер [7] указывали на естественные причины конкуренции и ее связь с социальным расслоением, причем М. Вебер и Г. Спенсер подчеркивали роль конкуренции в социальной сплоченности и экономическом развитии общества. М. Портер⁴ разработал концепцию конкурентного преимущества. Р. М. Титмусс [8], в свою очередь, создал концепцию социального баланса. Значительный вклад в изучение спроса и предложения на рынке труда внесли лауреаты Нобелевской премии по экономике П. Даймонд, Д. Мортенсен, К. Писсаридес, Д. Кард, Дж. Ангрис и Г. Имбенс. В ходе исследований они обнаружили, что несоответствие запросов соискателей и работодателей может приводить к росту безработицы, несмотря на наличие множества вакансий. В этой ситуации активные меры (например, обучение безработных) являются более эффективными, чем пассивные меры (увеличение пособий по безработице). В работах белорусских ученых Г. Н. Соколовой [9] и С. А. Шавеля [10] описаны важнейшие аспекты трудовой конкуренции, а также специфика ее воздействия на общество. Г. Н. Соколова подчер-

кивает значимость закона конкуренции в стимулировании эффективности инноваций. В публикациях С. А. Шавеля внимание сосредоточено на методиках оценки личностных качеств современного специалиста, а также на инструментах для точного анализа его профессионального потенциала.

Изучение отечественных и зарубежных исследований, посвященных экономическим и социальным аспектам функционирования закона конкуренции и проявления конкурентоспособности работников, позволило нам проанализировать сложные и нередко противоречивые процессы на рынке труда в разные исторические периоды и в условиях разной экономической политики. Проведенный анализ дал возможность сделать вывод о том, что персональная конкурентоспособность работника – это способность индивида, являющегося членом конкретного общества с определенной системой экономических отношений, производить и (или) распределять в свою пользу субъективно желаемую долю благ посредством своего труда в условиях ограниченных ресурсов.

Эволюция факторов конкурентоспособности работников, которая непосредственно связана с формированием новых стратегий их поведения на рынке труда, может быть представлена в виде дескриптивной модели. Данная модель демонстрирует поэтапное изменение приоритетных факторов профессиональной востребованности индивида. До середины XVIII в.

¹Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2035-goda.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).

²О государственной программе «Рынок труда и содействие занятости» на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 дек. 2020 г. № 777 // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

³Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. // Министерство связи и информатизации: сайт. URL: <https://mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoe-razvitie-belarusi-na-2021-2025-gody.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).

⁴Портер М. Конкурентные преимущества. Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость: учеб. пособие / пер. Е. Ю. Калининой. М.: Альпина бизнес букс, 2008. 715 с.

ключевыми факторами конкурентоспособности работника являлись физическая выносливость и наличие интеллектуальных знаний, достаточных для освоения трудовых функций и адекватной реакции на базовые управленческие практики. Во второй половине XVIII – XX в. указанные факторы конкурентоспособности остались необходимыми, но утратили статус достаточных, уступив лидирующие позиции образованности, исполнительности и ответственности. В последней трети XX – начале XXI в. (до масштабной цифровизации) ключевыми факторами конкурентоспособности являлись креативность, адаптивность и инициативность. В XXI в. интеграция новых технологий в производственный процесс формирует новую архитектуру профессиональных компетенций: актуализирует такие факторы профессио-

нальной востребованности индивида, как цифровая грамотность, самоорганизованность и критическое мышление.

Согласно данным республиканского социологического исследования⁵ работники, которые научились комбинировать свои профессиональные навыки, имеют ряд преимуществ в цифровой экономике. Одним из важнейших условий успешной адаптации специалиста к цифровым новшествам выступает двустороннее сотрудничество. Оно подразумевает, с одной стороны, действия государственных органов по включению работающего населения страны в цифровые практики, а с другой стороны, активность работников, которая выражается в их стремлении к освоению цифровых навыков.

Методика исследования

Анализ программ цифрового развития ряда стран (Республика Беларусь, Российская Федерация, Дания, Япония и др.) позволяет отметить, что ввиду стремительного изменения требований к современному работнику обучение населения цифровым компетенциям становится одной из ключевых задач государства. В связи с этим сегодня реализуется ряд глобальных инициатив и локальных проектов, осуществляемых Организацией экономического сотрудничества и развития, Международным союзом электросвязи, Европейской комиссией, Бостонской консалтинговой группой, Всероссийским центром изучения общественного мышления, Аналитическим центром Национального агентства финансовых исследований и т. д.

В настоящее время единого научного подхода к оценке цифровых компетенций не существует. В данной статье под профессиональными цифровыми компетенциями (ПЦК) подразумевается совокупность знаний и навыков освоения цифровых программ, сервисов и технического оборудования, использующего цифровые технологии, и их внедрения в профессиональную деятельность.

Большинство методик оценки цифровых компетенций населения нацелены на получение конкретных показателей, позволяющих представить статистические данные по человеческим ресурсам в развивающейся цифровой экономике (что удобно для постранового сравнения). Однако использование таких методик имеет ряд недостатков: отсутствие возможности эксплицирования интегрированных показателей на профессиональную деятельность работающего населения в целом; сбор данных только на основе деятельности, связанной с работой респондентов на персональном компью-

тере; отсутствие четкой рамки градации компетенций по группам; невозможность определить, насколько цифровые навыки, включенные в перечень исследуемых, необходимы и востребованы в профессиональной деятельности респондентов. Указанные недостатки методик не позволяют объективно оценить уровень цифровых компетенций работников в профессиональной среде. В связи с этим нами разработана методика, способная дать интегральную обобщенную оценку ПЦК работающего населения Республики Беларусь.

Согласно данной методике в основе моделирования интегральных показателей лежит самооценка работниками своих знаний и навыков, связанных с освоением цифровых программ, сервисов и технического оборудования и их внедрением в профессиональную деятельность. На первоначальном этапе востребованные на цифровом рынке труда навыки были условно объединены в 3 группы:

- навыки практической работы с цифровыми программами, сервисами и оборудованием, использующим цифровые технологии;
- навыки обучения, в частности умение осваивать цифровые технологии и интегрировать их в рабочий процесс, а также способность адаптироваться к цифровым новшествам;
- навыки планирования освоения цифровых программ, сервисов или оборудования, использующего цифровые технологии.

Для каждой группы навыков был разработан соответствующий набор индикаторов⁶ (вопросов), где каждому варианту ответа респондента присваивался коэффициент. Было сформировано 6 групп коэффициентов, комбинация которых позволила определить уровень ПЦК работников.

⁵Республиканское социологическое исследование проводилось Институтом социологии НАН Беларуси в сентябре – октябре 2021 г. Объем выборки составил 1507 человек, ошибка выборки не превысила $\pm 2,52$ %.

⁶Индикаторы были включены в инструментарий республиканского социологического исследования, проводившегося Институтом социологии НАН Беларуси в сентябре – октябре 2021 г.

Для последующих вычислений использовался метод аналитической иерархии. С его помощью была определена относительная значимость критериев и показателей через их попарное сравне-

ние [11]. Далее в зависимости от вариантов ответов по всем группам коэффициентов для каждого респондента был рассчитан показатель уровня ПЦК в диапазоне от 0 до 1.

Результаты исследования

В зависимости от уровня ПЦК респонденты были распределены по группам (см. таблицу).

Анализ профессиональных достижений работников показал, что представители группы с высоким уровнем ПЦК не только обладают знаниями и на-

выками в области цифровых технологий, но и демонстрируют их эффективное применение в рамках своей трудовой деятельности. Такие работники играют ключевую роль в популяризации новых, цифровых, форм труда.

Распределение работников по группам в зависимости от уровня ПЦК

Distribution of employees into groups depending on the level of professional digital competencies

Уровень ПЦК	Диапазон значений показателя	Характеристика работников	Доля в общей численности работающего населения, %
Низкий	0–0,2	Отличаются низкой активностью в осуществлении цифровых профессиональных практик, не проявляют интереса к освоению новых технологий	23,6
Ниже среднего	0,2–0,4	Не обладают достаточным потенциалом для успешной адаптации к цифровым новшествам в профессиональной сфере	13,1
Средний	0,4–0,6	Склонны к инертности, но способны повысить свой уровень цифровых компетенций при наличии стимулов	19,5
Выше среднего	0,6–0,8	Готовы развивать свои цифровые компетенции в долгосрочной перспективе	19,8
Высокий	0,8–1,0	Проявляют активность в цифровой трудовой деятельности, мотивированы к освоению новых цифровых навыков	24,0

В условиях цифровизации общества на профессиональную мобильность работников влияет возрастной фактор. В группе работников с высоким уровнем ПЦК меньше всего лиц в возрасте старше 50 лет (15,1 %), в то время как доля лиц в возрасте 40–49 лет составляет 22,9 %, доля лиц в возрасте 30–39 лет – 31,7 %, а доля лиц в возрасте до 30 лет – 30,2 %. По сравнению с представителями других групп работники с высоким уровнем ПЦК являются наиболее молодыми, что обеспечивает их активную вовлеченность в цифровые практики как в профессиональной деятельности, так и в повседневной жизни.

Региональное распределение работников с высоким уровнем ПЦК характеризуется неравномерностью. По количеству таких работников лидируют Минск и Минская область (29,3 и 19,0 % соответственно). В Брестской, Витебской и Могилёвской областях доля работников с высоким уровнем ПЦК составляет 11,7; 10,7 и 11,2 % соответственно. В Гомельской и Гродненской областях их насчитывается

еще меньше (9,3 и 8,8 % соответственно). Характеристика группы работников с высоким уровнем ПЦК в разрезе основных социальных категорий представлена на рисунке.

Анализ карьерных и профессиональных достижений работников выявил следующие закономерности: значительному количеству работников с высоким показателем ПЦК удалось найти более высокооплачиваемую работу (35,6 %), увеличить доход (58,9 %), повысить квалификацию (70,4 %), получить дополнительное образование, профиль которого не связан с профессией (42,6 %), продвинуться по карьерной лестнице (31,2 %) и улучшить финансовое положение (44,6 %).

Почти все работники с высоким показателем ПЦК (98,5 %) активно участвуют во внедрении технических новшеств в работу. При этом около 82,4 % из них в последние 5 лет столкнулись с модернизацией оборудования или программного обеспечения на своих рабочих местах. Практически все представители данной группы (98,0 %) выразили намерение овладеть

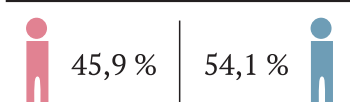
цифровыми навыками. Такой подход является частью активной стратегии адаптации работника, которая обеспечивает ему высокую профессиональную эффективность и уверенность в сохранении своего трудово-

го места. Работники с высоким показателем ПЦК наиболее интегрированы в цифровую профессиональную среду, что свидетельствует об их успешной адаптации к новым формам профессиональной активности.

ОБРАЗОВАНИЕ

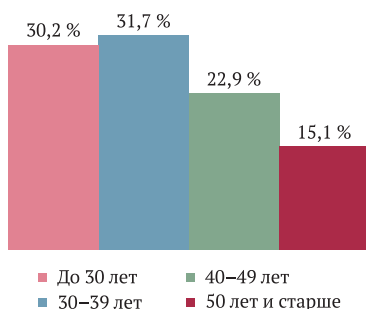
ПОЛ

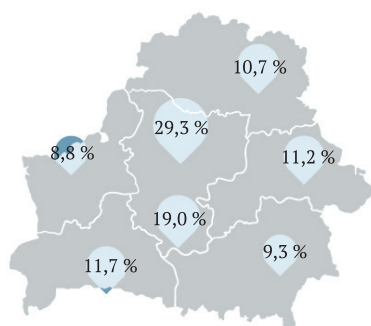
СЕМЬЯ

ВОЗРАСТ

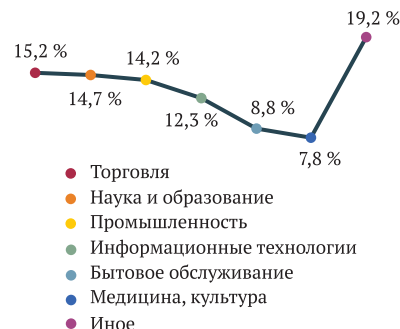
ГЕОГРАФИЯ

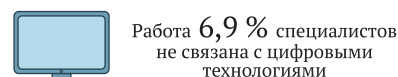
ЦЕННОСТИ В РАБОТЕ

РАБОТА

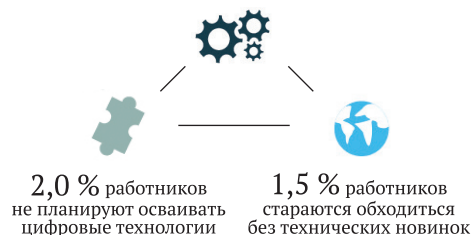

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

СТРАТЕГИИ

29,9 % работников считают, что успешно трудоустроиться можно и без знания цифровых технологий

Портрет успешного белорусского работника в разрезе основных социальных категорий
Portrait of a successful Belarusian employee in the context of the main social categories

Заключение

Таким образом, карьерный рост работников с высоким уровнем ПЦК обусловлен их способностью быстро адаптироваться к новым профессиональным требованиям и постоянно повышать свой уровень знаний. Для таких специалистов характерны эффективная самоорганизация, инициативность в применении новых цифровых навыков и самомотивация. Они стремятся повысить свой социальный и профессиональный статус.

Работники, обладающие высокой компетентностью, осознают связь между освоением цифровых навыков и увеличением дохода, что стимулирует их к овладению новыми компетенциями. Следовательно, повышение уровня ПЦК предоставляет воз-

можности для карьерного роста, перехода на более высокооплачиваемую должность, выполнения дополнительных профессиональных задач, успешного инвестирования в свое обучение и т. д.

Применение цифровых технологий приобретает все большую значимость во многих профессиональных областях. Овладение цифровыми компетенциями облегчает адаптацию к внедрению новых технологий, инструментов и процессов. Умение работать с программным обеспечением и цифровым оборудованием становится необходимым условием конкурентоспособности специалиста на рынке труда и его успешной профессиональной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Ключкин П, переводчик. Москва: Эксмо; 2016. 1056 с.
2. Маркс К, Энгельс Ф. *Манифест Коммунистической партии*. Санкт-Петербург: Азбука; 2023. 384 с.
3. Маршалл А. *Принципы политической экономии. Том 1*. Столпер РИ, переводчик; Никитин СМ, редактор. Москва: Прогресс; 1993. 169 с.
4. Вебер М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Том 1, Социология*. Ионин ЛГ, редактор. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2016. 445 с.
5. Спенсер Г. *Основные начала*. Москва: ЕЕ медиа; 2013. 476 с.
6. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда*. Гофман АБ, переводчик. Москва: Канон; 1996. 432 с.
7. Шумпетер Й. *Капитализм, социализм и демократия*. Автономов ВС, переводчик. Москва: Экономика; 1995. 540 с.
8. Titmuss RM. *The gift relationship: from human blood to social policy*. London: Policy Press; 2019. 356 p.
9. Соколова ГН. *Экономическая социология*. Минск: Навука і тэхніка; 1995. 255 с.
10. Шавель СА. Методологические основы оценки кадров в контексте инновационного развития. *Социология*. 2007;3:69–87.
11. Саати Т. *Принятие решений. Метод анализа иерархий*. Вачнадзе РГ, переводчик. Москва: Радио и связь; 1993. 278 с.

References

1. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Research on the nature and causes of the wealth of nations]. Moscow: Eksmo; 2016. 1056 p. Russian.
2. Marx K, Engels F. *Manifest Kommunisticheskoi partii* [Manifesto of the Communist Party]. Saint Petersburg: Azbuka; 2023. 384 p. Russian.
3. Marshall A. *Printsipy politicheskoi ekonomii. Tom 1* [Principles of economics. Volume 1]. Stolper RI, translator; Nikitin SM, editor. Moscow: Progress; 1993. 169 p. Russian.
4. Weber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii. Tom 1, Sotsiologiya* [Economy and society: essays on understanding sociology. Volume 1, Sociology]. Ionin LG, editor. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2016. 445 p. Russian.
5. Spencer G. *Osnovnye nachala* [Basic principles]. Moscow: EE media; 2013. 476 p. Russian.
6. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labour]. Gofman AB, translator. Moscow: Kanon; 1996. 432 p. Russian.
7. Schumpeter J. *Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Capitalism, socialism and democracy]. Avtonomov VS, translator. Moscow: Ekonomika; 1995. 540 p. Russian.
8. Titmuss RM. *The gift relationship: from human blood to social policy*. London: Policy Press; 2019. 356 p.
9. Sokolova GN. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. Minsk: Navuka i tehnika; 1995. 255 p. Russian.
10. Shavel' SA. [Methodological foundations for personnel assessment in the context of innovative development]. *Sotsiologiya*. 2007;3:69–87. Russian.
11. Saati T. *Prinyatie reshenii. Metod analiza ierarkhii* [Decision making. Method of analysis of hierarchies]. Vachnadze RG, translator. Moscow: Radio i svyaz'; 1993. 278 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 19.02.2024.
Received by editorial board 19.02.2024.

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Ванда Ивановна
РУСЕЦКАЯ**

**Vanda Ivanovna
RUSETSKAYA**

В начале января на 79-м году ушла из жизни известный белорусский ученый, доктор социологических наук, профессор Ванда Ивановна Русецкая. Она была невероятно ярким, талантливым, жизнерадостным человеком. Коллеги знали ее как трудолюбивого, ответственного социолога.

В. И. Русецкая родилась 13 августа 1945 в г. Торунь (Польша) в семье военнослужащих. Родители Ванды Ивановны служили в дивизии имени Тадеуша Костюшко, сформированной на территории Советского Союза и принимавшей активное участие в борьбе с гитлеровцами. После окончания военной службы семья Русецких обосновалась в Забайкалье. Ванда Ивановна окончила Читинский государственный педагогический институт имени Н. Г. Чернышевского в 1967 г.

В Беларусь В. И. Русецкая переехала вместе с мужем, который был военнослужащим. В 1974–1990 гг. она работала старшим лаборантом, затем младшим, старшим, ведущим научным сотрудником Института философии и права Академии наук БССР, в 1991–1999 гг. – ведущим, а затем главным научным сотрудником,

заведующим отделом социологии культуры Института социологии НАН Беларуси. Таким образом, более 40 лет жизни Ванда Ивановна посвятила работе в академии. Она была из первого набора сотрудников Института социологии НАН Беларуси, когда приходилось начинать все с нуля: собирать коллектив, определять направление деятельности, доказывать эффективность исследований. Возможно, именно это обстоятельство позволило В. И. Русецкой состояться как профессионалу, стать лидером в области социологии культуры, этносоциологии и социологии пограничья.

В 1982 г. Ванда Ивановна защитила кандидатскую диссертацию «Коллективистская сущность общественных отношений при социализме», а в 1992 г. – докторскую диссертацию «Взаимодействие коллективных и индивидуальных факторов в научной деятельности». Важными направлениями ее исследований являлись социальные аспекты деятельности производственных и научных коллективов, развитие национальных культур в Беларуси. В. И. Русецкая активно участвовала в крупных международных

и общенациональных научных проектах. Под ее руководством защищено пять кандидатских диссертаций.

Полученные В. И. Русецкой результаты научных изысканий обогатили отечественную социологическую науку новыми знаниями, стали основой индивидуальных и коллективных монографий, научных статей, докладов на международных конференциях. Профессор В. И. Русецкая является автором более 100 научных работ. Среди них следует назвать такие публикации, как «Роль коллективных начал социализма в формировании личности» (1983), «Коллективистская сущность общественных отношений социализма» (1984), «Трудовой коллектив – центральное звено перестройки» (1989), «Взаимодействие индивидуальных и организационных факторов в научной деятельности» (1991), «Социодинамика научного коллектива» (1993), «Особенности этнонациональной

и религиозной идентификации населения в контексте социально-политической трансформации Беларуси» (1996), «О социологии пограничья» (2000), «Этнонациональное и религиозное самоопределение белорусов» (2002, в соавторстве). В. И. Русецкая является лауреатом премии НАН Беларуси за лучшую коллективную работу по общественным наукам.

Друзьям и коллегам Ванда Ивановна запомнится как профессионал самого высокого уровня, интеллигентный и добропорядочный человек. Она всегда была открыта людям, никогда не пряталась за чужие спины, не боялась высказывать свое мнение и обладала невероятной обаятельностью. Для всех, кто знал Ванду Ивановну, ее уход из жизни стал невосполнимой утратой.

Е. М. Бабосов¹, А. Н. Данилов², Н. Л. Мысливец³

¹Евгений Михайлович Бабосов – академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси.

Evgenii M. Babosov, academician of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (philosophy), full professor; chief researcher at the Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus.

E-mail: *babosov@yandex.ru*

²Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: *a.danilov@tut.by*

³Николай Леонтьевич Мысливец – кандидат социологических наук, доцент; директор Института социологии НАН Беларуси.

Nikolay L. Myslivets, PhD (sociology), docent; director of the Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus.

E-mail: *n.myslivets@gmail.com*

**Георгий Михайлович
ЕВЕЛЬКИН**

**Georgii Mikhailovich
EVEL'KIN**

Когда работа над номером была уже на завершающем этапе, пришла печальная новость о смерти известного белорусского социолога и психолога, кандидата медицинских наук, доктора социологических наук, профессора Георгия Михайловича Евелькина.

Г. М. Евелькин родился 5 мая 1944 г. в г. Кандалякша (Мурманская область, Россия). Его отец был боевым летчиком, мать работала в медицинской сфере. После успешного окончания средней школы молодой человек задумывался о профессии физика, но поступил в Иркутский медицинский институт. В 1972 г. в этом же учебном заведении он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук.

Главным делом жизни Георгия Михайловича стала защита родины, а именно служба в органах государственной безопасности и работа с курсантами Института национальной безопасности Республики Беларусь (сегодня Академия национальной безопасности Республики Беларусь). В 1994 г. по результатам защиты диссертации Г. М. Евелькину была присвоена ученая степень доктора социологических наук, в этом же году он получил ученое звание профессора.

В 1996–2000 гг. Георгий Михайлович руководил созданной им социологической службой «Ольхон», затем до 2009 г. работал директором Института социологии НАН Беларуси. В Институте национальной безопасности Республики Беларусь Г. М. Евелькин был преподавателем и заведующим кафедрой психологии и социологии, в последние годы трудился на должности профессора кафедры оперативной психологии. Георгий Михайлович зарекомендовал себя ответственным специалистом и прекрасным педагогом. Он всегда пользовался уважением коллег и курсантов.

Ученый специализировался в области социальной психологии, социологии и психологии труда,

методологии и методики изучения профессиональной деятельности. Им разработаны оригинальные методики многомерного шкалирования и обработки документов, позволяющие получать достоверную информацию во время изучения профессиональной социализации личности. Под научным руководством Г. М. Евелькина и при его активном участии выполнен ряд крупных социологических исследований, посвященных социальным процессам и структурным изменениям в белорусском обществе, а также трансформации научных кадров. Георгий Михайлович подготовил 6 кандидатов наук, написал более 250 научных и научно-методических работ, в том числе 17 монографий и 15 учебных пособий.

Георгий Михайлович Евелькин был объективным и принципиальным экспертом. В 1998–2004 гг. он возглавлял экспертный совет Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь по социологическим и политическим наукам, долгое время руководил советом по защите докторских диссертаций при Институте социологии НАН Беларуси. В последние годы его часто приглашали в качестве рецензента, оппонента и эксперта на рассмотрение научных отчетов и защиту диссертаций. Профессор Георгий Михайлович являлся членом Международной ассоциации «Человек. Культура. Общество», входил в состав правления общественного объединения «Социологическое общество» и редакционных коллегий многих научных изданий.

Г. М. Евелькин всегда отдавался работе: преподавал, писал, консультировал. К своему 80-летию он готовился приурочить издание 3-томной монографии, посвященной социально-психологическим проблемам профессиональной деятельности. В этом труде профессор намеревался обобщить богатый опыт своей научной работы.

Друзьям, коллегам и ученикам Г. М. Евелькин запомнится элегантным и приветливым человеком. Он отличался искренностью и готовностью прийти на помощь в трудную минуту. Георгий Михайлович внес большой вклад в развитие социологической на-

уки в нашей стране, чем заслужил высокий авторитет в профессиональном сообществе. Верится, что память о нем будет долгой и светлой.

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 316.334.56(06)

Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города [Электронный ресурс] : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 30 нояб. 2023 г.) / БГУ ; [редкол.: И. В. Пинчук (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 508 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/310030>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 06.03.2024, № 004106032024.

Представлены материалы докладов участников Международной научно-практической конференции «Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города», которая состоялась 30 ноября 2023 г. на факультете философии и социальных наук БГУ. Сборник адресуется теоретикам и практикам градостроения, научным и педагогическим работникам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется актуальными проблемами урбанистики и современных социально-гуманитарных дисциплин, предметом изучения которых является городская среда.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Давид Генрихович Ротман	4
Неоконченное интервью	6

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Антонович И. И.</i> Приоритеты геополитики в контексте кризиса однополярного мира	8
<i>Злотников А. Г.</i> Объективные и субъективные факторы демографического развития Республики Беларусь	14
<i>Щербин В. К.</i> Многообразие типов новой экономики и подходы к их изучению	21

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Данилов А. Н.</i> Ответ университетов на новые вызовы времени: синтез традиций и новаций	32
<i>Неделевская И. Г.</i> Концептуализация социальной субъектности молодежи в социологических исследованиях советского и постсоветского периодов	37
<i>Сакович А. Ю.</i> Социология провинции как новое исследовательское направление	45

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

<i>Пунченко О. П., Водопьянов П. А.</i> Формирование и развитие ноосферного вектора в образовательной парадигме XXI в.	51
<i>Дюбкова-Жерносек Т. П.</i> Развитие экологической культуры студентов при реализации эвристического подхода к обучению	57
<i>Курилович Н. В.</i> Информационная культура преподавателей Белорусского государственного университета	66

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Белов А. А., Похомова А. А., Соглаева Л. А., Филинская Л. В.</i> Лонгитюдное исследование белорусской семьи по методологии программы «Поколения и гендер»	74
<i>Бельский А. М.</i> Пространство литературных вкусов белорусских читателей: социологический аспект	82
<i>Денискина А. И.</i> Социальный портрет успешного белорусского работника в условиях цифровизации общества: профессиональные цифровые компетенции и персональная конкурентоспособность	89

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Ванда Ивановна Русецкая	95
Георгий Михайлович Евелькин	97
Аннотации депонированных в БГУ работ	99

CONTENTS

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

David Genrikhovich Rotman	4
An unfinished interview	6

ARTICLES AND REPORTS

<i>Antonovich I. I.</i> Priorities of geopolitics in the context of the crisis of the unipolar world	8
<i>Zlotnikov A. G.</i> Objective and subjective factors of demographic development of the Republic of Belarus	14
<i>Shcherbin V. K.</i> Diversity of types of new economy and approaches to their study	21

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Danilov A. N.</i> Universities' response to new challenges of the time: synthesis of traditions and innovations	32
<i>Nedelevskaya I. G.</i> Conceptualisation of the social agency of youth in sociological studies of the Soviet and post-Soviet periods	37
<i>Sakovich A. Yu.</i> Provincial sociology as a new research direction	45

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

<i>Punchenko O. P., Vodopianov P. A.</i> Formation and development of the noospheric vector in the educational paradigm of the 21 st century	51
<i>Dyubkova-Zhernosek T. P.</i> Development of students' ecological culture during the realisation of heuristic approach to learning	57
<i>Kurilovich N. V.</i> Information culture of the Belarusian State University teachers	66

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Belov A. A., Pokhomova A. A., Soglaeva L. A., Filinskaya L. V.</i> Longitudinal research of the Belarusian family on the methodology of the «Generations and gender» programme	74
<i>Belski A. M.</i> The space of literary tastes of Belarusian readers: sociological aspect	82
<i>Deniskina A. I.</i> Social portrait of a successful Belarusian employee in the context of digitalisation of society: professional digital competencies and personal competitiveness	89

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

Vanda Ivanovna Rusetskaya	95
Georgii Mikhailovich Evel'kin	97

Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	99
---	----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), China National Knowledge Infrastructure.

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 1. 2024**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редактор *Е. В. Жерносек*
Технический редактор *М. М. Баулина*
Корректоры *М. Д. Баранова, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 29.03.2024.
Тираж 78 экз. Заказ 372.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2024

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 1. 2024**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September, 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editor *E. V. Zhernosek*
Technical editor *M. M. Baulina*
Proofreaders *M. D. Baranova, L. A. Merkul'*

Signed print 29.03.2024.
Edition 78 copies. Order number 372.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2024